

Calder Loth

Moscow's skyline has excited emotions for centuries. Napoleon contemplated with awe the remarkable vision from the Poklonniye Hills when his army invaded the city in 1812. Though the Muscovites burnt their city to the ground rather than leave it to the French invaders, the general character of the cityscape was maintained. It was a forest of church domes and bell towers. At the beginning of the 20th century, Moscow continued to boast one of Europe's most exotic, most dramatic skylines. An endless number of churches towered over neighbourhoods of relatively low-rise residential, commercial, and administrative buildings. With their onion-shaped domes topped by jewel-like crosses, and their carnivalesque colour schemes, these Russian churches were unlike anything in the West, and added a bizarre, oriental quality to this easternmost of Europe's great cities.

The city's church domes came in many varieties: gold, blue, green, striped, chequered, and some studded

with gilt stars. Highlighting these churches were their bell towers – highly decorated confections adding further accents to the city skyline. At the heart of it all was the Kremlin, a garden of golden domes surrounded by the high towers of the Kremlin walls. Not to be outdone was Red Square and its focal point, St. Basil's – an unparalleled architectural fantasy that more resembles a fireworks display than a building.

A wealth of Art Nouveau apartment blocks and commercial buildings constructed just before World War I added to Moscow's exoticism. Wondrous creations by architects such as Georgy Makayev, Valentin Dubovsky, Sergei Malyutin and Nikolai Zhukov enriched the city's skyline. Their works, particularly Malyutin and Zhukov's Pertsov apartment building added visual delight to the city's streets and vistas. Russian Art Nouveau architecture ranks with the best in Europe and merits recognition for its excellence (see p.36). Further punctuation of the skyline came with the city's new railway stations. It would

Moscow's Skyline: Handle with Care

Городской силуэт Москвы: хрупкое равновесие

Калдер Лот

Силуэт Москвы поражает воображение наблюдателей на протяжении многих столетий.

В 1812 году, когда город заняла французская армия, Наполеон с восхищением взирал на удивительную панораму, открывшуюся с Поклонной горы. И хотя москвичи предпочли сжечь свой город дотла, лишь бы он не достался французским захватчикам, общий характер городского пейзажа сохранился и после пожара. Это был настоящий лес церковных куполов и колоколен. К началу XX века городской силуэт Москвы продолжал оставаться одним из самых необычных и выразительных в Европе. Бессчетное число храмов возвышалось над сравнительно малоэтажными районами, застроенными жилыми, торговыми и общественными зданиями. Русские церкви, празднично раскрашенные, увенчанные луковичными главами и драгоценными крестами, не походили ни на одно западноевропейское сооружение – они придавали самому восточному из великих европейских городов причудливый, ориентальный характер.

Купола городских церквей отличались большим разнообразием: золотые, голубые, зеленые, в

полоску или в ромб, а некоторые – усыпанные золочеными звездами. В общей застройке улиц церкви выделялись пышно декорированными колокольнями, порой похожими на нарядные кулички и создававшими дополнительные высотные доминанты в городском силуэте Москвы. Центром всего этого великолепия был Кремль, сад золотых куполов, окруженный высокими крепостными башнями. Не менее сильное впечатление производила Красная площадь и ее главная достопримечательность – собор Василия Блаженного, непревзойденная архитектурная фантазия, больше похожая на праздничный фейерверк, чем на здание из камня.

Доходные дома и общественные здания в стиле модерн, появившиеся незадолго до начала Первой мировой войны, придали Москве еще большее своеобразие. Силуэт города украсили удивительные постройки таких архитекторов, как Георгий Макаев, Валентин Дубовский, Сергей Мalyutin и Николай Жуков. Их произведения, среди которых особо выделяется доходный дом Перцова (арх. Жуков, худ. Мalyutin), художественно обогатили городские улицы и перспективы. Архитектура

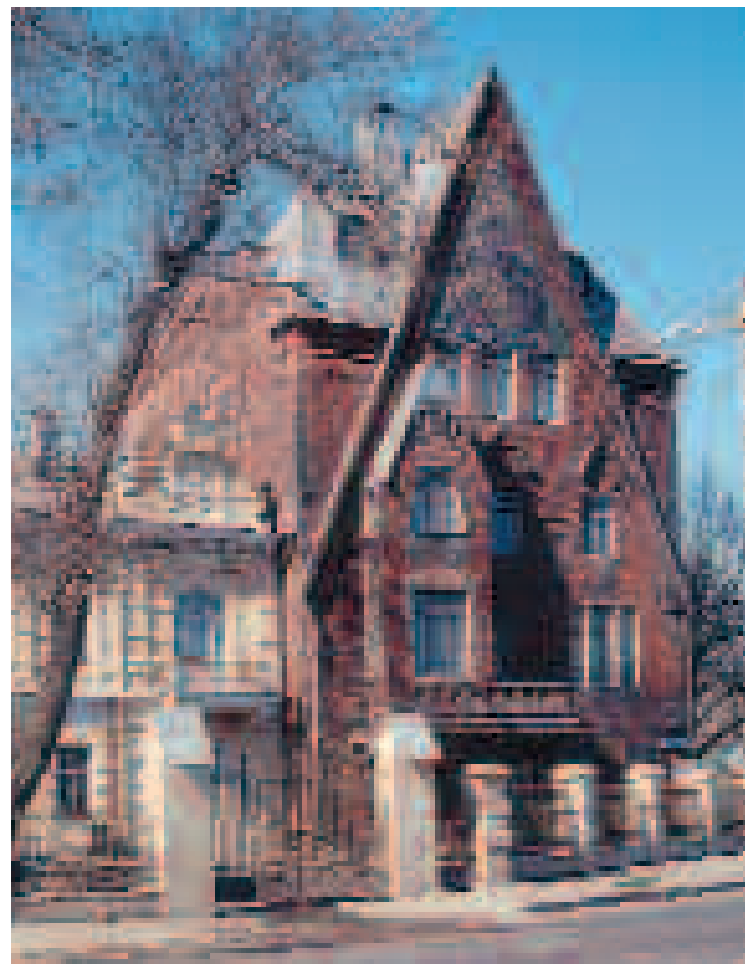

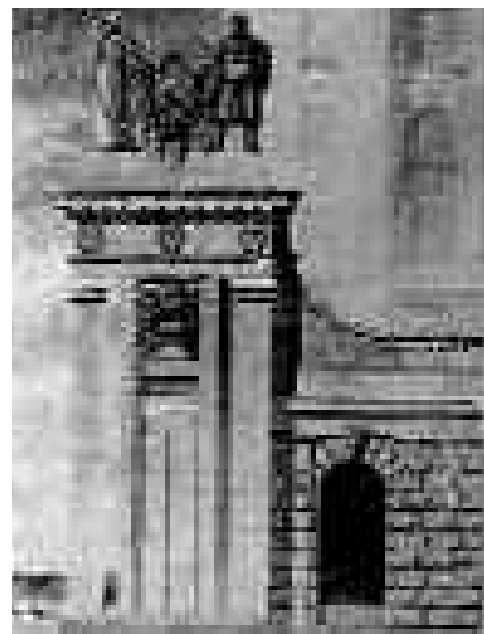
V Pertsov apartment building, 35 Prechistenskaya Naberezhnaya, majolica work by Sergei Malyutin, building designed jointly with Nikolai Zhukov, executed by Boris Shnauberg, 1905-1907
Доходный дом З. Перцова. Пречистенская наб. д. 35. Эскизный проект и изразцовые работы С. Малютина, совместно с Н. Жуко-

вым, исполнен Б. Шнаубергом. 1905-1907

Λ View of the Kremlin from Sofiiskaya Naberezhnaya, 1920s
Вид на Кремль со стороны Софийской набережной, 1920-е

> Hotel Ukraine, 2/1 Kutuzovsky Prospekt, by Alexander Mordvinov, engineer Vladislav Oltarzhewsky, 1949-1956
Гостиница «Украина». Кутузовский проспект 2/1. Арх. А. Мордвинов, инж. В. Олтаржевский, 1949-1956
> Sculptural composition, sketch
Эскиз скульптурной композиции

Ministry of Foreign Affairs, 32
Smolenskaya-Sennaya
Ploshchad, Vladimir Gelfreich
and Mikhail Minkus 1948-1953.
August 2006
Министерство иностран-
ных дел. Смоленская-Сен-
ная площадь, 32. Арх В.
Гельфрейх, М. Минкус,
1948-1953. Фото: август
2006

Λ Demolition of the Cathedral of Christ the Saviour, 1931
Разрушение храма Христа Спасителя, 1931

V Hotel Rossiya, 6 Ulitsa Varvarka, Dmitry Chechulin et al., 1964-1968, archival photograph
Гостиница «Россия». Ул. Варварка, 6. Арх. Дмитрий Чечулин и др., 1964-1968. Архивная фотография

be difficult to find two more memorable and impressive entrances to a city than Aleksei Shchusev's Kazansky and Fyodor Shekhtel's Yaroslavsky stations. These neighbouring complexes, with their spires and rich ornamentation, stand as splendid symbols of Russia's early 20th century National Romantic revival. They are remarkable survivors of the evolution of transport and of national identity.

Moscow's pre-Revolutionary skyline remained relatively undisturbed until the 1930s when many churches were demolished in the 'War on Religion' and massive apartment and office blocks began to compete with those that remained. The struggle between the churches and the new order was symbolized by the destruction of Moscow's largest church, the Cathedral of Christ the Saviour. With Stalin's approval, it was demolished in 1931 to provide a site for the Palace of the Soviets. Though the project was aborted, the gigantic size envisioned for it was a harbinger of things to come. The Stalin regime recognized the ability of

grand architecture to symbolise the glory of the Soviet state, pride in the Motherland, and to celebrate the Soviet people. The Palace of the Soviets was to have been the focal point of a series of high-rise buildings as part of a scheme to rebuild much of Moscow with triumphal Classical buildings.

It was not until after World War II that the Soviet government, along with Moscow's architectural community, began to fully exploit the use of tall buildings to redefine the city's appearance. This effort took off in 1947 with a plan conceived by the Soviet Council of Ministers to build eight towering, multi-story edifices at strategic points in the city. These buildings were to lend new expression to the city's skyline and were intended to transform Moscow into a showcase of architectural achievement. It was Stalin's ambition to show that the Soviet state could create urban beauty and order on a grand scale with speed and efficiency. Moreover, Russia's architectural establishment sought to avoid the disorderly urban land-

> Workers erecting the Hotel Ukraine, high-rise on Kudrinskaya Ploshchad visible in the background, archival photograph of 1950s
Строители гостиницы «Украина», на заднем плане видно высотное здание на площади Восстания. Архивная фотография. 1950-е

> High-rise on Lermontovskaya Ploshchad, taken from Hotel Leningradskaya, archival photograph of 1950s
Высотное здание на Лермонтовской площади, вид с гостиницы «Ленинградская». Архивная фотография. 1950

московского модерна ничем не уступает лучшим европейским образцам и заслуживает самой высокой оценки (см. стр. 36).

Дополнительные градостроительные акценты появились в городе со строительством новых железнодорожных вокзалов. В мире найдется мало городов, въезд в которые был бы оформлен столь же торжественно и монументаль-

но, как в Москве, с ее великолепными вокзалами – Казанским (арх. Алексей Щусев) и Ярославским (арх. Федор Шехтель). Эти увенчанные шпилями, богато декорированные вокзальные комплексы, построенные недалеко друг от друга, стали символами возрождения традиций русского национального зодчества в начале XX века. Они наглядно демонстрируют

вершины эволюции транспортной системы и роста национального самосознания.

Дореволюционный силуэт Москвы оставался практически неизменным до начала 1930-х годов. Именно тогда, в разгар антирелигиозной кампании, многие храмы были снесены, а те, что уцелели, потерялись на фоне огромных новых многоквартирных жилых до-

мов и административных зданий. Борьба новой идеологии с Церковью символически выразилась в разрушении крупнейшего московского собора – храма Христа Спасителя. С одобрения Сталина храм был взорван в 1931 году, ради возведения на его месте Дворца Советов. И хотя проект Дворца Советов так и не был реализован, его гигантские масштабы предвосхищали будущий облик столицы. Сталин понимал, что именно такая монументальная архитектура способна наилучшим образом выразить идеи торжества советского государства, патриотизма и величия его народа. Дворец Советов должен был стать композиционным ядром ряда высотных зданий, которые планировалось возвести в рамках проекта реконструкции Москвы, придающего большей части столицы триумфальный неоклассический облик.

Тем не менее лишь после окончания Второй мировой войны советское правительство и московские архитекторы смогли использовать потенциал высотного строительства для модернизации облика города. Начало этого периода принято отсчитывать с 1947 года, когда Совет Министров СССР принял постановление о строи-

scapes of capitalist cities, a disorder that to them was vividly displayed in the skyline of lower Manhattan. Nonetheless, Russia's architects were impressed by American skyscrapers and sought to incorporate the technology and design principles of these tall buildings into their own works.

No other metropolis has ever embarked on such a program and accomplished it. In less than a decade, beginning in 1947, seven of the planned eight high-rises were constructed. Anyone visiting the city for the first time cannot help but be overwhelmed by the dream-like power of these creations, and the effect they have on the city's silhouette. The full drama of these ethereal designs is best experienced in the new Moscow State University complex. Paint it green and the Emerald City of the Wizard of Oz becomes a reality. The architects of the 'Seven Sisters' recognized the importance of seeing these tall buildings from a distance as well as close up. When viewing the crowded skyscrapers of lower Manhattan, it is

difficult to see much more than their lower storeys from street level, or glimpses of their tops from far away. The Moscow buildings were placed at visually conspicuous sites so that their relationship with one another, as well as the boldly articulated verticality of their compositions, could be fully appreciated. As a result, we are treated to a series of architectural grand gestures all over the city.

The functions of the high rises vary: two are government buildings, two residential, two hotels, and the largest of the group is Moscow State University. Each of the seven buildings is a distinct composition, engaging the principles of both Classical and Gothic design, and expressing them with variety and imagination. Their architects and planners determined that they should be a synthesis of high-rise construction technology and Moscow's historical image, with luxuriously appointed interior public spaces. A dominant characteristic of these works is their soaring verticality, achieved with setback tiers. Each of the

тельстве восьми грандиозных высоток в главных стратегических точках города. Эти здания должны были придать городскому силуэту Москвы новую выразительность и превратить город в своеобразную выставку достижений советской архитектуры. Сталину хотелось продемонстрировать, что советское государство способно создавать красивую, масштабную и рационально спроектированную городскую архитектуру, причем делать это максимально быстро и качественно. Кроме того, советским зодчим было поручено избежать беспорядочной застройки, свойственной капиталистическим городам, – ярким примером такого беспорядка служила застройка Нижнего Манхэттена. Как бы то ни было, русские архитекторы находились под глубоким впечатлением от американских небоскребов и стремились использовать конструктивные и стилистические принципы, применявшиеся при строительстве многоэтажных зданий в США.

Ни один мегаполис в мире не ставил перед собой и не решал успешно подобной задачи. Менее чем за десять лет, начиная с 1947 года, были построены семь из первоначально предполагавшихся

восьми высоток. Любой человек, впервые оказавшийся в Москве, волей-неволей попадет под власть этих потрясающих воображение зданий, формирующих городской силуэт российской столицы. Наиболее сильное впечатление производит комплекс зданий Московского государственного университета (МГУ). Кажется, стоит только выкрасить его в зеленый цвет, и оживет Изумрудный город из Волшебной страны Оз. Архитекторы семи высоток прекрасно осознавали всю важность восприятия их сооружений с различных точек зрения – как на далеком расстоянии, так и вблизи. Тесно примыкающие друг к другу небоскребы Нижнего Манхэттена трудно рассмотреть, так как с улицы видны лишь их цокольные этажи, а издали – только верхние части. Московские же высотки построены на выгодных, хорошо просматривающихся градостроительных узлах. Они расположены таким образом, что их архитектурно-композиционная связь друг с другом, а также ярко выраженная вертикальность объемов могут быть в полной мере оценены. В результате мы становимся очевидцами целого ряда своеобразных архитектурных триумфов, последовательно предстающих

перед взором по мере движения по городу.

Высотки имеют различное функциональное предназначение: две из них – административные здания, две – жилые дома, две – гостиницы, самый крупный комплекс – здание МГУ. Каждое из семи зданий обладает уникальной архитектурной композицией, в которой свободно и изобретательно совмещаются принципы классического ордера и псевдоготики. Архитекторы и инженеры-проектировщики стремились к гармоничному соединению новейших строительных технологий высотных зданий, образных традиций старой Москвы и богатого оформления интерьеров общественных пространств.

Главной особенностью московских высоток является подчеркнутая вертикальность пропорций, которая достигается благодаря ярусно-ступенчатой композиции архитектурных масс. Контуры крыши каждого яруса оформлены множеством обелисков, урн, пинаклей, статуй, а также декоративными павильонами, и все это представлено в бесконечном количестве вариаций. Каждая высотка увенчана декоративным острым шпилем, который отчетливо выделяет ее в городском силуэте. По

первоначальному замыслу не все высотки имели подобное завершение, однако, согласно легенде, Сталину так понравился шпиль жилого дома на Котельнической набережной, что он потребовал установить шпили и на остальных зданиях. Более низкие боковые членения и соединительные элементы уравнивают общую вертикальную устремленность сталинских высоток, согласуясь с палладианскими принципами компоновки архитектурных объемов. Зодчие искусно придали сооружениям индивидуальный, неповторимый образ, наполнили каждое из них особым «духом места», превратив отдельные детали – в частности шпили – в аллюзии на знаменитые русские памятники. Шпиль гостиницы «Украина» может вызвать в памяти иглу Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Другие напоминают о башнях Кремля или колокольнях старых московских церквей.

Сталинские высотки не единственные новые доминанты в городском силуэте Москвы, возникшие в послевоенное время. Архитекторы этого периода возвели множество других масштабных зданий, башни и купола которых украсили улицы и бульвары

tiers were given rooflines set off with lavish use of obelisks, urns, finials, sculptures, and even ornamental pavilions, all in endless variety. Crowning each tower, and providing them with a yet stronger visual presence in the cityscape, is a purely ornamental slender spire. The spires were not originally contemplated for every one of the group, but it is said that Stalin liked the spire on the Kotelnicheskaya Naberezhnaya building, and demanded that all of the buildings have one.

Counterbalancing the verticality of the compositions are lower wings and connecting hyphens following Palladian principles for multi-sectioned massing. Their architects cleverly gave these works their own character and sense of place by referencing traditional Russian landmarks in their various details, particularly their spires. The spire topping the Hotel Ukraine recalls the needle spire of the Admiralty in St. Petersburg. Others suggest the towers of the Kremlin walls or the bell towers of early Moscow churches.

Not only did the architects of the post-war period accent Moscow's skyline with the 'Seven Sisters', they designed towers and cupolas for many other new buildings, particularly along the city's boulevards. Examples of these reference points are the Hotel Peking, a landmark on one of Moscow's busiest intersections, and Kaluga Gate – the huge pair of apartment buildings on Ploshchad Gagarina that form a formidable entrance into the city. Few developers today could justify the cost of highlighting apartment buildings with such delightful cupolas as those seen on apartment buildings such as those on Smolenskaya Ploshchad, Malaya Sukharevskaya Ulitsa, and Frunzenskaya Naberezhnaya. These and scores of other examples embodied the desire of the regime and its architects to give Moscow a unique aesthetic.

The construction of these giant Classical-style creations ceased during the Khrushchev regime of the 1960s. Thankfully, much of the construction of the 1960s and '70s took place in the outer

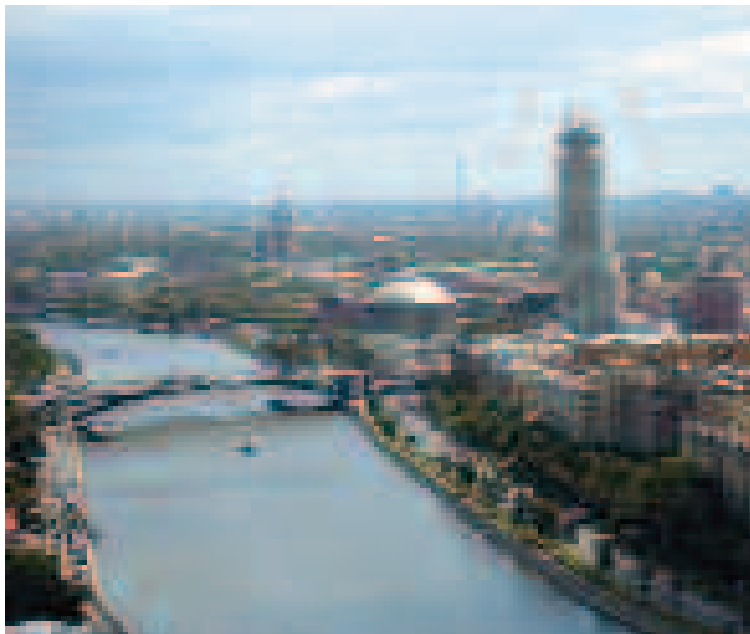
reaches of the city, where the skyline is marked by an endless sea of flat-topped apartment blocks. With two marked exceptions, the skyline of central Moscow saw relatively few changes during this period. The most conspicuous imposition came with the construction in 1963-1969 of the range of International Style high-rise buildings on the Kalinin Prospect, or the New Arbat. We fear to think what historic buildings were lost because of this extensive project, nevertheless, the New Arbat buildings stand as central Moscow's primary and most complete achievement of socialist town planning of the Khrushchev era. The complex includes the elegant Oktyabrsky Cinema. Regrettably, the formerly sleek structures of the New Arbat are today disfigured by missing facade tiles, innumerable air conditioners, and a general air of neglect. Their street levels are choked with the neon signs of casinos. In their present state, the New Arbat buildings are a reflection of the city's inability to maintain its most centrally located architectural

inventory, yet the New Arbat buildings occupy an important place in Moscow. Massive restoration and modernization will be required to get rid of its present tawdry image. The challenge will be to seek sufficient private investment with sympathetic architectural controls.

The other major 1960s introduction to central Moscow's skyline was the Hotel Rossiya, the enormous block on the banks of the Moscow River adjacent to Red Square, said to be the world's largest hotel at the time of its construction. The massive building reflected Russia's fascination with superlative size in everything, and certainly was Moscow's most imposing individual work of the post-Stalin period. Though it was given a tower of sorts, and facades with relatively articulate treatment, the Hotel Rossiya remained a sober, heavy-scaled contrast to the rich architecture of the neighbouring Kremlin and Kitai-Gorod. Over the past two decades, the hotel lost whatever glamour or prestige it had. Although the Hotel Rossiya was an excellent candidate for reconstruc-

V The new 34 storey Swisstel, 52 Kosmodamianskaya Naberezhnaya, completed 2005, to the left the Moscow International House of Music, Yuri Gnedovsky et al. 2002 Новое 34-этажное здание «Свиссотель» (2005) на Космодамианской набережной. Рядом – здание Московского дома музыки,

арх. Ю. Гнедовский и В. Красильников, 2002

города. Среди них – гостиница «Пекин», стоящая на одной из самых оживленных площадей Москвы, и два парных жилых дома на площади Гагарина, у Калужских ворот, образующие своеобразные парадные пропилеи на пути к центру города. Мало кто из современных застройщиков смог бы обосновать затраты на украшение жилых домов такими внушитель-

ными башнями, как те, что венчают здания на Смоленской площади, Малой Сухаревской улице или на Фрунзенской набережной. Эти и многие другие здания – воплощение стремлений власти и архитекторов придать новую эстетику просторам столицы.

Возведение крупномасштабных сооружений в неоклассическом стиле было прекращено в 1960-е

годы, в период правления Хрущева. К счастью, основное строительство в последующие десятилетия велось на окраинах города – в районах, силуэт которых с тех пор определяется монотонным ритмом типовых квартирных домов. Облик центральной части города в этот период оставался почти нетронутым – за двумя важными исключениями. Наиболее существенной интервенцией стала прокладка в 1963-1969 годах Калининского проспекта (ныне Нового Арбата), застроенного высотными зданиями в стиле интернационального модернизма. Страшно подумать, сколько исторических зданий было принесено в жертву этому грандиозному начинанию. Тем не менее Новый Арбат стал самым важным и наиболее последовательно реализованным проектом социалистического градостроительства при Хрущеве. В ансамбль проспекта входит и элегантное здание киноконцертного зала «Октябрь» (1967). К сожалению, некогда сверкавшие новизной дома на Новом Арбате сегодня частично утратили облицовку, фасады их испещрены бесчисленными ящиками кондиционеров, а в целом все производит впечатление изрядного запустения. Нижние этажи этих

домов загромождены неоновыми вывесками игровых заведений. В своем нынешнем виде Новый Арбат наглядно отражает неспособность столичных властей поддерживать в должном состоянии архитектурные объекты, расположенные в самом центре города и играющие огромную роль в инфраструктуре Москвы. Чтобы очистить Новый Арбат от наносной безвкусицы, необходима его капитальная реставрация и модернизация. Привлечение частных инвесторов и обеспечение надлежащего архитектурного надзора над проектом станут серьезной задачей.

Существенно изменил силуэт московского центра второй крупный строительный проект 1960-х годов – гостиница «Россия», огромный лапидарный объем которой расположился на набережной Москвы-реки вблизи Красной площади. На момент строительства гостиница считалась крупнейшей в мире. Ее внушительные масштабы стали воплощением традиционной русской гигантомании: «Россия», пожалуй, была самой большой постройкой из всех возведенных в Москве после смерти Сталина. Хотя гостиницу венчал башнеобразный блок, а ее фасады имели достаточно оживленный

tion into a grand first-class hotel, it is being demolished. Initial plans were for a reconstruction partly recreating the lost Zaradye quarter formerly occupying the site, while recently Norman Foster and Partners contributed a proposal. This new development would include offices and several four and five star hotels. Such a scheme is highly controversial, and should not be lightly considered. It is imperative that the architecture of whatever replaces the Hotel Rossiya be truly worthy of its World Heritage Site neighbour, and not be a theme park of illiterate pastiche historicism. This precinct along the banks of Moscow River is sacred to all Russia and should be treated with the greatest respect.

Russia's change from a highly controlled socialist state to a market economy poses an imminent threat to central Moscow's unique skyline. As the city prospers and grows, there inevitably will be pressure for new skyscrapers. Already Moscow is seeing the construction of office towers contending in

height with the 'Seven Sisters'. A conspicuous example is the new tower on the south side of the Moscow River, near the Paveletsky railway station. The nearby high-rise Swisotel Hotel, completed in 2005 is a taste of things to come. Because of Moscow's circular city plan, it protrudes into the skyline in the most unexpected places. The hotel competes with the Kremlin towers as one walks down Tverskaya Street, and is visible between St Basil's and the Kremlin on Red Square. Norman Foster and Partners are planning the tallest building in Europe for construction in the new Moskva City development. Equally disturbing is discussion of plans to ring the city with a collection of high-rise buildings in the style of the 'Seven Sisters' but more mammoth in scale. Such a scheme risks making a mockery of past architectural and planning achievements.

At this moment, Moscow still presents one of the world's most amazing architectural assemblages and urban silhouettes. Its continuing evolution

should not be stopped. Moscow's landscape laws are complex and sophisticated but they do not always guarantee the optimum outcome for the city. Moscow is not Venice; it is a dynamic world capital and cannot be frozen. The challenge is for Moscow's elected leaders, architects, planners, developers, and citizens to ensure that every new building project both respects and enhances the special beauty and character of this great capital. Every new building should become a cherished contribution to its architectural heritage.

ритм членений, своим аскетизмом и излишней массивностью она невыгодно контрастировала с разнообразной, богато декорированной архитектурой примыкающих к ней Китай-города и Кремля.

За последние два десятилетия гостиница «Россия» утратила весь свой бывший блеск и престиж. Ее можно было с успехом реконструировать и превратить в роскошный современный отель. Однако было принято решение о сносе гостиницы, и в настоящее время значительная ее часть уже разобрана. Первоначально заявленные планы реконструкции предполагали частичное воссоздание квартальной сетки Зарядья. В настоящее время практически утвержден проект английского бюро Нормана Фостера. На месте «России» должно появиться несколько крупных блоков – офисных центров и четырех- и пятизвездочных отелей. Проект представляется достаточно противоречивым и необходимо отнестись к нему со всей серьезностью. Очень важно, чтобы та архитектура, которая возникнет на месте гостиницы «Россия», не превратилась в выставку псевдоисторических муляжей, а была достойна соседства с Кремлем – памятником, внесенным в Список объектов всемирно-

го наследия ЮНЕСКО. Эта земля на берегу Москвы-реки – сердце всей России, и она требует к себе глубокого почтения.

Переход российской экономики от централизованной социалистической системы к рыночным отношениям таит в себе серьезную угрозу для уникального исторического силуэта Москвы. По мере того как город богатеет и разрастается, неизбежно возникает потребность в новых многоэтажных зданиях. Уже сейчас в Москве можно видеть недавно выстроенные офисные здания, соперничающие по высоте со сталинскими высотками. Яркий пример тому – новая башня, воздвигнутая на правом берегу Москвы-реки, рядом с Павелецким вокзалом. В 2005 году здесь вырос небоскреб «Swisotel», который может дать наглядное представление о том, что ожидает город в будущем. Благодаря радиально-кольцевой планировке Москвы, этот небоскреб возникает в силуэте города в самых неожиданных местах. Отель возвышается над башнями Кремля, если смотреть со стороны Тверской, а на Красной площади он вклинивается между собором Василия Блаженного и Спасской башней. Архитектурное бюро Нормана

Фостера проектирует небоскреб для Московского Сити, который должен стать самым высоким сооружением в Москве. Вызывает опасение также широко обсуждающийся проект, в соответствии с которым город предполагается окружить кольцом многоэтажных зданий в стиле семи сталинских высоток, однако более грандиозных по масштабам. Подобный проект грозит обернуться настоящей насмешкой над архитектурными и градостроительными достижениями прошлого.

На сегодняшний день Москва все еще представляет собой один из самых выдающихся архитектурных ансамблей мира, а ее городской силуэт до сих пор сохраняет свою уникальность. Очевидно, что город не должен останавливаться в своем развитии. Но сложное и крайне запутанное градостроительное законодательство Москвы далеко не всегда оставляет ее в выигрыше. Москва не Венеция, это динамично развивающаяся мировая столица, и ее рост невозможно сдерживать. Задача московских властей, архитекторов, градостроителей, застройщиков и вообще всех москвичей – следить за тем, чтобы любой строительный проект в стремлении улучшить этот

великий город с уважением относился к его своеобразию и неповторимой красоте. Проектировать и возводить каждое новое здание нужно таким образом, чтобы оно стало достойной частью драгоценного архитектурного наследия Москвы.

By Edmund Harris

One of the most distinctive features of Moscow's cityscape is the large number of mansions and townhouses built by the gentry and the well-to-do. The earliest examples are represented by the *palaty*, discussed in a separate chapter. They continued to appear throughout the 18th century, even when St. Petersburg had become the focus of Russia's grand monde, and are represented by buildings such as the late-Baroque/early-Rococo Apraksin house at 22 Ulitsa Pokrovka, (1766-1769), although more typically by mature Classicism such as the Dolgoruky family house. A particularly important type is represented by the Russian term *gorodskaya usadba*, which all but defies adequate translation into English, but implies a central residence surrounded by outbuildings, like a state home in the country. These building types flourished when Moscow was rebuilt after the great fire during the Napoleonic invasion of 1812, and gave it a particularly distinctive stamp. It coincided with the peak of the so-called

Moscow Empire Style, a particularly refined and elegant interpretation of late Classicism. Particular quarters of the city were favoured by particular classes. Thus, for instance, Povarskaya Ulitsa was home to many gentry families, while the Zamoskvorechye district was favoured by the merchant classes – one of the richest and most influential groups of pre-Revolutionary Moscow society – who built there single-storey mansions with exuberant eclectic stucco work on the facades. The construction of mansions continued into the late 19th and early 20th centuries, by now predominantly for wealthy industrialists, and was cut short by the Revolution of 1917, following which many of these buildings had chequered lives. Those which were converted to foreign embassies have survived best, those converted to institutional buildings usually less so, while many have been demolished or rebuilt as sham replicas in recent years and still more are badly run down or actually derelict.

Palaces, Mansions and Town Houses Городские усадьбы, дворцы и особняки

Эдмунд Харрис

Одна из примет исторической застройки Москвы – многочисленные особняки и городские усадьбы, принадлежавшие дворянству и состоятельным горожанам. Наиболее ранним их образцам, палатам, посвящена отдельная глава. В XVIII веке, когда казалось бы весь высший свет переместился в Санкт-Петербург, в Москве продолжали возводиться богатые резиденции. Примерами могут служить дом Апраксина на Покровке, 22 (1766-1769), объединивший черты позднего барокко и раннего рококо, или более типичная для Москвы усадьба Долгоруких на Поварской, построенная в стиле зрелого классицизма.

Для понятия «городская усадьба» трудно подобрать точный эквивалент в английском. Оно предполагает наличие центрального жилого дома, окруженного на дворами постройками и флигелями, как в загородном поместье. Усадебное зодчество пережило подъем в период восстановления Москвы после пожара 1812 года, и памятники этого времени по сей день придают московским улицам неповторимый облик. Эта эпоха совпала с расцветом стиля ампира – изысканной и благородной вет-

ви позднего классицизма.

Представители различных сословий обитали в разных районах города. На Поварской улице, например, жили дворянские семьи, в то время как в Замоскворечье преобладало купечество – богатейшая и влиятельнейшая прослойка дореволюционного общества. Купцы обычно строили одноэтажные особняки, украшая фасады изобильной и эклектичной лепниной. Строительство усадеб продолжалось до конца XIX – начала XX в., когда они сооружались в основном для разбогатевших промышленных магнатов, и оборвалось революцией 1917 г., принесшей тревожные перемены в их судьбу.

Сегодня в наилучшем состоянии находятся те из них, что были переданы иностранным посольствам. Здания, в которых располагались государственные учреждения, как правило, сохранились намного хуже, а многие усадьбы вообще утрачены. Последние годы озаменованы массовыми сносами особняков и варварской реконструкцией, превращающей их в муляжи. Многие здания страдают от небрежного содержания или просто заброшены.

THE RAZUMOVSKY PALACE.

18-20 ULITSA KAZAKOVA.

ATTRIBUTED TO ADAM MENELAWS,

1801-1803

THE RAZUMOVSKY PALACE WAS BORN OF EMPRESS ELIZABETH'S LOVE FOR UKRAINIAN CHOIRBOY ALEXEI ROZUM. AFTER SHE CAME TO THE THRONE IN 1741 SHE MADE HIM COUNT RAZUMOVSKY AND GAVE HIM THE ESTATE WHERE HIS NEPHEW ALEXEI BUILT THE RAZUMOVSKY PALACE. THE PALACE SITS IN A GREAT PARK IN EAST MOSCOW AND IS BUILT OF OAK LOGS ON A MASONRY SUB-STORY. AFTER ALEXEI'S DEATH THE HOUSE BECAME AN ORPHANAGE. IN SOVIET TIMES IT HOUSED A SPORTS INSTITUTE, AND A SAUNA WAS BUILT IN THE ONCE SPLENDID INTERIORS. IT LAY EMPTY THROUGHOUT THE 1980S WHEN ITS INTERIOR AND ROOF WERE PLUNDERED FOR MATERIALS. IT WAS PARTLY DESTROYED BY FIRE IN 1999 SINCE WHEN IT HAS BEEN EXPOSED TO THE ELEMENTS. PART OF ITS WINGS ARE IN USE AS OFFICES BUT THE MAIN PART IS A RUIN. OWNERSHIP IS SPLIT BETWEEN THE RUSSIAN ACADEMY OF ARTS, THE DIRECTOR OF WHICH IS SCULPTOR ZURAB TSERETELI, AND THE FEDERAL AGENCY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT. GREEN NETTING WAS HUNG

OVER IT AFTER THE FIRE. A POSITIVE RECENT DEVELOPMENT IS THAT A SURVEY OF THE BUILDING HAS BEEN ORDERED BY THE ACADEMY OF ARTS. IT IS HOPED THAT THIS IS A STEP TOWARDS ITS MUCH-DELAYED RESTORATION.

C.C.

Дворец А. Разумовского.

Улица Казакова, д. 18-20.

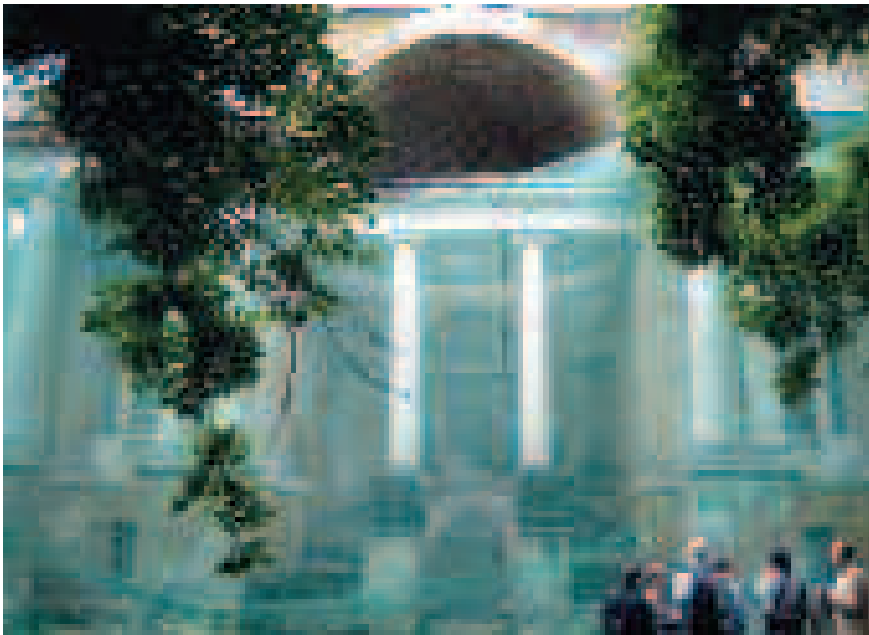
Арх. А. Менелас (?), 1801-1803

Дворец Алексея Кирилловича Разумовского имеет любопытную предысторию. Своим возникновением он обязан роману императрицы Елизаветы Петровны и простого певчего из Малороссии Алексея Розума. После восшествия Елизаветы на престол в 1741 году ее возлюбленный получил титул графа Разумовского, а также поместье на восточной окраине Москвы, где много лет спустя его племянник, Алексей Кириллович, построил существующий и поныне дворец. Этот дворец, выстроенный из дубовых брусьев на каменном цоколе, был окружен великолепным парком. После смерти хозяина в здании расположился сиротский приют. В советское время усадьба А.К. Разумовского была отдана Институту физкультуры. В некогда роскошных интерьерах была устроена сауна. Все 1980-е годы дворец пустовал, а отделка интерьеров и крыша тайком разбирались на стройматериалы. Случившийся в 1999 году пожар разрушил большую часть здания, открыв ее всем стихиям. В крыльях здания до сих пор находятся офисы, но центральная часть дворца превратилась в руину, со временем пожара закрытую зеленой сеткой. Сейчас здание делит Федеральное агентство по физической культуре и спорту и Российская академия художеств, президентом которой является скульптор Зураб Церетели. В последние годы здесь не производилось никаких работ, однако надежда, что судьба дворца А.К. Разумовского вскоре изменится в лучшую

сторону, все же есть. Недавно Академия художеств заказала полное техническое обследование здания. Возможно, это первый шаг на пути к его сильно запоздавшей реставрации.

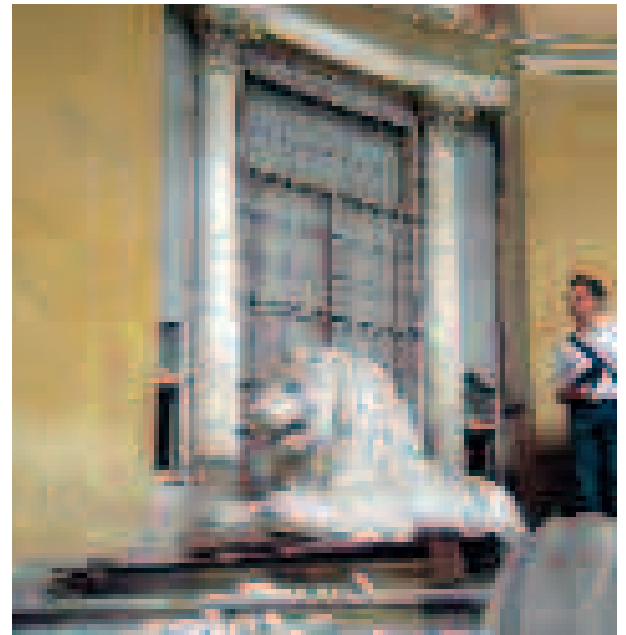
K.C.

< View of vault above main entrance facing the street
Свод над парадным входом главного фасада

∧ View of the main entrance, June 2005
Парадный вход. Июль 2005

∨ View of the rear façade, facing the former park
Задний фасад, обращенный к бывшему приусадебному парку

∧ Adam Wilkinson of SAVE inspects the main entrance, June 2005
Адам Уилкинсон (SAVE) осматривает парадный вход. Июль 2005

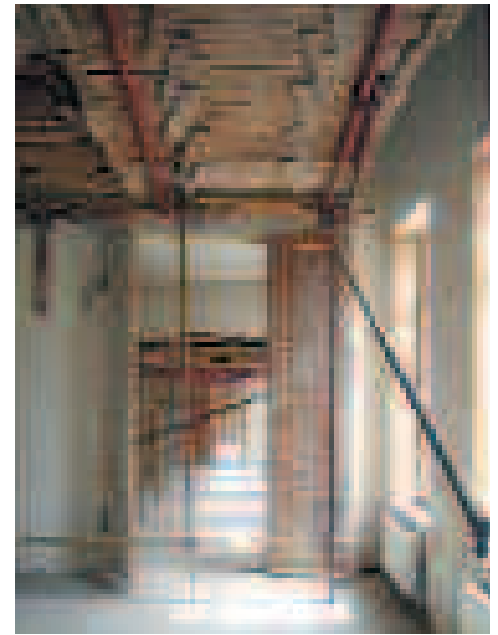
PALACES, MANSIONS AND TOWN HOUSES / ГОРОДСКИЕ УСАДЬБЫ, ДВОРЦЫ И ОСОБНЯКИ

THE MOURAVIEFF-APOSTOL MANSION,
23/9 STARAYA BASMANNAYA ULITSA,
LATE 18TH/EARLY 19TH CENTURIES,
BY I. ZHUKOV (?)
WWW.MA-HOUSEMUSEUM.ORG

THE MOURAVIEFF-APOSTOL MANSION ON BASMANNAYA ULITSA WAS ONCE HOME TO THREE OF THE ORGANISERS OF THE 1825 DECEMBRIST UPRISING. THE WOODEN MANSION WAS BUILT IN THE EARLY NINETEENTH CENTURY IN THE MOSCOW CLASSICAL STYLE. IT IS ONE OF FEW WOODEN BUILDINGS IN MOSCOW TO HAVE SURVIVED THE 1812 FIRE THAT DESTROYED MOST OF THE CITY. THE HOUSE WAS ABANDONED AFTER THE UPRISING FAILED AND THE BROTHERS PUNISHED (ONE WAS HANGED, ONE EXILED AND THE THIRD COMMITTED SUICIDE). UNTIL SOVIET TIMES THE HOUSE WAS AN ORPHANAGE, THEN IT BECAME GOVERNMENT OFFICES. LUCKILY THE INTERIORS REMAINED UNTOUCHED. THE MAIN STAIRCASE COLLAPSED IN 1991 AND THE HOUSE LAY EMPTY UNTIL 2000 WHEN A DESCENDANT OF THE MOURAVIEFF APOSTOL BROTHERS VISITED RUSSIA AND SECURED A LONG LEASE FROM MAYOR YURY LUZHKOV, ON CONDITION THAT HE WOULD RESTORE THE HOUSE AND CREATE A MUSEUM TO THE DECEMBRISTS THERE. CHRISTOPHER MOURAVIEFF-APOSTOL AND THE MUSEUM DIRECTOR TATYANA MAKEYEVA OPTED FROM THE START TO USE FAITHFUL RESTORATION METHODS, AN INSPIRING EXAMPLE IN TODAY'S MOSCOW WHERE RESTORATION STANDARDS HAVE FALLEN PREY TO ECONOMIC PRESSURES.
C.C.

ГОРОДСКАЯ УСАДЬБА
МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ
Ул. СТАРАЯ БАСМАННАЯ, Д. 23/9.
Арх. И. Жуков (?)
Конец XVIII – начало XIX в.
WWW.MA-HOUSEMUSEUM.ORG

ГОРОДСКАЯ УСАДЬБА НА СТАРОЙ БАСМАННОЙ УЛИЦЕ КОГДА-ТО БЫЛА РОДОВЫМ ГНЕЗДОМ ТРЕХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1825 ГОДА – БРАТЬЕВ МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ. ДЕРЕВЯННЫЙ ОСОБНЯК ПОСТРОЕН В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА В ФОРМАХ МОСКОВСКОГО КЛАССИЦИЗМА. ЭТО ОДНО ИЗ НЕМНОГИХ ДЕРЕВЯННЫХ СООРУЖЕНИЙ, КОТОРЫЕ УЦЕЛЕЛИ В ПОЖАРЕ 1812 ГОДА, УНИЧОЖИВШЕГО БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ МОСКВЫ. ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ БРАТЬЯ МУРАВЬЕВЫ-АПОСТОЛЫ БЫЛИ ОСУЖДЕНЫ, ОДИН ИЗ НИХ БЫЛ ПОВЕШЕН, ДРУГОЙ ОТПРАВЛЕН В ССЫЛКУ, А ТРЕТИЙ ЗАСТРЕЛИЛСЯ. ФАМИЛЬНЫЙ ДОМ ПРОДАЛИ. ВПОСЛЕДСТВИИ В НЕМ УСТРОИЛИ СИРОТСКИЙ ПРИУТ, А В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ РАЗМЕСТИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНТОРЫ. К СЧАСТЬЮ, ИНТЕРЬЕРЫ ДОМА В ЦЕЛОМ СОХРАНИЛИСЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ. В 1991 ГОДУ В ДОМЕ ОБРУШИЛАСЬ ПАРАДНАЯ ЛЕСТНИЦА, И ЗДАНИЕ ПУСТОВАЛО ДО 2000 ГОДА, КОГДА ПОТОМОК МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ ПОЛУЧИЛ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ ПРАВО НА ДОЛГОСРОЧНУЮ АРЕНДУ ДОМА С УСЛОВИЕМ, ЧТО ЗДАНИЕ БУДЕТ ОТРЕСТАВРИРОВАНО И В НЕМ СОЗДАДУТ МУЗЕЙ ДЕКАБРИСТОВ. КРИСТОФЕР МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ И ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ТАТЬЯНА МАКЕЕВА С САМОГО НАЧАЛА ПОСТАВИЛИ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ ПРОВЕДЕНИЕ НАУЧНОЙ РЕСТАВРАЦИИ ЗДАНИЯ. ПРИМЕР ДОМА МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ НЕ МОЖЕТ НЕ ВСЕЛЯТЬ ОПТИМИЗМ В НАШЕ ВРЕМЯ, КОГДА ПРИНЦИПЫ НАУЧНОЙ РЕСТАВРАЦИИ НЕ РЕДКО ПРИНОСЯТСЯ В ЖЕРТВУ КОММЕРЧЕСКИМ ИНТЕРЕСАМ.
К.С.

▲ View of the main enfilade with restoration work in process. June 2005
Вид анфилады в процессе реставрации. Июнь 2005

▼ View of the street façade towards the end of restoration work. June 2005
Выходящий на улицу главный фасад перед завершением реставрационных работ. Июнь 2005

TSARITSYNO PALACE
 BY VASILY BAZHENOV AND MATVEI KAZAKOV
 1780-1790s

UNTIL 2005, TSARITSYNO HAD STOOD UNUSED AND UNFINISHED SINCE 1797, WHEN PAUL I ORDERED A HALT TO CONSTRUCTION FOLLOWING THE DEATH OF CATHERINE THE GREAT. IT WAS SHE WHO HAD COMMISSIONED THIS PALACE IN A FANTASTIC HYBRID OF GOTHIC AND CLASSICAL STYLES, BUILT IN THE MIDST OF A LANDSCAPED PARK. THE BUILDING FELL INTO PICTURESQUE RUIN AND BECAME BELOVED OF MUSCOVITES AS A MEMORIAL TO IMPERIAL WHIMS. THE PALACE IS OFFICIALLY LISTED AS A RUIN AND, ACCORDING TO THE VENICE CHARTER, THE BUILDING OUGHT TO BE PRESERVED IN THE STATE IN WHICH IS HAS SURVIVED TO THE PRESENT DAY. HOWEVER IN DECEMBER 2005 WORK COMMENCED ON 'COMPLETING' TSARITSYNO, WITHOUT AN APPROVED PLAN. MAYOR YURY LUZHKOVA DECLARED THAT HE WANTS THE BUILDING TO BE TRANSFORMED INTO MOSCOW'S EQUIVALENT OF ST. PETERSBURG'S HERMITAGE. DESPITE HAVING NO OFFICIAL PERMISSIONS TO CARRY OUT CONSTRUCTION THAT HAS SUBSEQUENTLY GIVEN THE PALACE A ROOF, WINDOWS, PARTITIONS AND AN INTERIOR, WORK COMMENCED. THE ELEGANT 'BREAD HOUSE' BESIDE THE MAIN PALACE BUILDING HAS BEEN COVERED BY A HIGH GLASS DOME. VISITORS WILL ENTER THE PALACE THROUGH AN UNDERGROUND ENTRANCE IN A GLASS PAVILION, BEING CONSTRUCTED IN THE STYLE OF THE PALACE. RESTORATION OF THE EXISTING WALLS IS ALSO UNDERWAY; CONCRETE AND METAL HAVE BEEN USED IN THE RESTORATION PROCESS, WHICH IS BEING UNDERTAKEN WITH GREAT HASTE. C.C.

ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ ЦАРИЦЫНО. АРХ. В. БАЖЕНОВ, М. КАЗАКОВ 1780 – 1790-Е

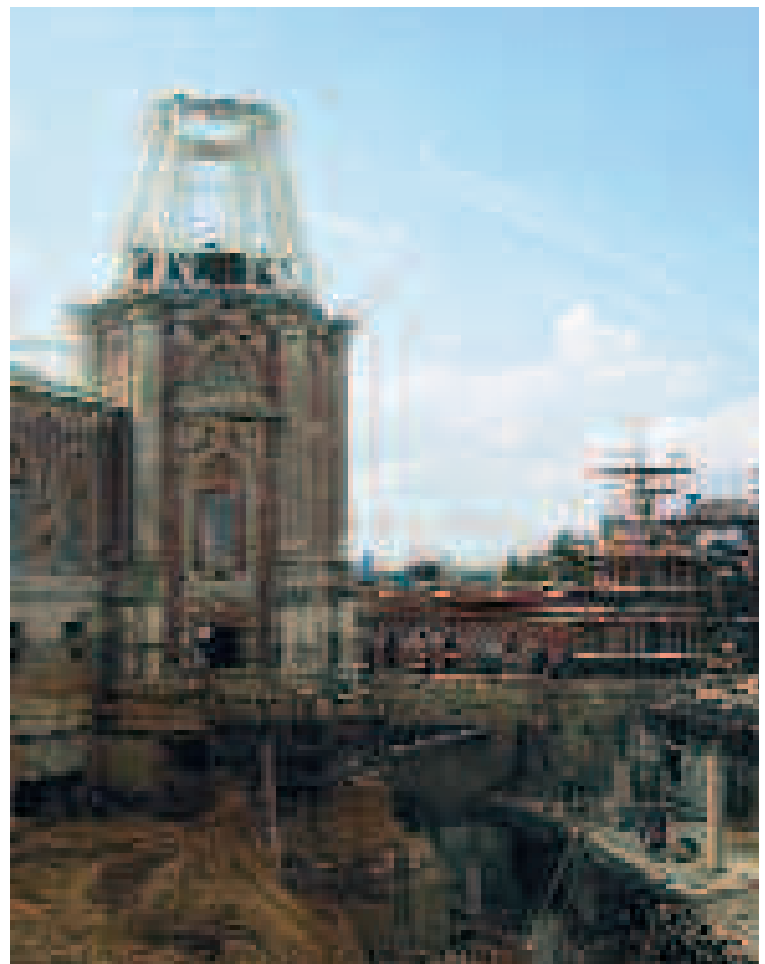
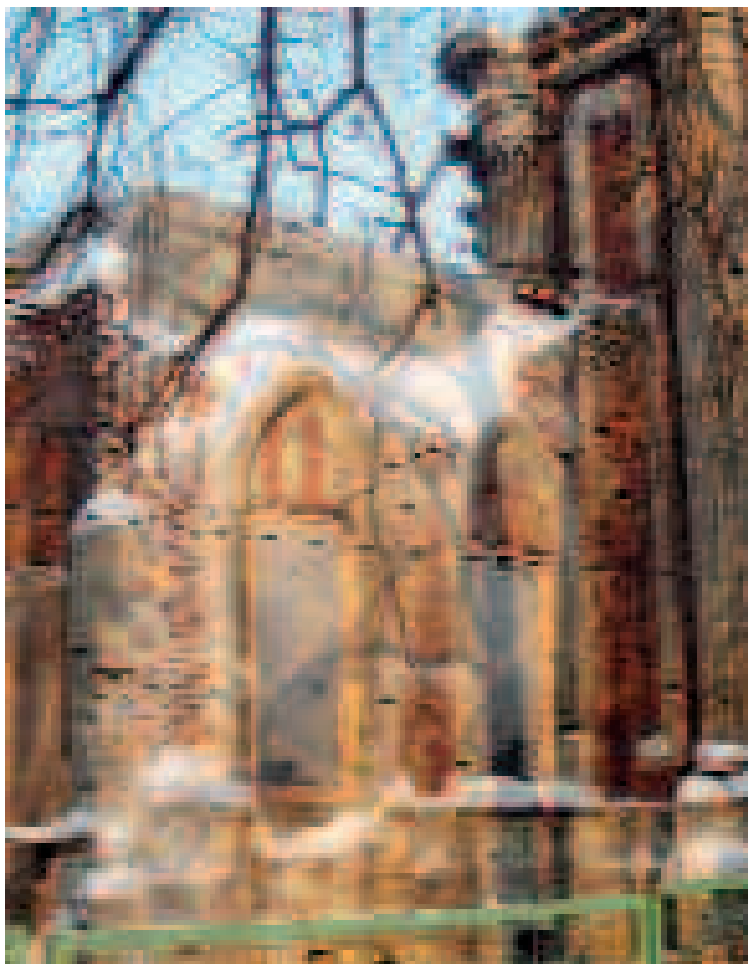
СВОЕГО РОДА ПАМЯТНИК МОНАРШИМ КАПРИЗАМ, ЦАРИЦЫНСКИЙ ПАРК С ЕГО РОМАНТИЧЕСКИМИ РУИНАМИ СТАЛ ИЗЛЮБЛЕННЫМ МЕСТОМ ОТДЫХА ДЛЯ МНОГИХ И МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ МОСКВИЧЕЙ. СТИЛЬ ПОСТРОЕК ЦАРИЦЫНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ПРИЧУДЛИВОЕ СМЕШЕНИЕ ФОРМ ПСЕВДОГОТИКИ И КЛАССИЦИЗМА. В СПИСКЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ В ЦАРИЦЫНЕ, ТАК И НЕ ЗАВЕРШЕННЫЙ СВОИМИ СОЗДАТЕЛЯМИ, ЗНАЧИЛСЯ КАК РУИНЫ. В СООТВЕТСТВИИ С ВЕНЕЦИАНСКОЙ ХАРТИЕЙ 1964 ГОДА ЕГО СЛЕДОВАЛО СОХРАНЯТЬ В ТОМ ОБЛИКЕ, В КАКОМ ОН ДОШЕЛ ДО НАШИХ ДНЕЙ. ОДНАКО В ДЕКАБРЕ 2005 ГОДА НАЧАЛИСЬ РАБОТЫ ПО «ЗАВЕРШЕНИЮ СТРОИТЕЛЬСТВА» ЦАРИЦЫНА, НЕСМОТРИ НА ТО, ЧТО УТВЕРЖДЕННОГО ПЛАНА РЕКОНСТРУКЦИИ ЕЩЕ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО. МЭР МОСКВЫ ЮРИЙ ЛУЖКОВ ЗАЯВИЛ О СВОЕМ НАМЕРЕНИИ ПРЕВРАТИТЬ ДВОРЕЦ В «МОСКОВСКИЙ ЭРМИТАЖ». ОТСУТСТВИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ПОМЕШАЛО НАЧАЛУ РАБОТ: У БОЛЬШОГО ДВОРЦА ПОЯВИЛСЯ КРЫША, ОКНА И МЕЖКОМНАТНЫЕ ПЕРЕГОРОДКИ, А ИЗЯЩНЫЙ ХЛЕБНЫЙ ДОМ РЯДОМ С ДВОРЦОМ ПОЛУЧИЛ ВЫСОКИЙ СТЕКЛЯННЫЙ КУПОЛ. ПОСЕТИТЕЛИ БУДУТ ПОПАДАТЬ ВО ДВОРЕЦ ЧЕРЕЗ ОТДЕЛЬНО СТОЯЩИЙ СТЕКЛЯННЫЙ ПАВИЛЬОН, СОЕДИНЕННЫЙ С ПОДЗЕМНОЙ ЧАСТЬЮ ЗДАНИЯ И ВЫСТРОЕННЫЙ В ПСЕВДОГОТИЧЕСКИХ ФОРМАХ. СУЩЕСТВУЮЩИЕ СТЕНЫ ДВОРЦА ТАКЖЕ РЕКОНСТРУИРУЮТСЯ; В ХОДЕ ИХ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ РЕСТАВРАЦИИ ИСПОЛЗУЮТСЯ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ. В ЦЕЛОМ, РАБОТЫ ПО «ЗАВЕРШЕНИЮ» ЦАРИЦЫНА ВЕДУТСЯ С БОЛЬШОЙ ПОСПЕШНОСТЬЮ. К.С.

< Reconstruction work in progress, showing reinforced concrete construction inserted into the historic fabric. January 2006
 В процессе реконструкции. На фотографии видно, как в подлинный исторический остов дворца встраиваются конструкции из железобетона. Январь 2006

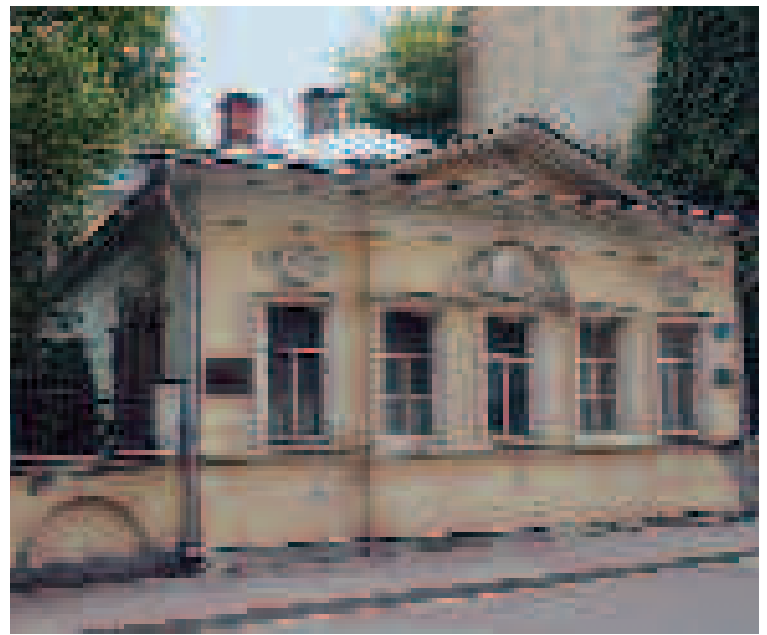
Λ The Great Palace at Tsaritsyno prior to the commencement of reconstruction work. Summer 2005
 Дворец перед началом реконструкции. Лето 2005

V The Great Palace at Tsaritsyno, with reconstruction work in progress on the roof and new underground entrance, summer 2006
 Большой дворец в Царицыне. В процессе реконструкции. Лето 2006

Λ Typical post-fire Empire-style wooden mansion of 1820, 5 Maly Vlasyevesky Pereulok
 Типичный городской особняк в стиле ампир, характерный для послепожарной застройки Москвы. Малый Власьевский пер., д. 5. 1820

Λ 11, Mansurovsky Pereulok, extant by 1820, rebuilt and extended in 1916 by architect Alexander Kuznetsov (1874-1954), who lived in the house from then until his death

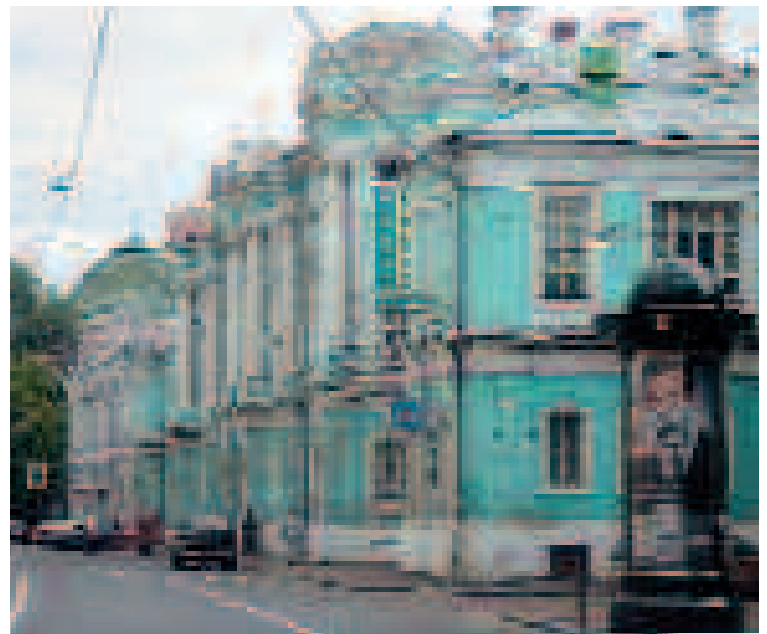
Городской особняк в стиле ампир. Мансуровский переулок, д. 11. Построен до 1820 г. Перестроен и расширен в 1916 г., после того как был приобретен архитектором А. Кузнецовым (1874-1954). Кузнецов жил в нем вплоть до своей смерти

V The Modern History Museum, (former town house, and up to 1917 the English Club), 21 Tverskaya Ulitsa, accretive, façade possibly by Domenico Gilardi, built 1777 to 1817

Городская усадьба. Тверская улица, д. 21. Бывший Английский клуб, в настоящее время Государственный центральный музей современной истории России. Авторство фасада приписывается Д. Жилярди. 1777-1817

V Town house, 22 Ulitsa Pokrovka, built initially for Count Apraksin 1766-69, completed after sale to the Trubetskoi family in 1774-75

Городская усадьба М.Ф. Апраксина – Трубецких. Улица Покровка, д. 22. Первоначально строилась в 1766-1769 гг. для графа М.Ф. Апраксина, строительство завершено в 1774-1775 гг. после продажи усадьбы Д.Ю. Трубецкому

Л Carriage house and stables of Okhotnikov house (later the Polivanov gymnasium) at 32 Ulitsa Prechistenka, contemporary with early 19th century main house but with 20th century upper residential storey

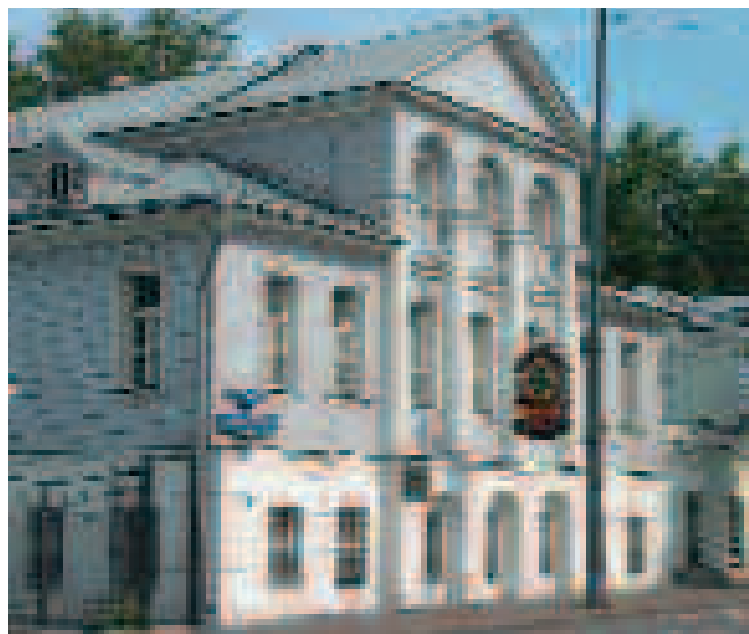
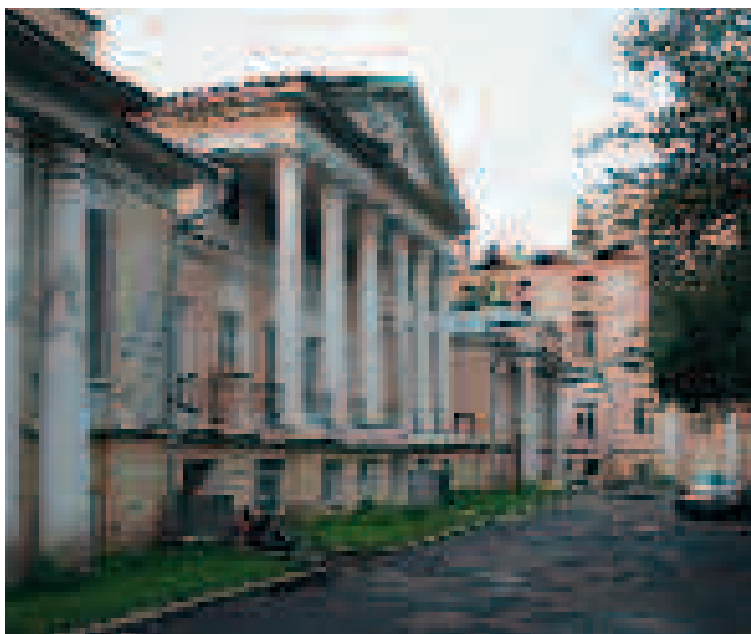
Городская усадьба Охотниковых (впоследствии гимназия Л.И. Поливанова). Каретный двор с конюшнями.

V Former Dolgoruky family house, 52 Povarskaya Ulitsa. central building 1756, rebuilt 1770s, extended and rebuilt again late 18th/early 19th century, gallery and chapel added 1859

Бывшая городская усадьба Долгоруких. Поварская ул., д. 52. Главный дом построен в 1756, перестроен в 1770-х, расширен и снова

Ул. Пречистенка, д. 32. Построен в то же время, что и главный усадебный дом. Верхний жилой этаж надстроен в советское время

перестроен на рубеже XVIII-XIX вв. Галерея и домовая часовня пристроены в 1859

Л 45 Ulitsa Bolshaya Ordynka, good example of wooden mansion on a masonry substorey, built in 1800s and extended and façade remodelled in 1840s

Деревянный особняк в стиле ампир на каменном цоколе. Ул. Большая Ордынка, д. 45. Построен в 1800-х, фасад и расширенные корпуса – 1840-х гг.

V Former town house of the Dolgov family, Ulitsa Bolshaya Ordynka 21/16, originally 1770s, rebuilt 1817-1822, detail of the pediment of the street façade

Городская усадьба Долговых. Ул. Большая Ордынка, д. 21/16. 1770-е. Облик усадьбы приобрел ампирные черты после ее перестройки в 1817-1822 гг. Фрагмент фронтона главного фасада

Moscow was a largely wooden city until relatively late. Even after the devastating fire during the Napoleonic invasion of 1812, many of the city's buildings were rebuilt either wholly or partly in wood and this trend continued into the early 20th century. Many buildings that at first sight appear to be masonry are log-built structures that have been boarded over and stuccoed.

Many wooden buildings were systematically neglected and run into the ground under the Soviet regime. This proved catastrophic in Moscow's harsh climate, posing a particular problem for restorers. Thus, following the emergence of a property market, many were demolished on the grounds that they were beyond repair and replaced with concrete sham replicas.

Yet as these two examples show, restoration is possible. All but the most optimistic would have written off the Polivanov house by 2004. The wooden mansion was built in 1822 and the Empire-style design with the hexastyle portico makes it a fine example of the

architecture of post-fire Moscow. Following the Revolution it was converted into apartments and subsequently occupied by the Chess Federation. A serious fire in February 2001 destroyed a third of the building and it was abandoned. In July 2004, volunteers from pressure group Moskva, Kotoroy Net (Moscow that is no more) held a four-day exhibition dedicated to the history of the house on the pavement outside and collected 1,371 signatures for a petition calling on the owner to restore the building. The event was well covered in the press, and restoration work soon began. In late 2006 the house emerged resplendent from the cocoon of scaffolding that had surrounded it while restoration was in progress.

Nearby, another wooden mansion of 1820, once occupied by Decembrist revolutionary Pyotr Svistunov and later by architect of Lenin's mausoleum Alexei Shchusev, has also recently been unveiled following restoration. By the time work started in 2005 the house was severely dilapidated, although

inside there are well preserved 19th century interiors. The restoration was made possible thanks to the investor of an office building being constructed at the rear of the site.

E.H.

Restoring the Polivanov and Svistunov Houses

Реставрация домов Поливанова и Свистунова

На протяжении столетий дома в Москве строились преимущественно из дерева. Даже после грандиозного пожара, опустошившего город в 1812 году во время наполеоновского вторжения, значительная часть московских зданий была вновь, частично или полностью, отстроена из дерева. Эта тенденция сохранялась вплоть до начала XX столетия. Многие, на первый взгляд каменные, здания в действительности сложены из бревен, скрытых под нанесенной на дощатую обшивку штукатуркой.

В советское время большая часть исторических деревянных домов пришла в полное запустение и упадок. Эта халатность в сочетании с суровым московским климатом привела их в катастрофическое состояние, представляющее серьезный вызов для реставраторов. С возникновением строительного бума множество деревянных зданий было просто-напросто уничтожено – на том основании, что реставрации они более не подлежат, – и на их месте появились железобетонные новоделы.

Тем не менее следующие два примера показывают, что качественная реставрация деревянных сооружений вполне возможна. Например к 2004 году многие, за ис-

ключением лишь самых отчаянных оптимистов, списали бы со счетов дом Поливанова – прекрасный образец послепожарной московской архитектуры. Украшенный шестиколонным портиком ампирный особняк был построен в 1822 году. После революции в нем устроили квартиры, а в последнее время его занимала Ассоциация шахматных федераций. Крупный пожар, вспыхнувший в феврале 2001 года, уничтожил треть всего дома, после чего он был заброшен.

В июле 2004 года активисты движения «Москва, которой нет» провели четырехдневную выставку, посвященную истории дома Поливанова: вся экспозиция была установлена прямо на тротуаре рядом с особняком. В результате 1371 человек подписали петицию, призывающую владельцев отреставрировать дом. Акция хорошо освещалась в средствах массовой информации, что, по всей видимости, и ускорило начало реставрационных работ. В конце 2006 года, когда были сняты строительные леса, возрожденный дом предстал перед жителями города.

Неподалеку можно увидеть еще один деревянный особняк 1820 года постройки, где также недавно закончилась реставрация. Когда-

то здесь жил декабрист Петр Свистунов, а позднее – знаменитый советский архитектор Алексей Щусев, автор мавзолея Ленина. К моменту начала работ в 2005 году дом сильно обветшал, хотя интерьеры XIX века сохранились практически без изменений. Реставрация дома была осуществлена на средства инвестора, возводившего офисное здание в непосредственной близости от особняка.

Э.Х.

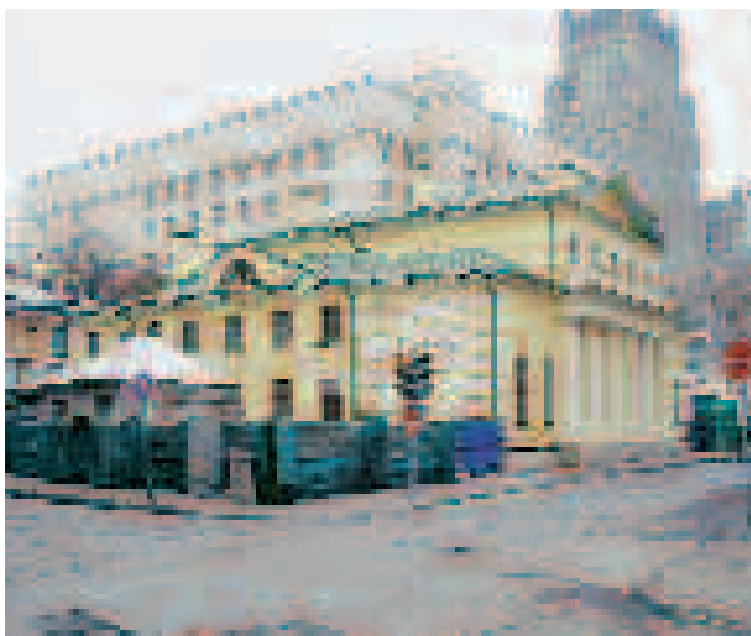
Λ The Polivanov house, 9/6 Denezhny Pereulok, before the start of restoration work, summer 2004
Дом Поливанова. Денежный пер. 9/6. Состояние летом 2004 г. до начала реставрационных работ

V The Polivanov house, following the completion of restoration work. December 2006
Дом Поливанова. Декабрь 2006, после завершения реставрационных работ

Λ The Svistunov house, 25 Gagarinsky Pereulok, archival photograph, 1950s
Дом декабриста Свищунова. Гагаринский пер. 25. Фото: 1950-е

V The Svistunov house, following the completion of restoration work, December 2006
Дом декабриста Свищунова. Декабрь 2006, после завершения реставрационных работ

By Edmund Harris

The popular image of Moscow is inextricably linked to its church architecture. St. Basil's Cathedral and the golden onion domes of the churches of the Kremlin are internationally recognised symbols of Russia. Moscow was traditionally reputed to be a city of 'forty-fold forty' churches, although the actual number in the city before the Revolution of 1917 was closer to 800. Moscow boasted a rich heritage of parish church and monastic architecture, from the first masonry buildings in the city from the 14th century through Baroque and Neo-Classicism to Art Nouveau.

Church architecture initially fared surprisingly well under the early Soviet regime despite the disestablishment of the Orthodox Church and a political ideology which aggressively promoted atheism. Some careful restoration work was done in the 1920s, including repair of damage done during the Civil War. But the tide quickly changed, so much so that several churches were demolished after considerable effort had been

spent on their restoration.

Although churches were demolished all through the Soviet period, the blackest period was undoubtedly the 1930s. Fanatical anti-religious purges saw clergy and believers of all confessions arrested and shot or sent to labour camps. It would be impossible to list here all the churches destroyed during this period, but the toll included buildings of the utmost architectural and historical importance, such as the 14th century Church of the Saviour in the Pine Forest, located inside the Kremlin and one of the oldest surviving churches in the city, and the Church of the Dormition on Ulitsa Pokrovka of the 1690s, a glorious flowering of the Naryshkin Baroque style. That the buildings were destroyed for purely ideological reasons can be gauged from the fact that in many cases the sites are still empty plots.

Only a handful of the remaining churches was allowed to continue functioning and the remainder were secularised, turned into offices, housing and

Churches Архитектура храмов

Эдмунд Харрис

Узнаваемый образ Москвы неразрывно связан с архитектурой ее церквей. Собор Василия Блаженного и золотые луковки кремлевских церквей давно стали общепризнанными символами России. Москва традиционно славилась как город «сорока сороков», хотя в действительности число храмов до революции было около восьми сотен. Москва заслуженно гордилась своим богатейшим и разнообразнейшим наследием церковной и монастырской архитектуры, от первых каменных храмов XIV века до памятников барокко, неоклассицизма и модерна.

В первые годы советской власти церковная архитектура охранялась на удивление хорошо, несмотря на отделение церкви от государства и внедрение политической идеологии, агрессивно продвигающей атеизм. В 1920-е годы в храмах производились реставрационные работы и воссоставлялись разрушения, нанесенные гражданской войной. Но ситуация быстро изменилась – настолько, что вопреки огромным усилиям и времени, затраченным на реставрационные работы, несколько церквей были уничтожены почти сразу после их проведения.

Разрушение церквей продолжалось в течение всего советского периода, но нельзя не признать, что самое черное время пришлось на 1930-е годы. Это время фанатического разгула антирелигиозных «чисток», сопровождавшихся арестами, ссылками в трудовые лагеря и расстрелами представителей духовенства и верующих всех конфессий. Невозможно перечислить все церкви, разрушенные в те годы, но список жертв включает такие памятники выдающегося архитектурного и исторического значения, как церковь Спаса на Бору в Кремле, относящаяся к XIV столетию, – одна из древнейших в городе, или церковь Успения на Покровке, построенная в 1690-е годы, – великолепный образец расцвета Нарышкинского барокко. Доказательством того, что церкви сносились исключительно по идеологическим соображениям, служит тот факт, что и по сей день многие из мест, где они стояли, по-прежнему остаются пустырями.

Лишь немногие церкви остались действующими. Остальные были «секуляризованы» – то есть использовались в качестве жилья, конторских помещений, складов или заводских цехов. Их

А St. Demetrius of Salonica in Blagusha, 6a Ulitsa Ibragimovicha, shortly after the building was returned to the Russian Orthodox Church and restoration work began
Церковь Димитрия Солунского на Благуше. Ул. Ибрагимов, д. 6а. Вскоре после того, как здание передали Русской Православ-

ной Церкви и начались реставрационные работы

➤ St. Demetrius of Salonica in Blagusha following the completion of external restoration work
Церковь Димитрия Солунского на Благуше после завершения реставрационных работ

внутреннее убранство было разграблено или уничтожено, а сами здания часто были искажены до неузнаваемости. Колокольни и купола нередко разбирались – церковной архитектуре не было места в силуэте столицы советского государства.

Ситуация несколько улучшилась после войны, когда ряду церквей вернули их первоначальный внешний облик, а некоторые превратили в музеи (одни из них стали самостоятельными архитектурными экспонатами, другие – странством для исторических выставок). Так, например, Андроников монастырь стал Музеем древнерусской живописи им. Андрея Рублева. Главный собор монастыря, один из древнейших в Москве, был тщательно отреставрирован, были удалены поздние искажения, и ему был возвращен изначальный облик XV века.

Тем не менее лишь горбачевская перестройка положила конец масштабным гонениям на церковную архитектуру, и начался период возрождения. Наиболее ярким знаком времени стало восстановление памятников, снесенных при советском режиме: храма Христа Спасителя и церкви Казанской Божией Матери на Красной пло-

щади (илл. на с. 7).

Не менее важной тенденцией стало постепенное возвращение храмов Православной Церкви. Вновь созданные приходы столкнулись с серьезными трудностями. Их церкви пришли в упадок после долгих лет запустения и значительных переделок, вызванных использованием не по назначению, и нередко практически потеряли свой первоначальный облик. Многие, тем не менее, зависят от внимания настоятелей важности здания. Для многих священников, пытающихся фактически из руин восстановить свои приходские храмы, соображения сохранения исторической подлинности отходят на задний план, когда основная проблема – это защитить здание от непогоды и сделать его пригодным для службы, имея крайне скудный бюджет. В результате во многих освященных веками храмах появляются такие досадные промахи, как пластиковые стеклопакеты и дешевая напольная плитка. К сожалению, даже там, где есть достаточные средства, желание впечатлить посетителей вновь обретенным статусом возрожденной церкви превалирует над вопросом исторической достоверности. Как и в случае с памятниками

industrial buildings. The interiors were ransacked and most of the fittings destroyed, while the buildings themselves were often mutilated beyond recognition. The bell tower and domes would usually be dismantled – church architecture had no place in the skyline of the capital of the Soviet state.

After the World War II the situation improved a little and some secularised churches were restored externally while others were not only restored but also turned into museums (both as historic exhibits in their own right and in order to house displays), such as the Andronikov Monastery, which became a museum of medieval religious art.

Nonetheless it was only during Perestroika under Gorbachev that the full-scale assault on church architecture finally came to an end and a period of rebirth began. This included the reconstruction of buildings destroyed by the Soviet regime, starting with the Church of the Icon of the Kazan Mother of God on Red Square (see p. 7 for illustration) and the Cathedral of Christ the Saviour.

No less important is the gradual return of secularised buildings to the Orthodox Church. This is a far more daunting task, since in many cases parishes have had to contend with all the problems resulting from long years of neglect of structures used for entirely different purposes and usually considerably altered as a result. Much depends on the understanding of the importance of the building by the incumbent. For many priests, trying to re-establish a parish in what is effectively a ruin, considerations of historical authenticity come a long way down the list of priorities when the main need is to make the building weathertight and usable, all on a slender budget. The result is that such unsympathetic additions as uPVC double glazing and mass-produced floor tiling in even the most venerable buildings are not uncommon. And even where the means are available, a desire to impress on visitors the new-found status of the revived church sometimes takes precedence over questions of historical authenticity. As with secular

buildings, preservation laws are often bent or overlooked.

The restoration industry itself is in a parlous state, ill-prepared to cope with the enormous task facing it. 'I am charging about one tenth of what I have the right to charge for this job, but I am taking it on because this church is a building of national importance and if I don't take it on, they will hire someone instead who doesn't know what he's doing,' I was told by one restorer. Some church buildings have remained museums in State care but chronic underfunding of the museum sector prevents much-needed restoration work from being carried out.

Moving out the institutions occupying church buildings is a long and difficult business, since alternative premises have to be found to which to relocate them and in the meantime the building decays further. A case in point is the Church of the Nativity of the Virgin in Butyrki of 1682-1684, which survives, although in an extremely mutilated state, as part of the Znamya factory com-

plex. A 1970s factory building separates the main body of the church from the free-standing belltower, the stump of which still survives. The stump was handed back to the Patriarchate in 1996 and since 1999 has been a functioning, albeit somewhat ad hoc, place of worship. The belltower is a listed structure, but the rest of the church is not, since for legal purposes it is located at a different address. The factory has ignored repeated demands to hand back the building, claiming it is not historically important and is still needed as an industrial building. Only now, after many years' battle with the factory management, has the likelihood appeared that the church will be 'decommissioned', restored and put back into use.

But the example of The Church of the Nativity of the Virgin in Old Simonovo shows that the impossible can be achieved. This building of 1509-10 with 18th and 19th century additions, found itself in the middle of a large factory following closure in 1927. It was turned into a compressor house, losing its

dome, belltower and internal fittings in the process, and allowed to become extremely dilapidated. Following a long campaign it was eventually returned to the Church in 1989. Restoration is now largely complete and permanent access has been provided in the form of a fenced-off passage leading across the factory site.

Other, no less remarkable resurrections include the Church of St. Nicholas the Miracle-Worker of 1686 on 1st Smolensky Pereulok, beautifully restored after serving as a factory, latterly for producing metal engravings, following closure in 1936. Its gilt onion domes and bright colour scheme once again form a picturesque accent on a busy stretch of the Garden Ring against a backdrop of impressive Stalin-era buildings. It is now difficult to believe that by the 1990s the building had been so disfigured that it was scarcely recognisable as a church. Equally astonishing is the restoration of St Demetrius of Salonica in Blagusha, an impressive church in the revivalist 'Neo-Russian'

style of 1909-1911, built to be capable of accommodating 3000 worshippers. The church was closed in October 1931 and used as a factory for the secondary processing of precious metals. Smelting furnaces and an acid treatment shop were installed inside the building which, by the time it was handed back to the Church in 1991, was a complete wreck. Since then huge progress has been made with restoration, which has included the recreation from scratch of the domes and upper three tiers of the belltower.

▲ St. Nicholas the Miracle Worker, 20 1st Smolensky Pereulok before restoration work began
Церковь Николая Чудотворца на Щепях. 1-й Смоленский пер., д. 20. Вскоре после того, как здание передали Русской Православной Церкви

▼ St. Nicholas the Miracle Worker after restoration work was completed
Церковь Николая Чудотворца на Щепях. Современный вид после завершения реставрационных работ

светской архитектуры, законы об охране культурного наследия нередко не принимаются в расчет.

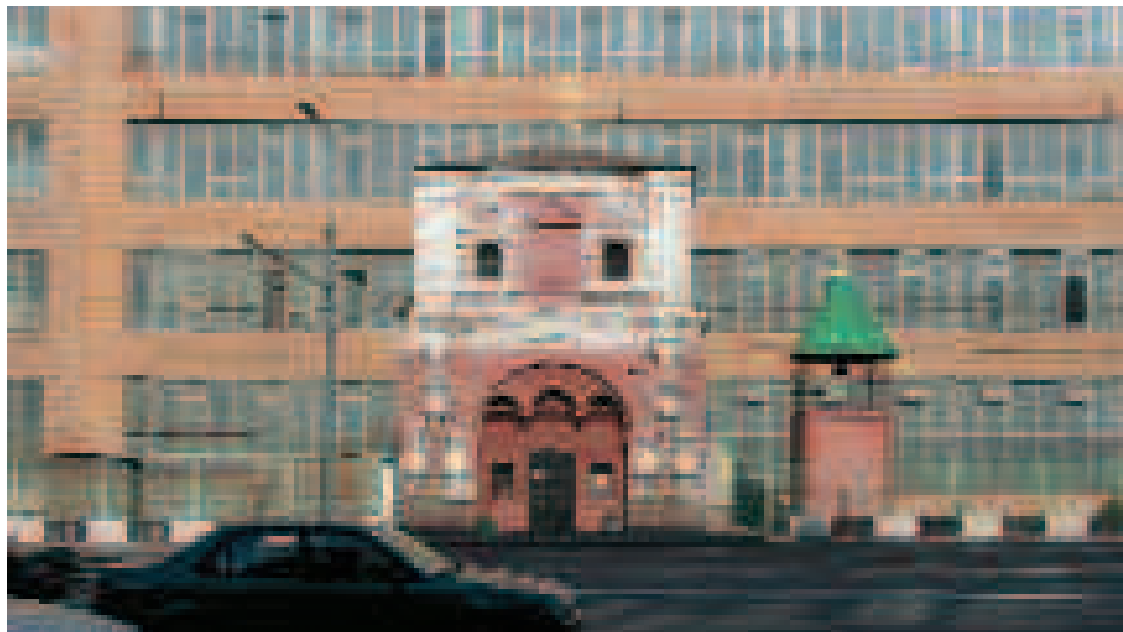
Сама реставрационная отрасль находится в весьма тяжелом положении и плохо подготовлена к стоящей перед ней огромной задаче. «Я вынужден просить одну десятую того, что полагается за такую работу, – рассказал мне один реставратор, – но я берусь за нее, потому что эта церковь – памятник федерального значения, и если я откажусь, наймут кого-то другого, не знающего, как сделать эту работу». Некоторые церкви, сохранившие музейный статус, остаются в ведении государства, но хроническая нехватка субсидий, от которой страдают все музеи, не позволяет начать необходимые реставрационные работы.

Вывод организаций, прежде занимавших церковные здания, – долгий и трудный процесс, поскольку для них нужно найти новые помещения. Но пока их ищут, храмы продолжают разрушаться. Пример такой ситуации – церковь Рождества Богородицы в Бутырках (1682-1684), которая сохранилась, хотя и в крайне изувеченном виде, как часть заводского комплекса Главвиaproма «Знамя». В 1970-е гг. главный четверик церкви был

отрезан главным корпусом завода от отдельно стоящей колокольни, до 30-х гг. увенчанной высоким эффектным шатром, но потерявшей более половины своей высоты. Обезглавленная колокольня была передана Церкви лишь в 1996 году, и в 1999 году стала действующим храмом. В списки охраняемых памятников внесена только колокольня, поскольку, в силу юридических недоразумений, основная часть церкви имеет другой почтовый адрес. Руководство завода упорно игнорировало требования государства освободить церковное здание, утверждая, что оно не имеет исторической ценности и к тому же используется в промышленных целях. Только теперь, после многолетней борьбы, появилась надежда, что церковь «демонтируют», отреставрируют и вернут верующим. По крайней мере, в начале этого года основная часть храма по судебному решению была изъята из собственности завода и передана в государственную собственность. Производство выводится, но предстоит долгая процедура передачи храма из рук государства во владение церкви, и только после этого можно будет начать восстановление разрушенного. Кроме того, вопрос о сносе

▲ Pre-Revolutionary view of the Church of the Nativity of the Virgin in Butyrki
Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Бутырской слободе.
Дореволюционная фотография

▲ The stump of the bell tower of the Church of the Nativity of the Virgin in Butyrki, 56 Butyrskaya Ulitsa
Обрубок колокольни Церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Бутырской слободе.
Ул. Бутырская, вл. 56

огромного корпуса завода постройки 1970-х гг. пока не стоит, что серьезно затрудняет воссоздание всего комплекса церкви в первоначальном виде.

К счастью, повод к некоторому оптимизму дают примеры удивительного возрождения зданий, которые казались уже безнадежными. Церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове (1509-1510, с пристройками XVIII-XIX вв.) после закрытия в 1927 г. оказалась в самом центре территории завода «Динамо» и чудом избежала полного разрушения. Ее превратили в компрессорный цех, в результате чего она утратила купол, колокольню и внутреннее убранство, а затем и вовсе пришла в полный упадок. После долгой борьбы здание было возвращено Церкви в 1989 году. К настоящему времени реставрационные работы практически завершены; к церкви создан постоянный выгороженный проход, пересекающий территорию завода.

Другой пример замечательного возрождения – церковь Николая Чудотворца на Щепях (1686), прекрасно отреставрированная после многих лет промышленного использования. Она была закрыта для верующих в 1936 году, а в по-

следние десятилетия служила в качестве мастерской художественной гравюры на металле.

Позолоченные луковки ее куполов и богатая палитра красок вновь засияли на фоне внушительных сталинских зданий, придавая яркий колорит оживленному отрезку Садового кольца. Сейчас трудно поверить в то, что еще в 1990-е годы здание было настолько обезображено, что в нем трудно было узнать бывшую церковь.

Не менее впечатляюща реставрация величественной церкви Дмитрия Солунского на Благуше, построенной в неорусском стиле в 1909-1911 годах и вмещавшей около 3000 верующих. Церковь была закрыта в 1931 году, передана НКВД и использовалась как завод для вторичной переработки драгоценных металлов. Установленные внутри здания плавильные печи и цех кислотной обработки привели к тому, что к моменту возвращения Церкви в 1991 году храм был на грани полной гибели. Реставраторы проделали огромную работу, полностью воссоздав утраченные купола и три верхних яруса колокольни.

Few buildings are as well known yet as poorly understood as St. Basil's Cathedral. Although Russia's national symbol, it is in many ways untypical of Russian medieval architecture. Built between 1555 and 1561, it is made up of a group of nine 'pillar' or 'tent' churches. These tower-like, polygonal structures, with limited floor space, have soaring interiors thanks to the cupolas or spires that crown them. Although plenty of tent churches were built throughout Russia in the 16th and 17th centuries, nowhere else were they grouped together in this way. The Cathedral is properly known as the Church of the Intercession on the Moat, after the dedication of the central, tallest church and because it once stood on the edge of a moat, now filled in, which separated it from the Kremlin wall.

The Cathedral was built to mark the defeat and annexation of the Tatar khanate of Kazan in 1552 and four of the chapels are dedicated to saints whose feast days fall on the dates of major victories against the Tatars, causing some scholars to interpret the cathedral as

constituting a programme commemorating this campaign. However, more recent scholarship has put this in doubt. In 1588 a square chapel was added to the north-eastern corner dedicated to St. Basil the *yurodivy*, or 'Fool in Christ', and housing his shrine, and henceforth this dedication came to be popularly applied to the whole building.

The church was secularised shortly after the 1917 Revolution and has functioned as a museum ever since, thanks to which it escaped being looted by the Bolsheviks. It is a Federally protected building and is an annexe of the State Historical Museum. This chapel of St. Basil is now the only part in continual ecclesiastical use, although services take place in the Church of the Intercession on certain feast days.

A major external restoration was completed in 2005, but much remains to be done inside, and state funding has dried up. The most urgent task is the restoration of the brick vaults covering the area between the central Church of the Intercession and the surrounding chapels.

Above the vaults visible to the visitor below, there is a second layer supporting the roof, which was added in the 17th century. This is now in a poor state of repair and if it cannot be repaired will ultimately have to be dismantled and replaced by a metal roof, resulting in the destruction of an integral part of the building's historic fabric. The unique 'hanging' masonry coffered ceiling over the main entrance to the central church is also in need of restoration.

Two of the chapels require complete internal restoration: those of The Three Patriarchs, otherwise known as the chapel of St. John the Merciful, and Sts. Cyprian and Justina. These chapels retain all their original fittings and features accrued over the course of several centuries, such as 18th century limestone paving, which were removed elsewhere by restorers seeking to return the interiors to their original state. In 2005 around 0.5 meters of accumulated layers of soil were removed from the Cathedral grounds to reinstate the original level. In the process, the foundations

of several tiny churches which once stood on the site and which disappeared in the 17th century, were uncovered. The foundations were conserved but had to be covered over again due to lack of funds. The museum administration would like to uncover them and glass them over to create an open-air museum and thus demonstrate to visitors the evolution of the site. The total cost of all the work outlined above is estimated at around 1 million pounds sterling.

E.H.

The cathedral of St. Basil the Blessed

Храм Василия Блаженного

> Cathedral of St. Basil the Blessed, Red Square, 2 exterior view
Храм Василия Блаженного
Красная Пл., д. 2

Мало существует зданий столь прославленных и в то же время настолько плохо понятых, как собор Василия Блаженного. Несмотря на то, что этот памятник принято считать национальным символом России, многие его особенности вовсе не характерны для средневекового русского зодчества. Собор, построенный в 1555-1561 годах, представляет собой группу из девяти храмов, поставленных на общий подклет. Центральный храм увенчан шатром, а остальные имеют ярусно-башнеобразную форму. Хотя их фактическая площадь совсем невелика, внутреннее пространство этих высоких многоугольных сооружений будто взмывает ввысь благодаря венчающим их шатрам и куполам. В XVI-XVII веках по всей России возводилось довольно много шатровых церквей, однако нигде больше они не объединялись в подобный архитектурный комплекс.

Правильное название памятника – собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, в соответствии с посвящением центрального, самого высокого храма. Кроме того, собор стоял на краю рва, некогда проходившего вдоль стен Кремля. Собор был построен в ознаменование взятия Казани в

1552 году. Четыре его придела посвящены святым, чьи праздники пришлось на дни решающих побед над татарами. Это обстоятельство заставило ряд ученых полагать, что посвящения приделов собора могут складываться в символическую программу, призванную увековечить память о казанском походе. Однако в последнее время исследователи выражают сомнение в достоверности подобной интерпретации. В 1588 году к собору был добавлен квадратный в плане придел, посвященный святому Василию Блаженному. Именно в нем покоятся мощи широко почитавшегося в Москве юродивого. Впоследствии и весь собор в целом в народе стал именоваться собором Василия Блаженного.

Вскоре после революции 1917 года собор был изъят у церкви и с тех пор используется как музей. Во многом благодаря этому он не был разрушен и уничтожен большевиками. Собор имеет статус объекта культурного наследия федерального значения и является филиалом Государственного исторического музея. Придел святого Василия Блаженного – единственная его часть, в которой в настоящее время проводятся регулярные богослужения, хотя по случаю некото-

рых церковных праздников службы проходят также и в храме Покрова.

В 2005 году была завершена масштабная реставрация фасадов собора. Большой объем восстановительных работ необходимо провести и внутри, однако государственное финансирование уже иссякло. Наиболее настойчиво требуют реставрации кирпичные своды главной обходной галереи и переходов между центральным храмом Покрова и окружающими его приделами. Над сводами, которые сейчас можно увидеть снизу, существует верхний ярус конструкций, поддерживающий крышу, – он был возведен в XVII веке. В настоящее время перекрытия находятся в плохом состоянии, и если в ближайшем будущем их не удастся отреставрировать, они могут быть разобраны и заменены металлической крышей, что приведет к необратимому разрушению исторической ткани здания. Уникальный «подвесной» кессонированный свод главного крыльца собора также нуждается в реставрации.

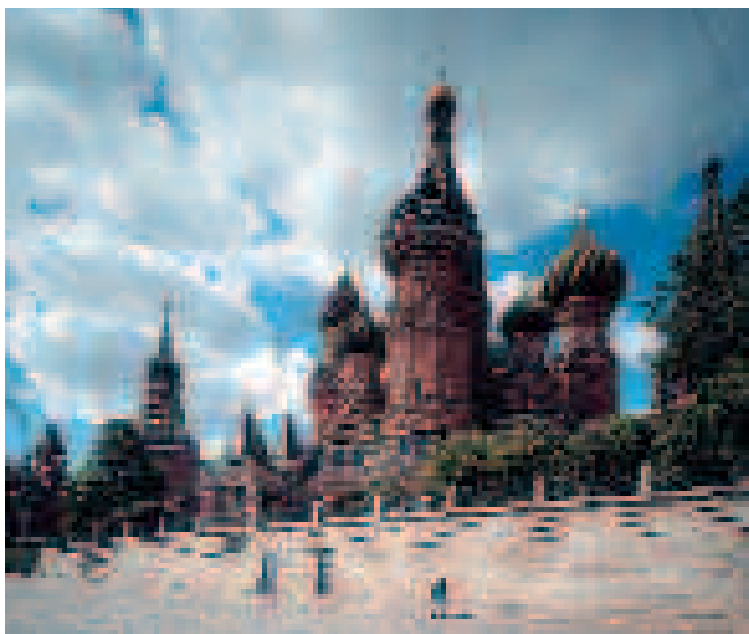
Полная внутренняя реставрация необходима приделу Трех Патриархов Александрийских (известному также как придел святого Иоанна Милостивого) и приделу

святых Киприана и Устины. В этих приделах сохранилась значительная часть внутреннего убранства, создававшегося на протяжении многих веков, к примеру, белокаменный пол XVIII века, в других местах собора удаленный реставраторами ради восстановления изначального облика.

В 2005 году реставраторы понизили уровень грунта вокруг собора примерно на полметра, для того чтобы, очистив участок от позднейших наслоений, вернуться на историческую отметку. В ходе этих работ рядом с собором были открыты фундаменты нескольких крошечных церквей, снесенных еще в XVII веке. Фундаменты были законсервированы, однако их снова пришлось закрыть из-за недостатка финансирования. Руководство Исторического музея хотело бы вновь открыть их, защитить стеклом и создать на их основе музей под открытым небом, рассказывающий посетителям о богатой истории этого уникального места.

Общая стоимость перечисленных работ оценивается примерно в один миллион фунтов стерлингов.

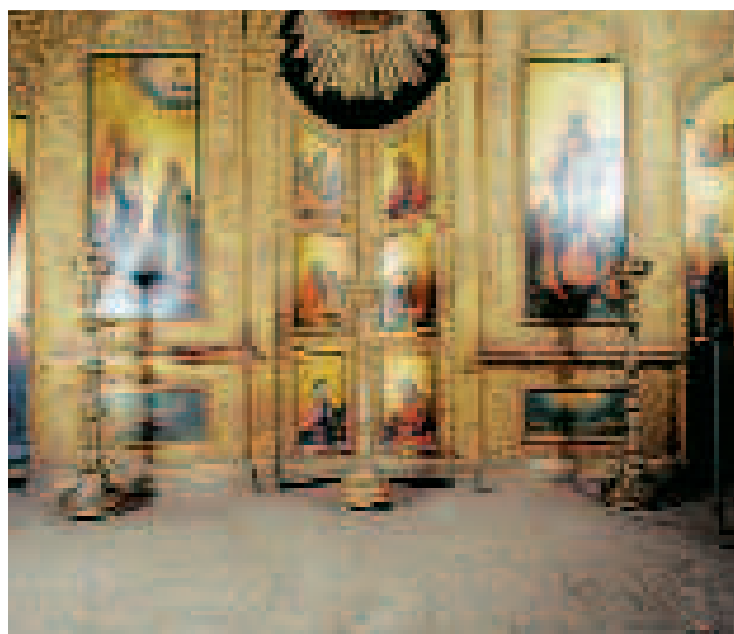
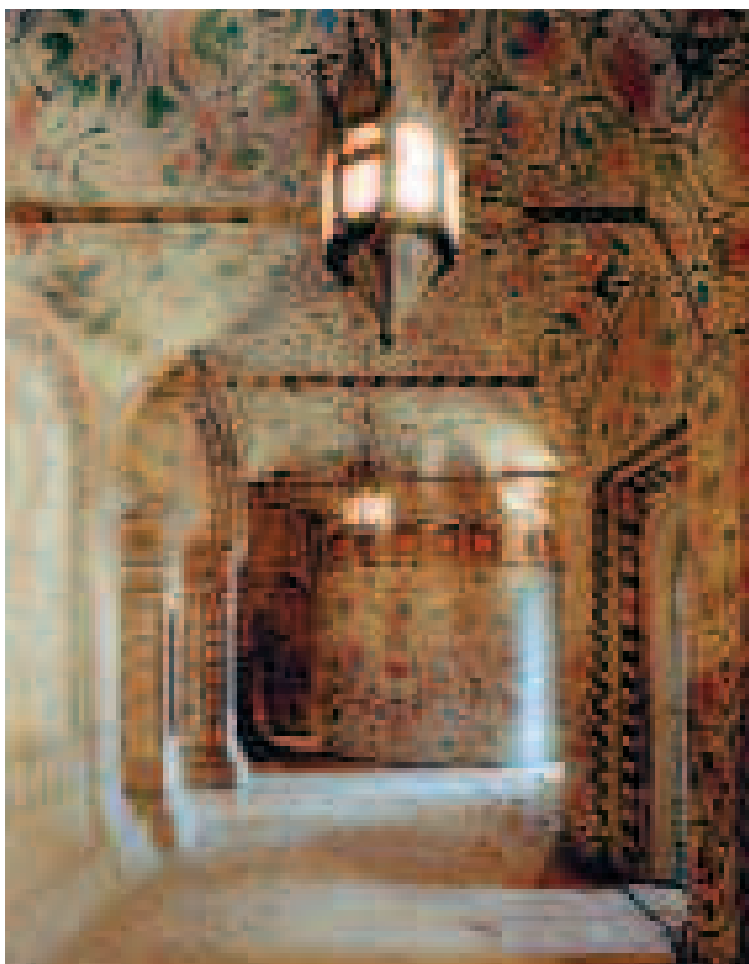
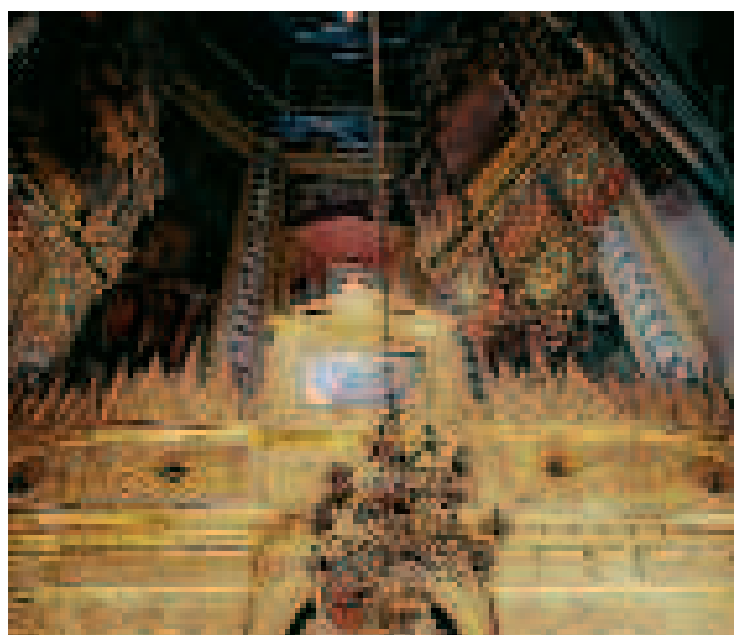
Э.Х.

V View of the vaulted narthex around the central chapel of the Intercession, connecting it to the eight surrounding chapels
Сводчатая паперть, окружающая центральный Покровский придел и соединяющая его с восемью окружающими приделами

> The attic space above the narthex between the lower and upper layers of vaulting, showing the temporary wooden props supporting the decayed fabric
Чердачное помещение над папертью; показаны временные деревянные подпоры, поддерживающие разрушающиеся верхние своды

> Interior of the chapel of Sts. Cyprian and Justina
Интерьер придела свв. Киприана и Устины

By Rustam Rakhmatullin

The city of Moscow, records of which date back to the 12th century, acquired its first stone structures when it became a religious and political centre in the 14th century, and its first brick structures when it turned into the capital of a centralised state, at the turn of the 15th/16th centuries. These structures were primarily religious buildings. Some of them still survive, while some were demolished in the 20th century, when Soviet vandalism was at its height.

Medieval secular architecture was predominantly wooden. The oldest surviving secular buildings date from the turn of the 15th/16th centuries. In the Kremlin these are the palace buildings and outside the Kremlin limestone-built cellars and the lower floors of a number of residential and public buildings, as well as ancillary monastery buildings. Three such buildings outside the Kremlin have been turned into museums: the old English Court (the building used as an embassy by the first English ambas-

sadors and merchant-adventurers in Russia during the reign of Elizabeth I), the chambers of the Romanov boyars and the refectory of the Andronikov monastery. Another, the Printing House chambers (15 Nikolskaya Ulitsa), where both Russian printing and newspaper publishing were born, has been handed over to a private tenant, is not accessible to the public and restoration work has been frozen.

In the 17th century there was a marked shift to brick construction for residential, industrial and public buildings. A significant number of buildings from this period have survived, vaulted one and two-storey chambers known in Russian as *palaty* (the word comes from the same root as the English 'palace' or the Italian 'palazzo'), but by the 20th century for the most part these had been recased externally – much in the same way as medieval timber-framed houses in England were often refronted with Georgian and Victorian brick facades. It was only in the 1920s that specialists learned how to identify and

properly restore these buildings. Since then, over a hundred have been discovered. But threats to them have grown in the same proportion. In 2006 at least seven 17th century *palaty* – six of which were only properly identified and dated in the second half of the 20th century – were standing derelict.

This list, ranked in order of importance, is headed by the *palaty* of Prince Dmitry Pozharsky, the national hero who led the campaign to retake Russia from the Poles, when they overran the country during the Time of Troubles at the beginning of the 17th century. Located at 14 Ulitsa Bolshaya Lubyanka, this federally listed building was privatised in the 1990s by a bank, which went out of business soon afterwards. The *palaty* with their original and unique carved limestone details are empty and decaying. There is presently no prospect of the building being sold on or reacquired by the state.

The Levashov *palaty* at 15 Starovagankovskiy Pereulok (set back behind the streetline in the courtyard at the

back of the site – see p.108) are empty and one wall has already collapsed. The building belongs to the Russian State Library and the Federal Government, which is supposed to maintain it, has allocated no funds for restoration.

The *palaty* once occupied by the writer Kireyevsky at building 2, 19 Ulitsa Ostozhenka have been handed over to the neighbouring Zachatyevskiy monastery in order to be converted into a hotel, but at the time of writing are still empty and have caught fire repeatedly, although there are signs that restoration is now under way (see p.98).

The Doctor Lado *palaty* (building 2, 9 Krivokoleiny Pereulok) have been transferred from the ownership of the city of Moscow to the Federal Government, but have not been officially registered as such and the building is boarded up.

All the remaining addresses are also scenes of dilapidation: the Zinov'yev *palaty* at 24 Bolshoi Afanasyevskiy Pereulok, which belong to the developer of the neighbouring plot; the *palaty* of the *podvorye* of the Makaryevskiy

15-18th century Moscow *palaty*: demolitions and threats

Московские палаты 15-17 веков: снос и угроза

Рустам Рахматуллин

Москва, известная с XII века, обрела первые каменные постройки вместе с обретением духовного и политического значения, в XIV веке, а первые кирпичные – вместе с превращением в столицу державы, на рубеже XV-XVI веков. Это были по преимуществу храмы. Некоторые из них дошли до нашего времени, а некоторые снесены в XX веке, на пике советского вандализма. Ныне храмы любого времени в Москве неприкосновенны, если не считать опасности мелких перестроек, тем менее вероятных, чем древнее храм. Большая часть древнейших храмов отреставрирована еще в советское время, а ныне они возвращены или возвращаются Церкви.

Гражданская архитектура Средневековья оставалась по преимуществу деревянной. Древнейшие сохранившиеся гражданские здания относятся к рубежу XV-XVI веков. В Кремле это дворцовые постройки, а вне Кремля – белокаменные или кирпичные погребки и нижние этажи нескольких жилых и общественных зданий, а также некоторые монастырские корпуса. Три таких здания вне Кремля – палаты Английского подворья, палаты Романовых и трапезная Андроникового монастыря – музеефицированы, одно – палаты Печатного двора (Никольская, 15, во дворе), где родились русское книгопечатание и газетное дело и где до революции существовал музей, – переданы частному арендатору и недоступны для обозрения, их реставрация заморожена.

В XVII веке жилое, производственное и общественное строительство стремительно переходило на кирпич. Палаты этого времени (слово общего корня со словами *palace*, *palazzo*) сохранились в значительном количестве, но к XX столетию были по большей части перелицованы. Распознавать и достоверно реставрировать эти памятники архитекторы научились только в 1920-е годы. С тех пор открытия перешли за сотню. Пропорционально возросли и угрозы. В нынешнем, 2006 году пребывают в запустении по меньшей мере семь палат XVII века, шесть из которых выявлены во второй половине XX столетия.

Этот список открывают, по степени ценности, палаты князя Пожарского – национального героя России (Большая Лубянка, 14), памятник федерального значения, приватизированный в 1990-е годы частным банком, вскоре разорив-

шимся. Палаты с подлинным и уникальным белокаменным декором пустуют и ветшают. Ни выкуп, ни деприватизация государством не предпринимаются.

Пустуют палаты Левашовых в Староваганьковском переулке, 15 (во дворе), где уже обрушилась одна стена. Памятник принадлежит Российской государственной библиотеке, а федеральное правительство, содержащее ее, не выделяет средства на реставрацию.

Палаты писателя Киреевского на Остоженке, 19, строение 2 переданы соседнему монастырю для устройства гостиницы, однако продолжают пустовать и выгорать изнутри.

Палаты доктора Ладос (Кривоколенный переулочек, 9, строение 2) перешли из московской собственности в федеральную, однако новая собственность не была оформлена, здание заколочено.

Остальные адреса запустения – палаты Зиновьевых в Большом Афанасьевском переулке, 24, принадлежащие застройщику соседнего участка; палаты подворья Макарьевского монастыря на Большой Лубянке, 16 (во дворе), переданные одному из петербургских банков; палаты Казакова на улице Забелина, 3, где реставра-

ция возобновляется и прекращается в зависимости от смены собственника.

Список пустующих палат стремительно сократился в последние шесть лет, причем как за счет реставрации, так и за счет разрушения.

В 1990-е годы правительство Москвы почти не решалось посягать на древнейшие здания. Но в 2000 году по решению мэра Москвы были снесены палаты художника Пикарта на Софийской набережной, 6, где расчищено место для офисно-гостиничного строительства.

В 2002 году, и тоже решением мэра, по инициативе владельца – Союза театральных деятелей – снесены палаты Университетской типографии на Страстном бульваре, 10 (в глубине двора). Они заменены новоделом, причем объем новодела заполнен бассейном. Эта операция в решениях мэра названа «новым строительством памятника архитектуры».

В том же году, под видом вынужденного технического решения, то есть под предлогом аварийности, по согласованию московского Комитета охраны наследия и по настоянию владельца снесены до подвала палаты Еврей-

monastery at 16 Ulitsa Bolshaya Lubyanka (at the back of the site), which have been given over to a bank based in St. Petersburg; the Kazakov *palaty* at 3 Ulitsa Zabelina, where restoration is recommenced and stops every time the property changes hands.

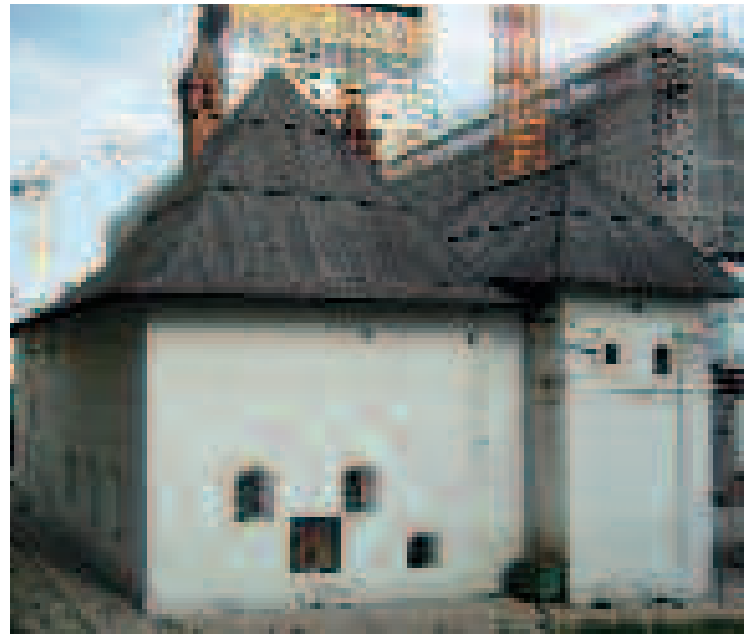
In the 1990s the Moscow city government left the oldest buildings alone. But in 2000 the *palaty* of the artist Pikart at 6 Sofiiskaya Naberezhnaya were demolished on the orders of the mayor of Moscow and the site cleared to make way for the construction of offices and a hotel.

In 2002, also on the orders of the Mayor, through an initiative by the owner – the Union of Theatre Workers – the *palaty* of the university printing house at 10 Strastnoi Bulvar (at the back of the site) were demolished. They have been replaced with a sham replica, although the resemblance to the original is only skin deep since it now houses a swimming pool. In mayoral directives this operation is described in a breathtaking yet entirely serious contra-

dition-in-terms as ‘construction anew of an historic building.’

The same year, following approval from the city’s historic building conservation authorities, the Yevreinov *palaty* at 3 Prospekt Mira were demolished down to the level of the basement on the grounds that they were supposedly in a dangerous structural state and that restoration was technically impossible. Several former inhabitants served as prototypes for characters in Dostoyevsky’s novel *The Possessed*. A sham replica has been built on top of the old basement.

In 2004 to 2006 the Equerry’s House at 7 Maly Znamensky Pereulok was demolished down to the level of the basement in several stages. This is possibly the only case when, as a result of 30 years of neglect, surveys which concluded that it was in a dangerous state were probably true, and there were no grounds for doubting the honesty of the investor, who had invested a huge amount of money trying to reinforce the structure through complex engineering

V The Prince Pozharsky *palaty*, 14 Ulitsa Bolshaya Lubyanka, photograph shows facade remodelled in latter half of 19th century
Городская усадьба XVII-XIX вв. с палатами князя Д.М. Пожарского.
Ул. Большая Лубянка, д. 14.

Фасад в духе эклектики относится ко второй половине XIX века

Λ Former English Ambassadors’ Court, 4 Ulitsa Varvarka, accretive, early 16th to 17th centuries, restored to ‘original’ state 1969-1972
Английское подворье (Старый Английский двор).
Улица Варварка, д. 4.
Палаты строились и перестраивались в XVI-XVII вв.

В результате реставрационных работ 1969-1972 гг. им вернули «первоначальный» облик

work. But the building itself has been almost entirely lost.

A developer demolished *palaty* without authorisation this year on a site at 3 Gnezdikovskiy Pereulok (see p.109). That would be dramatic enough in itself, but the situation is made even more so by the fact that restorers who surveyed the building had proved that it was an ancient structure about a week before it was demolished. The developer claimed that the building had collapsed of its own accord, but witnesses say they saw excavators digging out the basement structure.

The quality of restoration work has declined noticeably in recent years. Architects have split into two groups – experts who refuse to make any compromises and people who, in the race for commissions, are ready to advise demolition and sham reconstruction. The Russian school of restoration is itself in need of restoration, as are its suppliers of materials and skilled manpower, all of which was destroyed by the changeover from a command to market

economy in the 1990s.

Among the secular buildings of the 17th century that deserve to be singled out for the quality of the restoration work are the *palaty* of the Sontsov-Zasekin princes (16 Bolshaya Nikitskaya Ulitsa, now an office building, restorer unknown), of Trubetskaya-Bove (6 Petrovskiy Pereulok, now the Bolshoi theatre museum, architect in charge of the restoration works Alexander Bernshtein) and the Petrovo-Sovolovo *palaty* at 6 Bobrov Pereulok (now part of the Turgenev library, architect in charge of restoration work Lidiya Shitova).

Buildings from the 18th century have long been regarded as fair game for the demolition men in Moscow. The list of destroyed buildings from the period from the first wave of Baroque in the late 17th century through to the middle of the 18th century and from the period of transition from Baroque to Classicism is so long that it would be impossible to discuss all the cases individually. Only a handful will be dealt with here.

In 1995 on the basis of a directive

from the Moscow city government the house once belonging to the famous historian and writer Prince Mikhail Shcherbatov (4 Kuznetsky Most, at the back of the site) built in the 1770s was demolished, with the exception of the basement storey, and rebuilt anew. The work was commissioned by the Bolshoi Theatre and one facade of the house was incorporated in the new building on the site.

In 2000 the *palaty* of the Volkonsky princes, better known as the house of the rector of Moscow University, built in the 1740s were demolished as a result of pressure from an investor and on the grounds that they supposedly constituted a dangerous structure. The building was significant for the history of world science, as it once housed the laboratory where physicist Pyotr Lebedev experimentally proved the pressure of light in 1900. A crude sham replica was erected on the site where a genuine historic building once stood.

In 2002 on the same, equally spurious grounds and also as the result of

pressure from an investor, the city historic building conservation authority gave permission for the wooden house of the Trubetskoi princes to be demolished. Built in the 1770s, this was possibly the oldest surviving wooden building in Moscow until its destruction and had associations with the life of Russia's national poet, Alexander Pushkin. The sham replica on the site was executed in reinforced concrete.

The main reason for the destruction of some of the oldest buildings in Moscow is pressure from commercial organisations that obtain the rights to them and have no desire to spend money restoring them. State building institutions provide falsified reports in return for backhanders and the department for building conservation grants permission for demolition and construction of a sham replica as the only possible means of restoration. Moreover, a few years back permission would be granted by the mayor of the city personally.

V Trubetskaya-Bove *palaty*, 6 Petrovskiy Pereulok, late 17th century Naryshkin Baroque chambers, substantially remodelled and refronted on the garden side shown here in the late 18th/early 19th centuries

Особняк Е.С. Трубецкой-Бове с палатами в стиле нарышкинского барокко конца XVII в. Петровский переулок, д. 6.

Фасад палат значительно изменен при возведении существующего дома в конце XVIII – начале XIX вв.

новых на проспекте Мира, 3 (во дворе), где жили прототипы некоторых героев романа Достоевского «Бесы». На подвале выстроен новодел.

В 2004-2006 годах постепенно разобраны до подвала палаты, более известные как Шталмейстерский дом, в Малом Знаменском переулке, 7 (во дворе). Это, пожалуй, единственный случай, когда,

после тридцатилетнего запустения памятника, можно было доверять отрицательной технической экспертизе и признавать честность намерений инвестора, вложившего в реставрацию огромные средства и применившего сложные инженерные решения. Однако памятник почти целиком утрачен.

Снос как «реставрационное решение» – новейший московский

способ вандализма, избавляющий мэра города от необходимости подписывать непопулярные постановления и передающий ответственность на уровень средних чиновников. Однако именно многолетний мэр Москвы Юрий Лужков создал атмосферу вандализма, в которой возможны подобные решения и даже самовольный снос.

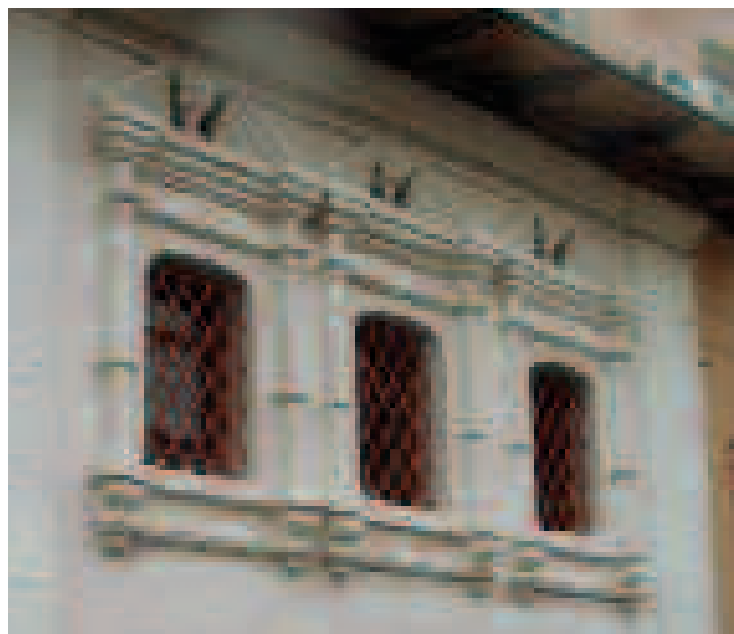
Самовольный снос палат XVII века произвел в этом году застройщик владения № 3 по Большому Гнездикувскому переулку. Драматизм ситуации еще и в том, что древность здания, стоявшего по этому адресу, была доказана реставраторами за неделю до сноса. Застройщик сослался на самообрушение, однако есть свидетели того, как строительная техника корчевала подвалы.

Качество реставрационных работ в последние годы явственно понизилось. Архитекторы разделились на бескомпромиссных профессионалов – и людей, в погоне за заказами обслуживающих снос и новодел. Сама русская реставрационная школа нуждается теперь реставрации, как и производственная база, разрушенная экономическими переменами 1990-х годов.

Среди отреставрированных в последнее время гражданских памятников XVII века выделяются качеством работ палаты князей Сонцовых-Засекиных (офисное здание, Большая Никитская, 16), Трубецких-Бове (ныне музей Большого театра, Петровский переулок, 6, архитектор-реставратор Александр Бернштейн), палаты Петрово-Соловова в Бобровом пе-

Λ The 17th century *palaty* of the Sontsov-Zasekin princes, 16 Bolshaya Nikitskaya Ulitsa, before restoration
Палаты Князей Сонцовых-Засекиных до реставрации. Ул. Большая Никитская, д. 16

Λ The 17th century *palaty* of the Sontsov-Zasekin princes, 16 Bolshaya Nikitskaya Ulitsa, after restoration
Палаты Князей Сонцовых-Засекиных после реставрации. Улица Большая Никитская, д. 16

V Sham replica on the site of the 17th/18th century *palaty* behind the former University Printing House, 10 Strastnoi Bulvar
Муляж палат XVII-XVIII вв. на территории бывшей Университетской типографии. Страстной бульвар, д. 10

реулке, 6 (Тургеневская библиотека, архитектор-реставратор Лидия Шитова).

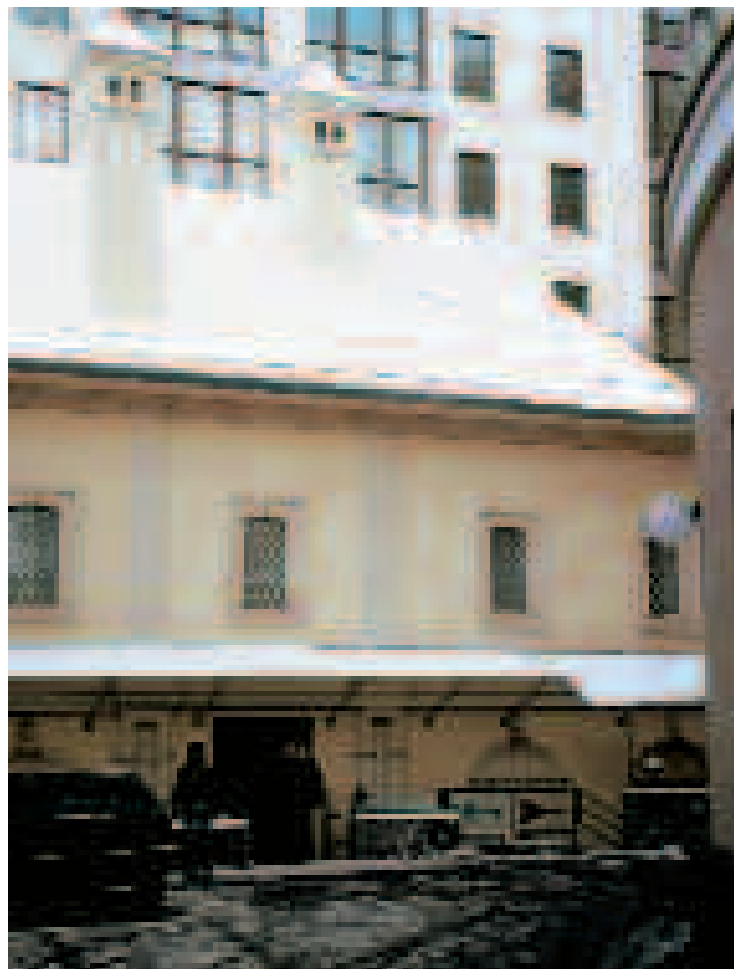
XVIII век давно не останавливает разрушителей Москвы. Список сносов в номинациях «барокко первой половины – середины XVIII века» и «переходные формы от барокко к классицизму» столь велик, что невозможно перечислить все примеры. Остановимся на четырех-пяти.

В 1995 году постановлением правительства Москвы разобран до цокольного этажа и выстроен вновь дом знаменитого историка и писателя князя Михаила Щербатова (Кузнецкий Мост, 4, во дворе), построенный в 1770-е годы. Заказчиком выступил Большой театр, включивший новое здание одним фасадом в интерьер своего нового корпуса.

В 2000 году под давлением инвестора и под предлогом аварийности разобраны палаты князей Волконских, более известные как Ректорский дом Московского университета, 1740-х годов постройки. Дом принадлежал истории не только русской, но и мировой науки: в нем размещалась лаборатория, где Петр Лебедев открыл давление света. На месте памятника выстроен неправдоподобный новодел.

В 2002 году под тем же предлогом и также под давлением инвестора, согласованием Комитета охраны наследия разобран деревянный дом князей Трубецких. Построенный в 1770-е годы, он был, возможно, самым старым деревянным зданием Москвы на тот момент, мемориальным адресом Пушкина. Новодел дома выполнен в бетоне.

Итак, главная причина разрушения древнейших памятников Москвы – давление коммерческих структур, получающих эти здания в свое распоряжение и не желающих тратить на реставрацию. Институты технической экспертизы выдают за плату ложные заключения, а департамент охраны памятников по мотивам, о которых можно только догадываться, оформляет снос и воссоздание как вынужденное реставрационное решение. Причем еще несколько лет назад эти решения принимались лично мэром города.

By Edmund Harris

If Moscow is not ranked along with Paris, Barcelona, Vienna and Brussels as one of Europe's greatest Art Nouveau cities, then that is chiefly the result of ignorance resulting from the restrictions imposed on travel during the Soviet Era. The city boasts a rich and precious architectural legacy from Russia's so-called Silver Age, which produced such illustrious figures as Chekhov, Diaghilev, Scriabin and Rachmaninov, whose more portable output has by contrast received due recognition outside their native land. Moscow's Art Nouveau architecture encompasses the widest range of building types – apartment blocks, mansions, hotels, railway stations, churches, theatres, hospitals, schools and factories – and was executed by an astonishingly large number of practitioners. Two names, however, stand out as particular geniuses of the style – Lev Kekushev and the Volga German Fyodor Shekhtel. No less astonishing is the stylistic breadth, for the Russian name for Art Nouveau (transliterated

as *modern* and pronounced with the stress on the last syllable) is a catch-all term, somewhat like the contemporary 'Arts and Crafts' movement in British architecture. Art Nouveau flourished that was every bit as exuberant as the works of Antonio Gaudí or Hector Guimard, such as Shekhtel's Ryabushinsky mansion on Malaya Nikitskaya Ulitsa (1900-1903), unquestionably one of the top sights in the city. But alongside it also appeared Neo-Gothic, Neo-Classicism and Neo-Baroque buildings, many with Art Nouveau inflections, and the so-called New Russian Style, a free reinterpretation of medieval Russian architecture. Moscow Art Nouveau is characterised by exquisite detail and the wide use of applied art, the fruit of the collaboration of Art Nouveau architects with the leading artists of the day, such as Mikhail Vrubel's 'Princess of Dreams' ceramic panels on the facade of William Walcot's Hotel Metropol or the same author's metalwork for the interior of Shekhtel's Morozov mansion on Ulitsa Spiridonovka.

Moscow Art Nouveau Московский модерн

Эдмунд Харрис

Тот факт, что Москву до сих пор не причисляют к ведущим европейским центрам стиля модерн, таким как Париж, Барселона, Вена или Брюссель, объясняется простым незнанием ее памятников, протекающим из того, что город в советскую эпоху был практически закрыт для иностранных посетителей. На самом деле, Москва должна по праву гордиться своим уникальным архитектурным наследием, относящимся к периоду, который недаром получил название Серебряный век. Именно это время дало миру Чехова, Дягилева, Скрябина, Рахманинова. Их творения обрели широкое признание за границей, поскольку в силу самой их природы были более доступны, чем архитектурные памятники московского модерна.

Стиль модерн проявился в Москве в самых разнообразных по типологии сооружениях, среди которых доходные дома, особняки, гостиницы, железнодорожные вокзалы, церкви, театры, больницы, школы и фабрики.

Множество практиковавших в то время архитекторов стали приверженцами нового стиля, однако следует особенно выделить двух действительно гениальных масте-

ров – Льва Кекушева (1862-1919) и происходившего из поволжских немцев Федора Шехтеля (1859-1926).

Удивительна также и стилистическая многогранность понятия «стиль модерн» в России. В определенном смысле оно охватывает целый ряд художественных течений. Стиль модерн в этом отношении родственен существовавшему почти одновременно с ним английскому архитектурному направлению «Arts and Crafts» («искусства и ремесла»). Стиль, который во всем мире принято называть Art Nouveau и который проявил себя в произведениях Антонио Гауди или Гектора Гимара, пышно расцвел и в Москве. Один из лучших его образцов – особняк Рябушинского, построенный Шехтелем в 1900-1903 гг. на Малой Никитской улице, заслуженно стоящий в ряду главных достопримечательностей города.

В то же время в московской архитектуре существовало и множество других форм и течений, среди которых выделяются неоготика, нео-классицизм, нео-барокко и так называемый нео-русский стиль, представлявший собой творческую интерпретацию традиций древнерусского зодчества. Все эти течения в той или иной

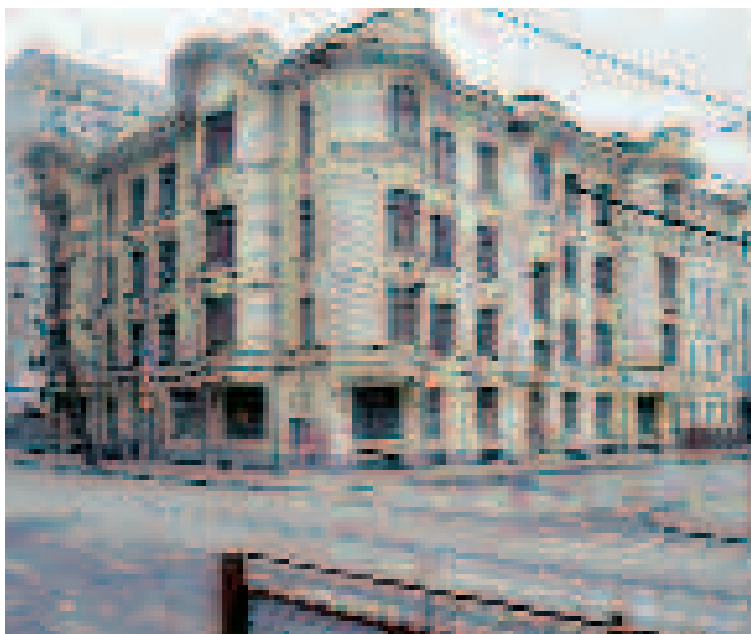

▲ Apartment block of the Church of the Holy Trinity 'on the Mud', 14 Chistoprudny Bulvar, by Pyotr Mikini, external reliefs and other applied decoration by Sergei Vashkov, 1908-1809

Доходный дом церкви Св. Троицы «что на Грязех», Чистопрудный бульвар, д. 14. Проект П. Микини, рельефы и орнамент С. Вашкова, 1908-1909

степени несли на себе отпечаток стилистики Art Nouveau.

Для памятников московского модерна характерна изысканность архитектурной детализации, в оформлении фасадов и интерьеров широко применялось декоративно-прикладное искусство, в чем выразилось плодотворное сотрудничество архитекторов модерна с лучшими художниками того времени. Блестящие примеры такого сотрудничества – изразцовое панно «Принцесса Греза» Михаила Врубеля на фасаде гостиницы «Метрополь», выстроенной Вильямом Валькотом, а также фигурные металлические детали, по эскизам того же Врубеля, в декорации особняка Морозова на Спиридонке.

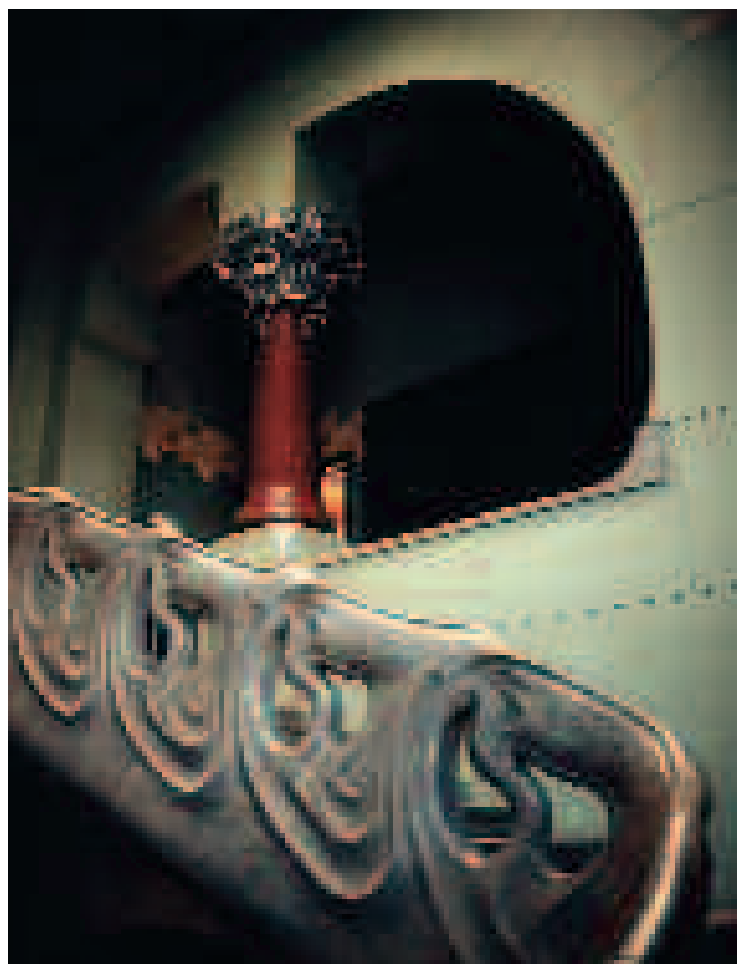
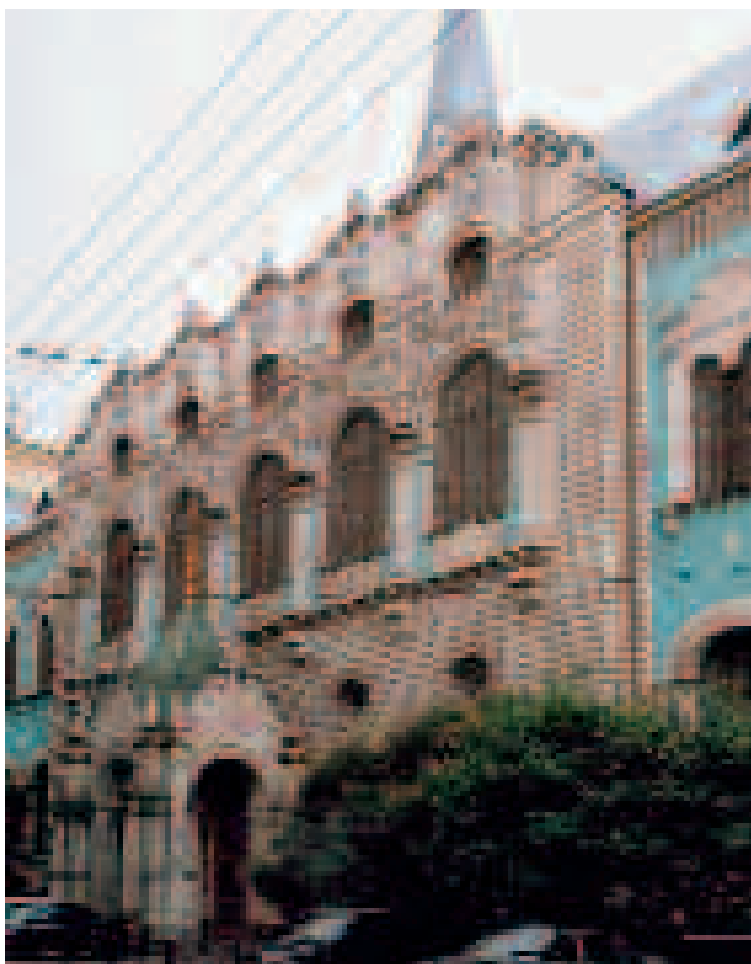
Λ The Bykov apartment block, 19/18 2nd Brestskaya Ulitsa, by Lev Kekushev, 1909-1910
Доходный дом Быкова. 2я Брестская ул. д.19/18. Арх. Л.Н. Кекушев, 1909-1910

V Loan Treasury building 3 Nastasinsky Pereulok, by Vladimir Pokrovsky and Bogdan Nilus, 1913-1914
Судная Казна. Настасьинский пер., д. 3. Арх. В.А. Покровский, Б. М. Нилус, 1913-1914

Λ Chaliapin house, 3 3rd Zachatyevsky Pereulok, remains of a once much larger building, the main house and left-hand wing of which were demolished in the 1980s
Быв. дом Ф.И. Шаляпина. 3-й Зачатьевский пер., д.3. Осталась только часть некогда более крупного ансамбля, левое крыло и главный дом которого были снесены в 80-е гг.

V The former mansion of Stepan Ryabushinsky (now the Maxim Gorky House-Museum), 6/2 Malaya Nikitskaya Ulitsa, by Fyodor Shekhtel, 1900-1903
Бывший особняк С.П. Рябушинского (ныне Дом-музей Максима Горького). Ул. М. Никитская, д.6/2. Ф.О. Шехтель, 1900-1903

Franziska Bollerey
Axel Föhl

Industrialisation came relatively late to Russia. Families such as the Demidov dynasty had played an important role in iron production since the reign of Peter the Great, but it was only in the last decades of the 19th century, when population growth created large national markets, that the Russian state stimulated industrial development.

In the three decades before World War I, Russia's industrial growth was one of the fastest in the world. Nevertheless, the country as a whole remained predominantly agrarian. Following the Revolution, the new Soviet state inherited an industrial system that followed the authoritarian patterns established under the Imperial regime.

WWI and the Civil War set the country back economically. Only at the end of the 1920s, under the auspices of the comparatively liberal New Economic Policy (NEP), Russia again reached production and consumption levels of the pre-war period. Between 1928 and 1938, the

Soviet economy underwent its biggest spurt of industrialisation.

It is against this background that Russia's industrial buildings and sites must be interpreted. When considering Constructivism, it is important to appreciate the short period during which these architects worked and despite testing conditions, managed to bequeath a remarkable and ingenious heritage.

The city of Moscow was central to this process and in the years between the Revolution and the Stalinist terror became the then largest and most productive laboratory of the Modernist movement in the world. Breathtaking modern structures appeared throughout Russia, but the capital attracted the most outstanding talents, who were called upon to produce projects for spectacular building commissions. Foreign architects and designers flocked to take part in the great new building experiments.

State, commercial and social organizations as well as factories sponsored

the new construction boom. Based on the early 20th century movements of Cubism, Futurism and Suprematism, Constructivist and Rationalist architecture was to become Russia's chief contribution to the Modernist movement.

The industrial architecture that appeared following the Revolution was part of a strong Moscow tradition. Although it only became the capital again in 1918, Moscow had been Russia's manufacturing centre since the 1890s and thus the site of much of the country's leading industrial architecture and cutting edge engineering techniques. After the Revolution, huge organisations like GOELRO, the State Commission for the Electrification of Russia, continued this tradition and commissioned the construction of numerous modern power plants all over the nation.

In Moscow, across the river from the Kremlin, the prismatic steel-glass walls of the MOGES power plant, built by Ivan Zholtovsky on the banks of the Moscow River in 1927, and forever frozen in Alexander Rodchenko's dynamic photo-

graphs, still stands today and will forever be associated with Lenin's famous slogan 'Communism is the power of the Soviets plus electrification of the entire country'. The building is a 'newly identified historic building' but permanent protected status has not yet been secured and it awaits further consideration by an expert commission.

Another great Moscow building from the era of electrification that owes its extraordinary form to avant-garde techniques is Vladimir Shukhov's famous radio tower on Ulitsa Shabolovka, a 150 meter tubular structure built in 1919-22 and originally meant to be 350 meters high. It was erected using innovative techniques: the entire tower was assembled on the ground and then raised telescopically. In 2000, when Moscow's Ostankino television tower caught fire, Shabolovka was called upon once more to transmit. However, the final radio station using the mast, Radio Moskva, recently moved elsewhere, and without a clear function, Shabolovka's future is uncertain.

«Move Off With High Speed into Space» «Быстрым темпом вверх в пространство»

Франциска Боллери
Аксель Фоль

Индустриализация пришла в Россию позже, чем в другие европейские страны. Со времен Петра Первого династии вроде Демидовых играли важную роль в развитии металлургического производства, но государство стало стимулировать рост промышленности лишь в последние десятилетия XIX века, когда рост населения в России привел к формированию крупных национальных рынков.

В течение трех десятилетий перед Первой мировой войной Россия стала одной из самых быстроразвивающихся промышленных держав мира. Тем не менее она оставалась преимущественно аграрной страной. После свершения Октябрьской революции Советское государство получило в наследство промышленность, построенную по авторитарной модели, сформировавшейся при имперском режиме второй половины XIX века.

Первая мировая и последовавшая за ней Гражданская война затормозили экономическое развитие страны. Только в конце 1920-х годов относительно либеральная Новая экономическая политика (НЭП) позволила России достичь

довоенного уровня производства и потребления. Наибольший подъем советской экономики и пик индустриализации приходится на период с 1928 по 1938 год.

Эта историческая ситуация является ключом к пониманию российской промышленной архитектуры. Изучение конструктивизма невозможно без осознания реалий того короткого периода, в течение которого русские архитекторы генерировали свои идеи и, несмотря на сложнейшие экономические условия, воплощали их в жизнь, оставив бесценное наследие всему человечеству.

Москва была центром этого творческого процесса. В 1918 году молодое советское правительство вернулось сюда из Петербурга, который был столицей Российской империи на протяжении двух с лишним столетий. Надежды и страхи воплощались в Москве полнее, чем в других частях этой необъятной страны, а повседневная жизнь была более жесткой. Мечты здесь кипели гораздо сильнее, чем в Париже, Лондоне, Риме или Берлине тех лет. В период между большевистской революцией и сталинским террором город превратился в крупнейшую и плодотворнейшую лабораторию модернизма в мире.

Захватывающие дух современные сооружения выростали по всей России, но именно в столицу стекались выдающиеся таланты, призванные генерировать идеи для самых невероятных проектов. Иностранцы архитекторы и дизайнеры приезжали в Россию, чтобы принять участие в великих строительных экспериментах.

Государственные, коммерческие и общественные организации, а также многие фабрики и заводы активно поддерживали новый строительный бум в едином порыве к прогрессу и солидарности. Базируясь на таких течениях начала XX века, как кубизм, футуризм и супрематизм, русский конструктивизм и рационализм внесли бесценный вклад в сокровищницу мировой архитектуры модернизма.

Промышленная архитектура, появлявшаяся в Москве после революции 1917 года, продолжала уже сложившиеся традиции. Вернув себе статус столицы лишь в 1918 году, Москва, тем не менее, с 1890-х годов была признанным промышленным центром России, средоточием основных архитектурных и инженерных поисков, связанных с индустриализацией страны. После революции крупные

организации, такие как ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России), продолжили эту тенденцию, инициировав строительство многочисленных электростанций по всей стране, создавая тем самым новые типы зданий.

В Москве, напротив Кремля, в 1927 году выросла призма электростанции МОГЭС из стекла и металла, построенная по проекту Ивана Жолтовского. Навеки запечатленная в динамичных фотографиях Родченко, она неразрывно сплелась с известным высказыванием Ленина: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Однако будущее этого здания не так уж устойчиво: оно внесено в списки объектов культурного наследия как вновь выявленный памятник и ждет особого рассмотрения экспертной комиссией.

Другое московское сооружение, связанное с распространением электричества и обязанное своими необычными формами авангардной технике сборки металлических конструкций – знаменитая шаболовская радиобашня, построенная по проекту Владимира Шухова в 1919-1922 годах. Коническая конструкция высотой 150

Other constructions by Shukhov have been destroyed, including the roof structure he created for Konstantin Melnikov's Bakhmetevsky bus depot. The automobile caught the imagination of Modernist architects, promising unlimited freedom of movement and the acceleration of all aspects of life. Consequently garage buildings number among the most original creations of the 1920s. Melnikov designed several garages at this time. His prize-winning Soviet pavilion at the Exposition des Arts Decoratifs in Paris in 1925 led to a commission from the French government to design a 1000-taxi garage for the city. This was never constructed, but shortly afterwards, in March 1926, Melnikov produced a design for a garage to house 104 Leyland buses purchased by the Communist government from England. He devised a single storey 54 x 167 meter parallelogram (his original design was multi-storey). Seven portals at the narrow end admitted the vehicles, that parked in parallel rows, from which the buses could easily drive away by

turning into the long side where there were eight triangular protruding exits that allowed for a smooth flow of traffic at 137 degrees to the building's axis. The long structure avoids any monotony thanks to the zigzagging ground plan that also follows the functional principles of traffic flow. The movement of vehicles was simulated before the building was erected and was found to be highly efficient.

Shukhov's contribution was a roof of riveted steel lattice trusses that translated the zigzag principle on to the elevation of the garage. Above the central part, elevated window openings crisscrossed the roof's ridge. In 2001 the roof was removed without any documentation of the original structure, on the grounds that it was in danger of collapse under the weight of snow.

Here the vagaries of Russia's preservation laws become obvious: the law for the protection of historic buildings rules out a listed building being used as a garage and so the Bakhmetevsky depot is outlawed from fulfilling its original

function. This is ironic in a city suffering from a chronic traffic problem and a lack of parking places.

Another example of a dynamic garage, now suffering from neglect, is the expressive Intourist garage on Ulitsa Sushchyovskiy Val, built in 1934. The main facade originally featured a car racing up a diagonal along its entire length. Melnikov himself described the garage in futuristic terms: 'The path of the tourist is represented as infinite, starting with a curving sweep (the circular window) and then aiming to move off at high speed into space.' Here Antonio Sant'Elia's Italian Futurist designs come to mind. This was one of the last of Melnikov's designs to be constructed. The garage stands unkempt today, a neglected silhouette on Moscow's Third Ring Road.

Today this concept of 'moving with high speed into space' appears to be out of fashion. It is difficult to imagine any chic nouveau riche Muscovite parking his SUV in one of Melnikov's derelict garages.

Much of Moscow's industry is still located in the city centre and a programme is presently underway to move all production to the outskirts of the city and beyond. This means that a whole series of fine 19th century industrial complexes are under threat of demolition or ill-treatment as their sites are taken over for development. However, a positive trend is that an increasing number of pre-Revolutionary factories are sought after as potential locations for urban multi-use conversions, although many are also under threat. One of the biggest of the pending projects involves The Red October Chocolate Factory, located in the city centre, opposite the Cathedral of Christ the Saviour. This is highly valuable land thanks to its location and Kremlin views. The development project is part of a larger scheme for the comprehensive redevelopment of Bolotny Ostrov called The Golden Island and a pedestrian bridge has already been constructed to join it with the Cathedral and metro beyond as part of another city government scheme to

> Radio Tower, 53 Ulitsa Shabolovka, by Vladimir Shukhov, 1919-1922
Радиобашня.
Ул. Шаболовка, 53.
Инж. В. Шухов, 1919-1922.
Архивная фотография

метров по первоначальному замыслу должна была вознестись на 350 метров. При строительстве башни была применена новаторская техника: ее звенья были смонтированы на земле, а затем подняты наверх телескопическим методом. После пожара на телевизионной башне «Останкино» в 2000 году «Шаболовка» вновь активно использовалась по своему прямому назначению. Однако не так давно башню покинула последняя из вещавших отсюда радиостанций – «Радио Москва». В отсутствие ясной функции будущее Шуховской башни неопределенно.

Подверглись разрушению и другие произведения Шухова, например конструкция кровли, которую он разработал для новаторского Бахметьевского гаража, построенного Константином Мельниковым. Появление автомобилей захватило воображение архитекторов-модернистов, открыв перед ними безграничную свободу передвижения и ускорение всех сторон жизни. Неудивительно, что здания гаражей стоят в ряду наиболее оригинальных построек двадцатых годов. Константин Мельников стал автором проектов нескольких гаражей. Его премированный павильон на парижской «Выставке

декоративных искусств» 1925 года привел к получению заказа от французского правительства на проект гаража на 1000 таксомоторов. И, хотя этот гараж в Париже так и не был построен, в марте 1926 года Мельников переработал проект для строительства московского гаража на сто с лишним автобусов марки «Лейланд», закупленных коммунистическим правительством в Англии. Изменив первоначальный многоуровневый проект, Мельников спроектировал одноуровневый параллелограмм размером 54x167 метров. Семь порталов в узком торце гаража служили для проезда машин, которые парковались параллельными рядами. Каждый из 104 автобусов мог легко выехать через один из восьми треугольных выступающих выездов на длинной стороне здания, обеспечивающих плавный поток машин под углом ровно в 137 градусов по отношению к оси гаража. Протяженная конструкция благополучно избегала монотонности благодаря зигзагообразному плану здания, полностью отвечавшему функциональным принципам движения транспорта. Эта идея была проверена экспериментально еще до начала строительства и признана исключительно

create a circular pedestrian zone running through the historic centre. Historical and architectural research conducted over the last three years led to three of the factory buildings being awarded protected status and a master plan has been passed for the redevelopment of the entire site. The developer intends to preserve eight historical buildings and convert them into loft apartments. On the rest of the territory, once cleared of unsound structures, new residential buildings will be constructed by Russian and foreign architects. The atmosphere of the site will be largely preserved thanks to the preservation of the most important buildings but also because the Red October brand will be used to market the development and a chocolate museum will be established to commemorate the site's former function.

A series of art galleries has been established in some of the garages of the factory, going under the name of ARTStrelka (Art Headland). It has become an exciting new exhibition space since it was launched in 2004,

▲ MORGES Boiler House, 10 Raushskaya Naberezhnaya, by Ivan Zholtovsky, 1927
Котельная МОГЭС.
Раушская набережная, 10.
Арх. И. Жолтовский, 1927

эффективной – именно это позволило Мельникову получить заказ.

Владимир Шухов спроектировал металлическую конструкцию кровли для гаража, отразив зигзагообразный принцип планировки на фасаде. Выступающие оконные проемы над центральной частью здания врезались в конек крыши. В 2001 году эта уникальная конструкция из клепаных стальных решетчатых ферм была разобрана без каких-либо предварительных исследований, под сомнительным предлогом опасности обрушения под тяжестью снега.

Этот пример особенно ярко показывает причуды российского законодательства в сфере охраны наследия: запрещая использование официально признанного памятника архитектуры в качестве гаража, оно встает на пути выполнения «Бахметьевским автобусным парком» Мельникова, признанным объектом культурного наследия местного значения, своих исторических функций. Горькая ирония для города, страдающего хроническими заторами и отсутствием парковочных мест.

Еще один пример функционально продуманного гаража, страдающего от забвения – выразительный гараж Интуриста на Су-

щевском валу (1934). Главный фасад напоминает автомобиль, мчащийся по диагонали по всей длине здания. Сам Мельников описывал гараж в футуристических терминах: «Путь туриста изображен бесконечностью, начиная его с размаха кривой и направляя его быстрым темпом вверх в пространство». На память приходят авангардные проекты художника Антонио Сант-Элиа. Этот гараж оказался одним из последних реализованных проектов Мельникова. Сегодня он неухожен, и его позабытые очертания мелькают в окнах автомобилей, мчащихся по Третьему транспортному кольцу.

В наши дни футуристическая концепция динамизма, связанная с идеей движения «быстрым темпом вверх в пространство», вышла из моды. Ни один шикарный московский нувориш не мечтает поставить свой роскошный джип в заброшенный мельниковский гараж.

В отличие от большинства западных городов, многие промышленные предприятия Москвы все еще находятся в центре города. Программа деиндустриализации с переносом промышленных предприятий за городскую черту только набирает свои обороты. Это озна-

чает, что целый ряд замечательных индустриальных ансамблей XIX века стоит под угрозой сноса или недружественной реконструкции, поскольку занимаемые ими участки передаются под новые девелоперские проекты. Однако сегодня наметилась некоторая позитивная и нарастающая тенденция сохранения зданий дореволюционных фабрик и заводов для нового многоцелевого использования в городской среде. Бывшие промышленные здания все чаще используются для создания культурных, торговых и развлекательных центров, но судьба многих из них до сих пор вызывает тревогу.

Один из самых значительных проектов – конверсия шоколадной фабрики «Красный Октябрь», расположенной в самом центре города, на острове напротив воссозданного храма Христа Спасителя. Это один наиболее дорогой участок Москвы, откуда открывается замечательный вид на Кремль. Один из первых элементов развития территории, пешеходный мост, соединяющий остров с собором и находящейся рядом с ним станцией метро, уже построен. Историко-архитектурные исследования, проводившиеся на протяжении трех лет, позволили поставить три зда-

ния фабрики на государственную охрану как памятники архитектуры и разработать градостроительный регламент застройки всего участка. Девелопер намерен сохранить восемь исторических зданий, где разместятся апартаменты-лофты. На остальной территории, расчищенной от ветхой застройки, появятся новые здания по проектам российских и западных архитекторов. «Память места» сохранится не только благодаря сохранению наиболее ярких зданий, но и благодаря использованию привычного бренда «Красный Октябрь» и созданию крупнейшего в Европе Музея шоколада.

Пока шла проработка проекта, несколько художественных галерей объединились в центр «Арт-Стрелка», разместившийся в бывших гаражах-мастерских фабрики «Красный Октябрь». С момента открытия в 2004 году «Арт-Стрелка» стала модным выставочным пространством, однако его обитатели находятся на временном положении «скваттеров» в ожидании неминувшего изгнания – нет никаких сомнений в том, что стоимость аренды вырастет во много раз, когда основной проект конверсии фабрики будет реализован. Таких площадок остается все меньше и

but the directors are no more than squatters awaiting eviction, for rent prices will go skyrocketing up as soon as the development is underway. As these sites become rarer, creative projects will be forced out of the city centre.

Another example of creative re-use, also of a temporary nature, is the conversion of the former silk mill on Ulitsa Timura Frunze. Two projects, Krasnaya Roza (Red Rose) and Artplay, use the turn-of-the-century complex in different ways. Rozhdestvenka architects, experienced in working with old buildings, complement the carefully restored historic brick architecture with stylish and unashamedly modern elements to create high-quality office space, while further up the road in the warehouses of 1904, Sergei Desyatov and the Artplay Design Centre have conserved much of the original fabric of the buildings, creating a highly-textured and dramatic backdrop for studios, exhibition spaces and gastronomy. The Artplay complex resembles a well-established project in Hamburg's former Zeise ship propeller

factory. Here the famous Eisenstein (Ironstone) restaurant has been thriving for over 20 years in a conversion that retains even the soot on the chimney in the old boiler house. But despite the great success of Artplay and the positive tendencies at work here, it is, like ARTStrelka, only a temporary development and the owner of the site is to reclaim the warehouses in 2008 and intends to demolish it to make way for a multi-storey building. The alternative is a much higher rent that Artplay will be unable to afford. The directors of Artplay are looking for another industrial building in Moscow, where they hope to recreate their success on a more permanent basis. Many of the firms now renting space there intend to move with them. It is tragic that even the superlative example set by Artplay is insufficient to halt demolition, even though it has infused new life into these buildings and the entire area. It can only be hoped that the commercial success so far of the project will persuade the developer to change his mind.

▲ Bakhmetevsky Bus Garage, 19 Ulitsa Obratsova, by Konstantin Melnikov, engineer Vladimir Shukhov, 1926-27, archival photograph
Бахметьевский автобусный гараж. Ул. Образцова, 19. Архивная фотография

➤ Ground plan of Bakhmetevsky Bus Garage
План Бахметьевского автобусного гаража. Улица Образцова, 19. Арх. К. Мельников, инж. В. Шухов, 1926-27

▼ Original metal spiral staircase case inside Bakhmetevsky Bus Garage
Оригинальная металлическая винтовая лестница в Бахметьевском автобусном гараже

меньше, и творческие проекты со временем будут вынуждены покинуть центр города.

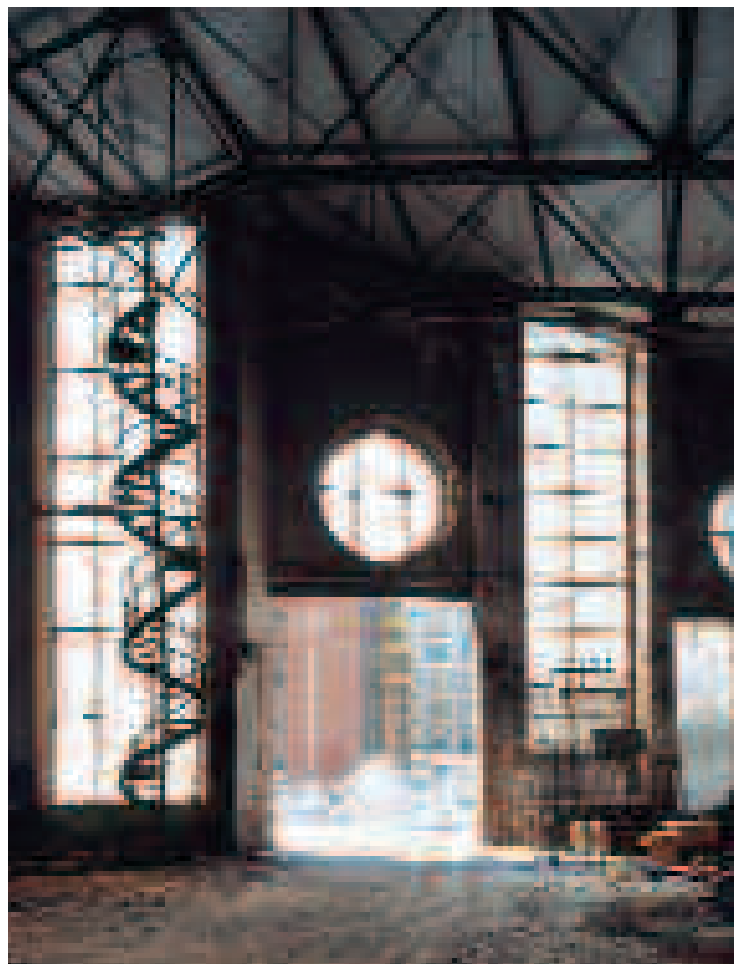
Еще один пример изобретательной конверсии, также имеющей временный характер, – освоение комплекса шелковой фабрики «Красная Роза» на улице Тимура Фрунзе. Два проекта – офисный центр «Красная Роза» и Центр дизайна ArtPlay – демонстрируют разный подход к использованию промышленного ансамбля рубежа XIX-XX веков. Архитекторы из бюро «Рождественка», уже имевшие большой опыт в реабилитации старых зданий, дополнили бережно отреставрированные кирпичные корпуса современными функциональными элементами, превратив их в высококачественное офисное пространство. Сергей Десятов и Центр дизайна ArtPlay, напротив, оставили бывший текстильный склад 1904 года постройки практически без изменений, сохранив историческую фактуру. Этот подлинный выразительный антураж вместил в себя десятки архитектурных и дизайнерских фирм, выставочных пространств и кафе. Центр ArtPlay напоминает гамбургский проект 1980 года по конверсии бывшего завода Цейса, производившего корабельные

пропеллеры. Уже более двадцати лет сюда привлекает публику знаменитый ресторан «Эйзенштейн» («Железная руда»), сохранивший даже сажу в трубах старой бойлерной. Этот пример мог бы служить хорошим ориентиром в преобразовании шелковой фабрики на улице Тимура Фрунзе, где, как и в Гамбурге, «креативной» части общества удалось разбить лед и увлечь за собой большинство. Однако, несмотря на явный успех ArtPlay и позитивные тенденции его работы, этот комплекс, как и «Арт-Стрелка», может оказаться лишь временным явлением. Владелец участка не собирается продлять аренду складских помещений, намереваясь снести их в 2008 году, чтобы очистить площадку для строительства многоэтажного комплекса. Единственной альтернативой остается лишь существенное повышение арендной платы, которую ArtPlay не в состоянии себе позволить. Руководство ArtPlay ищет другое промышленное здание в Москве, где можно было бы повторить этот успех на более стабильных условиях. Большинство компаний, сегодня арендующих пространства в ArtPlay, собираются последовать за ними. Драматично, что даже та-

A more permanent conversion is that at The Red Textile Workers' Factory, (Krasnye Tekstilschiki), on the banks of the Vodootvodny canal. This is now the Golutvinskaya Sloboda business centre. The investor proudly invited the participants of the International Committee for the Preservation of Industrial Heritage's conference in 2000 to see the building. While many felt that modernisation had gone a little far, the project nevertheless helps popularise the use of former industrial buildings for modern purposes.

A very spontaneous use has been found for the huge textile complex on Danilovskaya Ulitsa. Here, the labyrinthine market spread across several sites has been integrated into a group of former textile mill buildings. Nothing much has been changed in the fabric of the building. You can buy anything you want in the market, from pirated designer jeans to rubber dolls. This is the same process that many industrial building complexes in Eastern Europe underwent after the fall of Communism. For exam-

▲ Red October Chocolate Factory, 6 Bersenevskaya Naberezhnaya
Шоколадная фабрика «Красный Октябрь». Берсеневская наб., д. 6

кой успешный пример, как ArtPlay, вдохнувший новую жизнь не только в несколько корпусов, но и в целый квартал, не в состоянии остановить разрушение исторических зданий. Может быть, ситуация еще изменится, и в 2008 году ArtPlay получит шанс продолжить свое существование.

Пример более долгосрочной конверсии – фабрика «Красные Текстильщики» на Водоотводном канале, превращенная в бизнес-центр «Голутвинская Слобода». В 2000 году инвестор с гордостью пригласил участников Международной конференции по сохранению индустриального наследия (TICSIH) полюбоваться этим ансамблем. Посещение комплекса оставило чувство, что «модернизация» зашла несколько дальше, чем следовало. Тем не менее проект способствует продвижению идеи использования исторических индустриальных зданий для современных нужд.

Довольно спонтанная новая жизнь возникла в огромном текстильном комплексе на Даниловской улице. Разношерстный торговый лабиринт внедрился на территорию бывшей текстильной фабрики, не привнеся практически никаких изменений в ее структуру. На этом рынке можно купить

все, что угодно начиная от пиратских джинсов и кончая резиновыми куклами. Это тот же самый процесс, который можно было наблюдать во многих промышленных комплексах восточноевропейских стран после падения коммунизма. Например, таким же образом используется пражская скотобойня; так непреднамеренно создаются условия, позволяющие ценным историческим зданиям сохраняться почти без изменений долгие годы. Рядом с фабрикой на Даниловской фантастический железобетонный комплекс городских складов, построенный еще до Первой мировой войны, дремлет в ожидании пробуждающего поцелуя своего принца, будь то просвещенный коммерсант или защитник памятников старины.

В Москве тысячи таких строений, ожидающих своей очереди быть открытыми, каталогизированными и реабилитированными для новой жизни. После упадка традиционной промышленности в середине 1950-х годов, в Западной Европе стала происходить постепенная интеграция оставшихся индустриальных зданий в ткань городов. Будем надеяться, что этот опыт будет перенесен в Россию раньше, чем окажется слишком поздно, и

ple, the Prague abattoir is used in exactly the same way, and thus historical buildings of great value can be conserved with almost no alterations for many years. Nearby, a functional pre-WW1 complex of reinforced concrete municipal warehouses still awaits the wakening kiss of some enlightened developer or preservationist prince.

There are thousands of such structures within Moscow still awaiting discovery, inventorying and re-use. Following the decline of traditional industries after the 1950s, Western Europe slowly began to integrate these buildings into the fabric of their cities. There is hope that some of this experience can be transferred to Russia before it is too late. Let us hope that the huge mistakes made in Western Europe, such as the demolition of London's Euston Station, Ruhrgebiet's Krupp administration building and Berlin's Art Nouveau Puhl and Wagner mosaic factory, will not be repeated in Russia.

It cannot be emphasized enough that Russia's Industrial and Construc-

tivist legacy is unique. Should these treasures be demolished and forgotten, the loss would be indescribable.

▼ Red Textile Workers Factory (now the Golutvinskaya Sloboda business centre), between Yakimanskaya Naberezhnaya and Golutvinskiye Pereulki, 1880s
Фабрика «Красный текстильщик». Водоотводный канал. 1880-е. В настоящее время бизнес-центр «Голутвинская Слобода»

что Россия сможет избежать трагических ошибок, допущенных Западом, таких, как разрушение лондонской станции Юстон, снос административного здания компании «Крупп» в Руре или мозаичной фабрики «Пул и Вагнер» в стиле модерн в Берлине.

Не будет преувеличением сказать, что российское архитектурное наследие эпохи индустриализации и конструктивизма по своему уникально. Снос или предание забвению этих зданий будет одинаково невосполнимой потерей.

Λ ArtPlay exhibition and design and centre (former silk warehouses), 11 Ulitsa Timura Frunze, building 34, before renovation work began, spring 2004
 Центр дизайна ArtPlay. Ул. Тимура Фрунзе, 11, стр. 34. Перед началом реставрации складов ткани начала XX века, весна 2004

V Krasnaya Roza business centre, 11 Ulitsa Timura Frunze, buildings 2-5, new walkways and conversion by Rozhdestvenska architects
 Офисный центр Красная Роза. Ул. Тимура Фрунзе, 11, стр. 7 (переустройство по проекту архитектурного бюро «Рождественка»)

Λ Main hall of ArtPlay exhibition and design and centre, following renovation and conversion by Sergei Desyatov
 Главный зал центра дизайна ArtPlay. Ул. Тимура Фрунзе, 11, стр. 34. После окончания работ по проекту арх. С. Десятова, лето 2005

Franziska Bollerey

Axel Föhl

Is a city's identity still important? When you hear 'Bilbao', you think of a building by Frank Gehry; Barcelona promotes its image through Catalan Art Nouveau. What do you think of when you hear 'Moscow'?

Moscow could promote itself with its famous avant-garde treasures, so why doesn't it do this? The answer is that signature architecture, and enormous profit-driven buildings are taking over Russia's capital. The dominance of consumerism is creating perpetual crises both for the individual and for existing historic architecture and the law of consumption is: 'Do away with all that old stuff'. Monuments are old stuff and today's developers neglect and destroy them. Those in power in Moscow claim that they are interested in the city's historic identity. They think the Kremlin, a few monasteries and several churches more than adequately fill this role. But a metropolis needs many more widespread layers of history to make it

attractive. In the case of Moscow, the architectural icons of the 1920s and '30s are a vital part of the city's riches.

In the first third of the 20th century the Soviet avant-garde was a spearhead of the International Modernist movement and made a major contribution to world culture. This extraordinarily experimental and creative period left a wealth of workers' clubs, administrative buildings, factories, sports and educational facilities, as well as the famous experimental housing projects. These all combine dedication to a social concept with a new formal expression.

From the outset many of these buildings carried unwelcome associations, sometimes because churches and monasteries were demolished to make way for them. The avant-garde era did not last long: economic stability under Stalin in the early 1930s ushered in the new 'Socialist Realist' style and Modernism fell into disrepute. As in the West, the severity of Modernism does not appeal to everybody and only a tiny percentage of the population celebrated

the buildings at the time of their completion or is interested now in their fate. Today's emerging democratic society instinctively looks back towards untroubled periods in their history, the 'good old times' when change was less rapid and life more stable. Today's nouveaux riches take Tsarist splendour as a role model, although with the appearance of two new young sponsors of avant-garde buildings, there are signs that Constructivism may finally be coming into fashion.

The Soviet law concerning the preservation of historical and cultural monuments from December 15, 1978 was replaced in June 2002 with a new set of regulations. A General Plan was introduced to Moscow in 1999.

Despite the worthy sounding subdivisions of the General Plan such as: 'The Preservation and Reconstitution of Moscow's Historic and Cultural Heritage' and 'Main Features for the Development of Ecclesiastical Buildings', it in fact established a trend for replicating buildings and undermining authentic restoration.

The situation was not improved by the 2000 'Moscow Law on the Preservation and Use of Monuments of History and Culture', which was especially disastrous for buildings of the avant-garde period. As in the former GDR, the law divides monuments into three categories: those of national, regional and local importance. Between 1987 and 1989, dozens of buildings from the 1923 to 1934 avant-garde period were given listed status. These included works by architects such as Fomin, Gelfreich, Ginzburg, Golosov, Kolli, Ladovsky, Melnikov, Rerberg, Shchuko, Shchusev, the Vesnin brothers and Zholtovsky.

However, not one of these was awarded national or even regional monument status: all were considered to be only of local importance, and the status of many is still to be established, leaving them vulnerable to today's aggressive building boom. To make things worse, execution of the law is at best inscrutable, and at worse counterproductive as buildings are often down-scheduled or removed from the list of

Architecture of the Avant Garde: Icons and Iconoclasts

Архитектура авангарда: иконы и иконоборцы

Франциска Боллери

Аксель Фоль

Что означает в наши дни идентичность города? Когда мы слышим «Бильбао», то на ум сразу приходит здание Фрэнка Гери. Облик Барселоны формируют памятники каталонского модерна. О чем же мы думаем, когда слышим слово «Москва»?

Символами Москвы вполне могли бы стать знаменитые шедевры авангардной архитектуры – так почему же этого не происходит? Потому что сегодня российская столица захвачена потоком псевдосимволической архитектуры, огромными зданиями, возводящимися ради сиюминутной прибыли. Потому что потребительская лихорадка становится причиной кризиса как отдельной личности, так и существующей в городе исторической архитектуры, а закон потребления, как известно, гласит: «Избавимся же от всего этого старья». Памятники архитектуры в наше время и стали тем самым «старьем», которым пренебрегают и которое уничтожают застройщики. Московские власти риторически провозглашают, что они заинтересованы в сохранении исторической подлинности города. Однако они ведут себя так, как будто для

этой цели более чем достаточно сохранить лишь Кремль, несколько монастырей и церквей. Но ведь для того, чтобы столичный город оставался привлекательным, ему требуются значительно более глубокие и разнообразные культурные пласты. Архитектурные шедевры 1920-1930-х гг. составляют уникальную, символически значимую часть культурного богатства Москвы.

В первой трети XX столетия советское искусство находилось в авангарде международного модернизма и внесло значительный вклад в фонд мировой культуры. Этот экспериментальный период, отмеченный беспрецедентной смелостью и широтой творческого поиска, оставил Москве множество архитектурных шедевров. Среди них рабочие клубы, административные здания, заводы, спортивные и образовательные учреждения, а также прославившиеся на весь мир экспериментальные жилищные комплексы. Все эти постройки демонстрируют искреннюю преданность их создателей определенной социальной идее, выраженной посредством совершенно нового формального языка.

Многие из авангардных сооружений уже с самого начала стали

вызывать отрицательные ассоциации, в том числе и потому, что в некоторых случаях для их постройки сносились храмы и монастыри. Авангард господствовал недолго: в начале 1930-х, когда власть уже полностью сосредоточилась в руках Сталина, развитие его было прервано. Под давлением нарождавшегося социалистического реализма авангардная архитектура впала в немилость. Так же как и на Западе, строгий аскетизм модернистской архитектуры далеко не для всех в России был близок, поэтому лишь небольшая часть населения восприняла появление этих зданий с энтузиазмом, и лишь немногие интересуются их судьбой сейчас. В поисках образца для подражания современное российское общество инстинктивно оглядывается на стабильные периоды своей истории, на «старые добрые времена», когда перемены происходили не столь стремительно и жизнь была спокойнее. Именно поэтому современные нувориши отдают предпочтение великолепию и роскоши придворного стиля царской России. Тем не менее тот факт, что за последнее время все же появились молодые предприниматели, готовые вкладывать деньги в сохранение памятников

авангарда, говорит о том, что «конструктивизм», возможно, снова входит в моду.

Советский закон о сохранении памятников истории и культуры, принятый 15 декабря 1978 года, в июне 2002 года был заменен новым сводом нормативных документов. Последний на сегодняшний день генеральный план Москвы был разработан в 1999 году. Несмотря на то что соответствующие разделы Генерального плана озаглавлены вполне достойно – в частности, «Сохранение и регенерация историко-культурного наследия Москвы» или «Развитие системы культурных центров и сопутствующих им объектов», – этот план фактически санкционирует подмену памятников архитектуры их муляжами и подрывает основы подлинно научной реставрации.

Не смог улучшить ситуацию и принятый в 2000 году Закон города Москвы «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры», который особенно пагубно отразился на сооружениях эпохи авангарда. Московский закон, наподобие того закона, который ранее существовал в ГДР, делит все памятники на три категории: федерального, регионального и местного значения.

monuments to suit developers' needs. Maximising profit and preserving cultural identity are seen as incompatible in today's Moscow, and the latter usually loses out.

The elimination of a building from the list of monuments is usually only one of many factors contributing to its destruction. Other destructive factors are the 're-dedication' of urban spaces, neglect and ill-advised renovation. A recent victim is Sergei Kharitonov and Anatoly Samoilov's Institute of Resortology (early 1930s), demolished in January 2006 to make way for an enormous office complex. This building was under consideration for listed status, but was removed from the list before demolition. The large, central site was too lucrative a proposition for the interests of conservation to prevail. In architectural terms, the building was a rare marker of the transition from Constructivism to the Stalinist style. Here, the 1920s asymmetrical composition of the facade and generous glazing were twinned with the ornate balconies and

wide cornices favoured under Stalin. The function of the building was also historically important as the place where methods of physiotherapy were developed for the Communist elite and new resorts were planned for the Black Sea coast. Two boreholes in a small park behind the building provided mineral water and brine. As a result of losses like this, the Moscow is becoming ever poorer. Mediocre and banal buildings are replacing unique and expressive architecture all over the city.

The quest for an architectural expression of the social aspirations of the new Soviet regime followed fast on the heels of the Revolution. In 1918, the first Moscow development plan was presented under the aegis of Ivan Zholtovsky and Alexei Shchusev. This conceived a series of cooperative housing complexes and led to the construction of several housing estates, including Sokol, planned in 1920, 11 kilometres north east of Moscow's centre. Today it has been absorbed into the city and is served by a metro station of

V Institute of Resortology, 32 Ulitsa Novy Arbat, by Sergei Kharitonov and Anatoly Samoilov, early 1930s, during demolition, January 2006
Институт курортологии. Новый Арбат, 32. Арх. С. Харитонов и А. Самойлов, начало 1930-х гг. Фото: во время сноса, январь 2006

Λ Institute of Resortology, 32 Ulitsa Novy Arbat, by Sergei Kharitonov and Anatoly Samoilov, early 1930s, summer 2005
Институт курортологии. Новый Арбат, 32. Арх. С. Харитонов и А. Самойлов, начало 1930-х гг. Фото: лето 2005

the same name. The cooperative was based on Ebenezer Howard's concept for a Garden City. Building activities started with a design by architect Nikolai Markovnikov. Over 100 one-to-three-family houses on 600 to 800 square metre plots mirror the English cottage tradition and employ various regional Russian architectural traits. Despite its pleasant atmosphere, the cooperative structure was abolished under Stalin in 1936 and many of Sokol's inhabitants – academics, artists and trade union officials – fell victim to the purges.

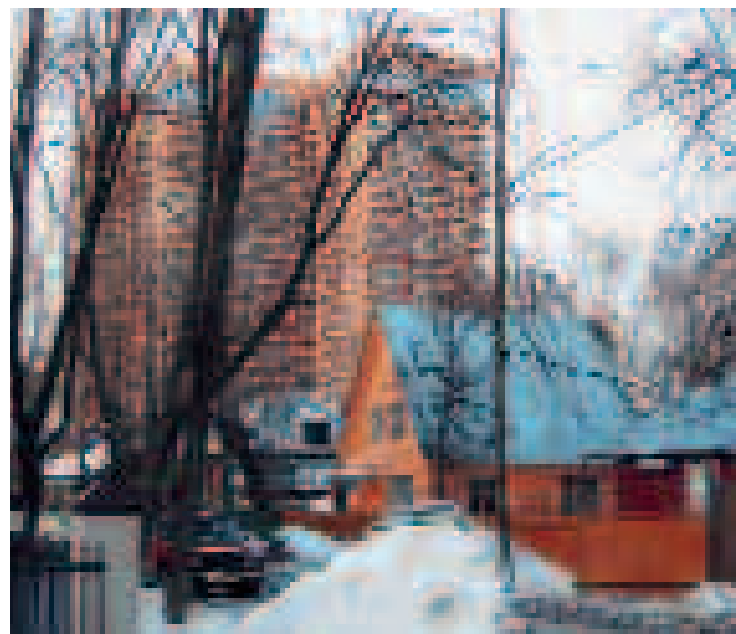
Sokol Garden City is a unique document of and monument to the cultural and architectural history of early communist rule. However, today the some 600,000 square meter area of Sokol is threatened from within as well as from without.

The neighbouring high-rise block of flats will soon be joined by a second, while investors thirst for the centrally positioned, leafy neighbourhood to erect villas for the prosperous. Many of the single plots are being taken over

and built on, disturbing the delicate balance of the 'Gesamtkunstwerk' cooperative housing estate with their grotesquely over-dimensioned and pretentious fortress-like bungalows.

And Sokol is not the only threatened garden suburb in Moscow today. Developers are being encouraged by the city authorities to target workers' settlements built in the late 1920s and '30s. These modest, pleasantly proportioned housing complexes occupy large plots of land not far from the city centre – gold dust for developers. One of the most vulnerable workers' settlements is Mantulinskaya, near the Moskva-City office district presently under construction. Also under threat of demolition or insensitive development are the following workers' settlements: Vostochnaya, Danguerovka, Studencheskaya, Kolodeznaya, Dubrovka and Pogodinskaya.

'There is something strange about the Moscow streets,' Walter Benjamin noted in the 1920s, 'The Russian village plays hide-and-seek there'. Like all metropolises, Moscow fascinates and

▲ New high-rise developments overshadowing house in Sokol village on Ulitsa Bryullova, complex originally by Boris Velikovskiy, Nikolai Markovnikov, the Vesnin brothers, Ivan Kondakov et al, 1923-30, winter 2005
Поселок Сокол, ул. Брюллова. Арх. Б. Великовский, Н. Марковников, братья

Веснины, И. Кондаков и др. На заднем плане видно новое высотное здание.
Зима 2005

Между 1987 и 1989 гг. десяткам авангардных зданий 1923-1934 гг. был присвоен статус памятников. Среди них были шедевры таких архитекторов, как И. Фомин, Г. Гельфрейх, М. Гинзбург, И. Голосов, Н. Колли, Н. Ладовский, К. Мельников, И. Рерберг, В. Щуко, А. Щусев, братья А., В. и Л. Веснины и И. Жолтовский.

Однако после 2000 года ни одно из этих зданий не было включено в списки объектов культурного наследия федерального или даже регионального значения – сегодня все они имеют лишь местный статус. Более того, статус многих зданий этого периода все еще остается неопределенным, что делает их чрезвычайно уязвимыми в условиях современного строительного бума. Еще более усугубляет ситуацию то, что порядок исполнения закона, по меньшей мере, невнятен, а по сути и вовсе неэффективен, так как зачастую статус зданий бесосновательно понижают или же их просто-напросто вычеркивают из списка памятников, если в том заинтересован застройщик. Максимизация прибылей и сохранение подлинности культурного облика Москвы в наше время, похоже, вещи несовместимые, и победа в этой борьбе, как это ни

прискорбно, обычно оказывается на стороне прибылей.

Удаление здания из списка памятников обычно является лишь одним из множества факторов, способствующих его уничтожению. Среди других факторов – «перепрофилирование» городских территорий, запустение или недобросовестная реконструкция. Так, к недавним жертвам относится Институт курортологии на Новом Арбате, снесенный в 2006 году ради того, чтобы освободить место для огромного офисного комплекса. Это здание значилось вновь выявленным объектом культурного наследия, однако было выведено из списка незадолго до сноса. Большой участок в центре города был слишком лакомым кусочком, чтобы интересы сохранения наследия могли браться в расчет. Стилистически Институт курортологии являл собой редкий образец перехода от конструктивизма к архитектуре сталинского ампира. Асимметричная композиция фасада и обильное остекление в духе 1920-х совмещались с декоративными балконами и широкими карнизами – излюбленными мотивами сталинского стиля. Сама функция здания также имела историческое значение, так как имен-

но здесь велась разработка новейших методов физиотерапии, предназначенных для лечения членов партийной элиты, и проектировались санатории для Черноморского побережья. Две буровые скважины в небольшом сквере во дворе здания обеспечивали институт минеральной водой и лечебными солями. Потери такого рода значительно обедняют Москву. По всему городу на месте уникальной и выразительной архитектуры возникают заурядные, неинтересные здания.

Поиск архитектурного языка, способного выразить социальную идеологию молодого советского государства, начался практически сразу после революции. С 1918 года под руководством Ивана Жолтовского и Алексея Щусева велась разработка первого плана развития Москвы. Этот план предусматривал создание ряда жилых микрорайонов и кооперативных поселков. Некоторые из этих проектов действительно были реализованы. В число последних входил спроектированный в 1920 году поселок Сокол, расположившийся в 11 километрах к северо-западу от центра Москвы. В наши дни поселок окружен подступившим к нему со всех сторон городом, рядом находится одноименная

станция метро. Замысел кооператива «Сокол» был основан на утопической концепции «города-сада» Эбенезера Хауарда (Говарда). Автором утвержденного проекта стал архитектор Николай Марковников. Поселок включал в себя более сотни домов, располагавшихся на участках площадью от шести до восьми соток и рассчитанных на одну-три семьи, и совмещал традиции английского коттеджного строительства с разнообразными мотивами русского национального зодчества. Несмотря на царившую здесь приятную атмосферу, кооперативная форма организации жильцов в 1936 году была упразднена Сталиным, и многие обитатели Сокола, среди которых были академики, художники и профсоюзные деятели, пали жертвами репрессий.

Поселок Сокол – подлинный «город-сад» – является уникальным памятником и живым свидетельством культурной и архитектурной истории начала советской эпохи. Однако сегодня Соколу, общая площадь которого составляет около 60 гектаров, угрожает опасность, причем исходит она как извне, так и изнутри. В непосредственной близости от поселка Сокол был построен многоэтажный жилой дом, и скоро по соседству с

entices with its multilayeredness and diversity. Here, rural and urban elements co-exist together with traditionalist and avant-garde buildings. This creates a tightly-knit fabric, that is surprisingly delicate. The roughshod obliteration of parts of this whole is creating ugly wounds in the fabric of the city that will be difficult to heal.

Sokol is being targeted, but so are world famous icons of Constructivism – the subject of the Heritage at Risk Conference in 2006.

Yet there is now hope that after long years of neglect, the 'Dom Kommuna' also frequently called 'Narkomfin' (1928-1930, see p.52-53 for illustrations), may be on the verge of a new lease of life as interest grows in restoring it as an arts centre and hotel. Narkomfin was constructed to house employees of the People's Commissariat for Finance (Narodny Komissariat Finansov). Architects Moisei Ginzburg and Ignaty Milinis together with engineer S. Prokhorov built this 85-metre long, five-storey, east-west oriented

apartment tract along Novinsky Boulevard. It is connected to a four-storey community building by a glassed-in bridge. This utility block contained a sports hall, laundry and canteen, later used as a kindergarten. In the main building, two galleries on the second and fourth storeys give access to two types of split-level-apartments. Hinnerk Scheper, the famous Bauhaus Meister who decorated the Dessau Bauhaus building, designed the colour scheme for Narkomfin's staircases, corridors and apartments in 1929. For one year he was on furlough from the Bauhaus to cooperate with Moscow's Malyarstroj, the central information centre for colour schemes in architecture.

And this was not the only fruitful cross-fertilisation between the European Modernist movements: Russian architects looked to Le Corbusier's Dom-ino 1914-1915 system for standardised building systems and Narkomfin's elevation on round reinforced concrete columns was certainly influenced by him. In turn, Le Corbusier in the late

1940s used Narkomfin's split-level duplex apartments in his famous Unites d'Habitation.

Narkomfin is of extraordinary architectural and historical significance. It is an attempt to build a structure to contain and foster collective living. The *kommunalki* (collective apartments) that sprang up in the apartment blocks of the pre-Revolutionary wealthy were a forerunner of collective living. *Kommunalki* were a response to an increased workforce in Moscow after 1917 that made necessary a forced reallocation of living space. In *kommunalki*, access to sanitary facilities and kitchens were strategic problems. Narkomfin produced solutions to these problems as well as flexible layout options despite the small size of the apartments. Restaurants and canteens, laundries and children's day care-centres, sports, gardens and educational facilities were all on offer within the complex.

Preserving Narkomfin means preserving a building that represents Francois Marie Charles Fourier's concepts

for a 'Social Palace', that were taken up in the Western European one-kitchen and service house designs. The rejection of experimental building in 1932 choked all further experiments in designing for the collective until after Stalin's death. This means that there are very few good examples of experimental avant-garde architecture in the field of residential architecture in Moscow. Those that exist must be preserved.

It is a fallacy to say that Narkomfin is uninhabitable. A collective housing block on Gogolevsky Boulevard built during the same period contains identical duplex apartments and is well-maintained by its present occupants. It is hoped that whatever function is chosen for Narkomfin, that some of the apartments will remain residential. It is important that delicate buildings like this should be inhabited by residents who love it and are willing to maintain it. Any new resolution for the building must secure its future once and for all, so that this long period of neglect is never repeated.

> Daguerovka worker's settlement, by Motylev, Vegner, Shervinsky, Molokov and Zvezdin, 1928-1930, archival photograph of 1947; partly built by American company Longacre, now in poor condition and one building demolished, but no listed status, and threat to complex now posed by planned development project.

Рабочий поселок Дангауэровка (арх. Мотылев, Вегнер, Шервинский, Молоков и Звездин, 1928-1930). Не имеет охранного статуса; в настоящее время находится под угрозой частичного сноса. Архивная фотография, 1947 г.

ним вырастет еще одна высотка. При этом инвесторы жаждут заполучить в свои руки прекрасно расположенный зеленый поселок и возвести на его территории виллы для состоятельных людей. На многих участках уже развернулось новое строительство, ведущее к утрате тонкой композиционной уравновешенности и чистоты стиля всего ансамбля. Все чаще здесь возникают особняки гипертрофированных пропорций, напоминающие о каких-то крепостных сооружениях.

Сokol – не единственный из московских «зеленых поселков», которому сегодня грозит исчезновение. Многие застройщики присматриваются к жилым районам, построенным для рабочих в конце 1920-х – начале 1930-х годов, и московские власти их в этом поддерживают. Речь идет о скромных, соразмерных человеку жилых комплексах, занимающих довольно большие территории недалеко от центра – настоящий Клондайк для девелоперов. Один из таких рабочих поселков, наиболее уязвимый в настоящий момент, расположен на улице Мантулинская, рядом со строящимся административным районом Москва-Сити. Среди других подобных комплек-

сов, находящихся под угрозой уничтожения или грубой реконструкции, поселок Восточный, районы Дангауэровки, Дубровки, улица Студенческой, Колодезной и Погодинской.

«Есть все-таки что-то необычное в московских улицах, – заметил в 1920-е годы Вальтер Бенямин, – кажется, русская деревня играет здесь с вами в прятки». Как и всякий мегаполис, Москва завораживает и очаровывает многоликостью и разнообразием своих культурных напластований. Ведь здесь в неразрывном единстве существуют урбанистические и провинциальные черты, традиционная и авангардная архитектура. Это сочетание порождает сложную переплетенную среду, городской организм, крайне чувствительный к любым вмешательствам. Безжалостное уничтожение отдельных частей этого организма оставляет в ткани города уродливые раны, которые очень не просто залечить.

Как было сказано выше, поселок Sokol находится под угрозой уничтожения. Однако эта угроза также нависла и над всемирно известными шедеврами архитектурного авангарда, что стало главной темой проведенной в 2006 году конференции «Heritage at Risk: Со-

хранение архитектуры XX века и Всемирное наследие».

Есть надежда, что после почти 80 лет небрежения дом-коммуна Наркомфина (1928-1930, илл. на стр. 52-53) наконец получит шанс возродиться для новой жизни. Об этом свидетельствуют все чаще высказываемые в архитектурном сообществе предложения отреставрировать памятник, превратив его в художественный центр или гостиницу. Первоначально дом-коммуна был призван обеспечить жильем сотрудников Народного комиссариата финансов (Наркомфина). Возведенный вдоль Новинского бульвара архитекторами М. Гинзбургом и И. Милинисом при участии инженера С. Прохорова, комплекс состоит из шести-этажного жилого корпуса длиной 85 м, ориентированного по оси восток-запад, и соединенного с ним посредством остекленного перехода четырехэтажного блока общественного обслуживания. «Коммунальный» блок изначально вмещал в себя спортивный зал, прачечную и столовую, но впоследствии часть его помещений была отдана под детский сад. Из двух коридоров в основном корпусе, на втором и четвертом этажах, можно попасть в два типа двух-

уровневых квартир.

В 1929 году Хиннерк Шепер, знаменитый мастер объединения Bauhaus, работавший над оформлением здания школы Баухауз в Дессау, создал цветное оформление лестниц, коридоров и квартир дома Наркомфина. На один год Шепер был командирован в Москву для сотрудничества с Малиарстром – организацией, ответственной за разработку цветовых решений в архитектуре.

Этот опыт был не единственным примером плодотворного взаимодействия европейского и советского модернизма. Разрабатывая типовые жилые комплексы, советские архитекторы брали за образец конструктивный модуль, предложенный Ле Корбюзье в 1914-1915 гг. в проекте «Dom-ino». Несомненно, именно этот проект французского архитектора повлиял на решение дома Наркомфина, который был поднят на круглые железобетонные столбы. В свою очередь, Ле Корбюзье позаимствовал типологию двухуровневых квартирных ячеек дома Накомфина, применив ее в своей знаменитой «Жилой единице» – Unite d'Habitation – уже в конце 1940-х годов.

Дом Наркомфина представляет

Other endangered examples of Moscow's avant-garde legacy include Konstantin Melnikov's Bakhmetevsky bus depot which has been all but destroyed in a recent botched restoration/reconstruction project. Most of Melnikov's worker's clubs, including the Rusakov and Kauchuk clubs, are disfigured and restoration work of a dubious standard is underway at the Frunze Workers' club. And last but not least, the fate of the double-cylinder, atelier-cum-artist's house (see pp.50-51 for illustrations) erected by Melnikov for himself and his family in 1927-1929 hangs in the balance. Its future has been debated in the world press since the death of Melnikov's son, Victor, in February 2006.

Hope for the survival and re-use of Ivan Nikolayev's world-famous halls of residence for students of the Moscow Textile Institute, otherwise known as the Dom Nikolayeva, is all but extinct. There were plans to integrate kitchens and sanitary rooms into the 200-meter, eight-storey block that originally housed

sleep-cubicles for 2,000 students, and to reopen the building once again as a functioning hostel for students of the Eurasian Technical University, but they have foundered. When this project was under discussion in 2000, the whole complex was already disintegrating. The balconies still existed which are today just rusting iron girders – speed is of the essence if anything is to remain of this building.

The next few years will decide whether Russia is willing and able to save its most precious contribution to world architecture. Moscow's avant-garde legacy is unique. In the 1920s, visitors came in their thousands to watch Russia's breathtaking departure towards a new age and admired the revolutionary architecture that expressed this development. There is absolutely no reason why similar numbers cannot be set in motion today to see the long inaccessible crown jewels of the Russian avant-garde.

▲ Rusakov Club, 6 Ulitsa Stromynka, by Konstantin Melnikov, 1927-1929
Клуб им. Русакова. Ул. Стромынка, 6. Арх. К. Мельников, 1927-1929
> Ground plans of the 1st to 4th floors of the Rusakov Club
План 1, 2, 3 и 4-го этажей Клуба им. Русакова

огромную ценность как архитектурный и исторический памятник. В нем на практике осуществилась попытка постройки сооружения, предназначенного для коллективной жизни людей и организации их совместного быта. Этот дом призван был решить проблему хронического дефицита жилья в Москве – в те времена, когда большинство людей жили в перенаселенных коммунальных квартирах, до революции принадлежащих зажиточным москвичам. Коммуналки решали проблему размещения рабочего населения, численность которого существенно выросла в Москве после 1917 года. Но доступ к санузлам или кухням в коммуналках становился стратегической задачей. Дом Наркомфина демонстративно иное решение: несмотря на небольшую площадь квартир в доме, архитекторы предлагали жильцам гибкие варианты размещения. То, что мы видим в современных домах: рестораны, буфеты, прачечные, детские сады, спортивные залы, зеленые насаждения – все это уже существовало в комплексе дома Наркомфина.

Сохранить дом Наркомфина означает, в частности, сохранить здание, которое воплощает концепцию «общественного дворца»

Шарля Фурье. Эта же концепция была подхвачена западноевропейскими архитекторами, проектировавшими жилые комплексы с общим кухонным или служебным блоком. Такие здания продолжают возникать до сегодняшнего дня, предлагая альтернативные решения проблемы разобщенного образа жизни современных людей. В Советском Союзе запрет на экспериментальное жилищное строительство, провозглашенный в 1932 году, заставил архитекторов вплоть до самой смерти Сталина отказываться от любых проектов коллективных жилых комплексов. Поэтому в Москве осталось совсем немного образцов экспериментальной жилой архитектуры периода авангарда. Эти памятники должны быть сохранены.

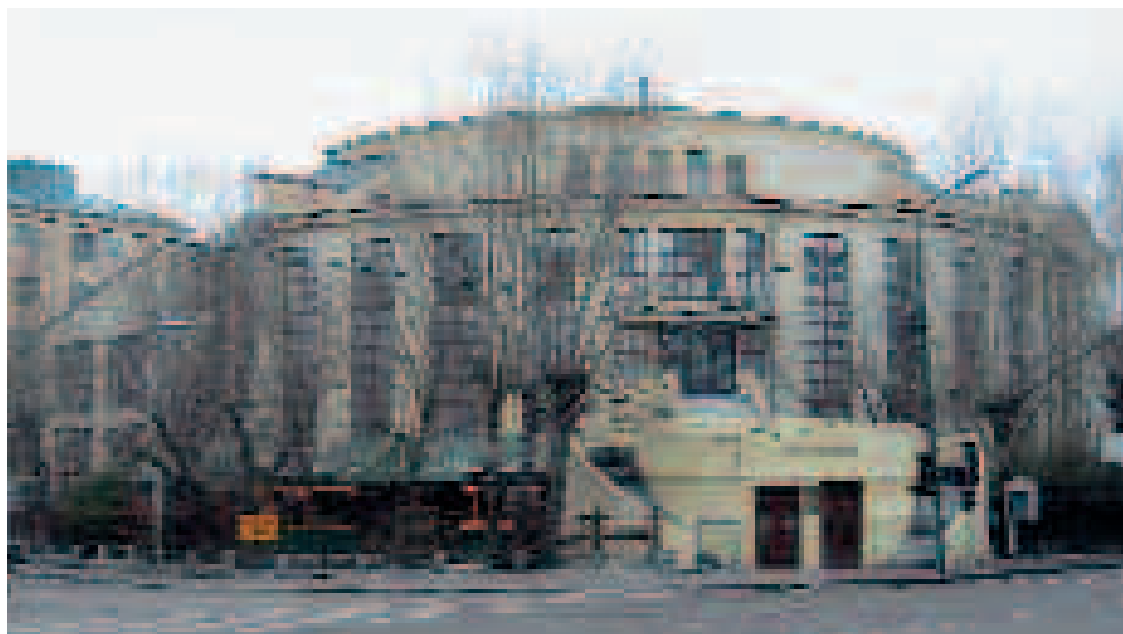
Ошибочным является утверждение, что дом Наркомфина уже не пригоден для жилья. К примеру, дом-коммуна на Гоголевском бульваре, возведенный в то же самое время, что и дом Наркомфина, имеющий такие же двухуровневые квартиры, поддерживается его сегодняшними владельцами в хорошем состоянии. Остается надеяться, что вне зависимости от нового назначения дома Наркомфина, некоторые квартиры в нем все-таки

останутся жилыми. Чрезвычайно важно, чтобы в таких домах, требующих внимательного и деликатного к себе отношения, жили люди, которые любили бы и заботились о них. Так или иначе, любое из принятых решений относительно новой функции дома Наркомфина все-таки поможет его сохранить, и остается надеяться, что длительный период запущенности и забвения, который пережил памятник, не повторится снова.

Дом Наркомфина – не единственный памятник авангарда, находящийся под угрозой исчезновения. Среди других построек, в частности, Бахметьевский автобусный парк, спроектированный Константином Мельниковым. Этот гаражный комплекс практически полностью уничтожен вследствие его крайне небюджетной реставрации-реконструкции. Почти все рабочие клубы того же архитектора, в том числе Клуб имени Русакова и Клуб «Каучук», в настоящее время находятся в плачевном состоянии. Еще один Клуб – имени Фрунзе – стал объектом недавно развернувшейся реставрации весьма сомнительного качества. Наконец, нельзя не сказать о доме самого Мельникова, который он построил для себя и своей

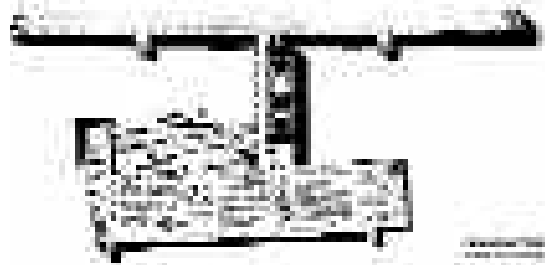
семьи (см. илл. на стр. 51-52). Дом-мастерская состоит из двух соединенных друг с другом массивных цилиндров. Со времени смерти в феврале 2006 года Виктора Мельникова, сына архитектора, судьба этого дома широко обсуждается в международной прессе. Хотелось бы верить, что проблемы, связанные с правом собственности на дом, в скором времени будут разрешены, и тогда, наконец, начнутся столь необходимые ему реставрационные работы.

Почти нет надежды, что прославившееся на весь мир общежитие Текстильного института, построенное Иваном Николаевым и потому часто называемое просто «Дом Николаева», уцелеет и найдет себе новое применение. Какое-то время назад выдвигались предложения оснастить девятиэтажное здание новыми кухнями и гигиеническими комнатами. Так, здание длиной 200 метров, изначально рассчитанное на две тысячи учащихся, можно было бы превратить в общежитие для студентов Евразийского технического университета. К несчастью, этим предложениям пока не суждено воплотиться в жизнь. Во время обсуждения проекта в 2000 году весь комплекс общежития уже буквально развали-

Λ Kauchuk Factory Club, 64 Ulitsa Plyushchikha, by Konstantin Melnikov, 1927-1929, winter 2006
Клуб завода «Каучук». Ул. Плющиха, 64. Арх. К. Мельников, 1927-1929

V Library of Student Commune Building, 8/9 Ulitsa Ordzhonikidze, by Ivan Nikolaev, 1929
Библиотека студенческого дома-коммуны. Ул. Орджоникидзе, 8/9. Арх. И. Николаев, 1929
> Ground plan of Student Commune Building
План 1-го этажа студенческого дома-коммуны

вался на части. Правда, на фасадах здания тогда еще можно было увидеть балконы, от которых сегодня остались лишь ржавеющие железные балки. Нельзя забывать: если мы хотим, чтобы от здания хоть что-нибудь сохранилось, действовать нужно оперативно.

Следующие несколько лет покажут, действительно ли Россия желает и способна сохранить свой самый ценный вклад в общее наследие мировой архитектуры. Московские памятники архитектурного авангарда представляют собой уникальный, беспрецедентный в истории феномен. В 1920-е годы тысячи туристов приезжали в Москву, чтобы своими глазами увидеть, как советское общество отважно устремляется к строительству нового мира. Они восхищались поистине революционной архитектурой, олицетворявшей этот порыв. Несомненно, Москва и сегодня в состоянии привлекать множество туристов, приезжающих с той же целью: посмотреть на долгое время оставшиеся недоступными шедевры эпохи советского авангарда.

THE MELNIKOV HOUSE-STUDIO 10 KRIVOARBATSKY PEREUOK

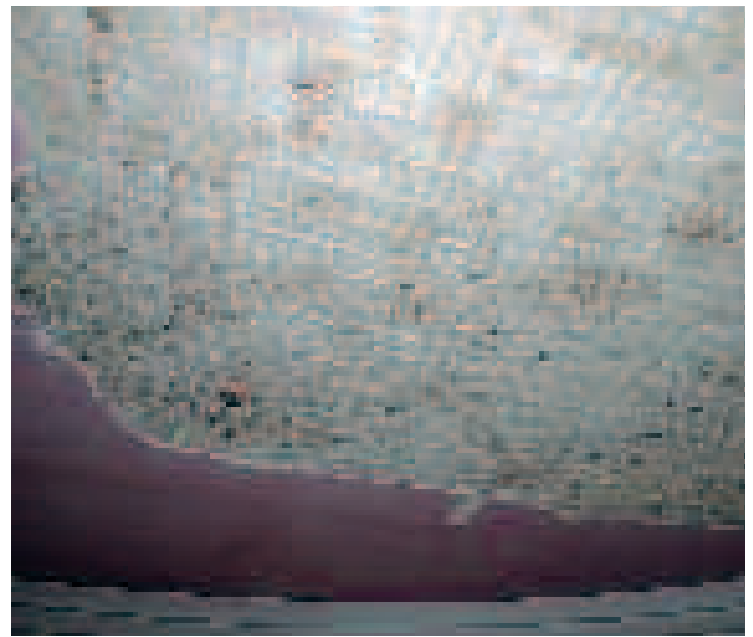
THE MELNIKOV HOUSE-STUDIO WAS CONSTRUCTED IN 1927-1929 BY LEADING AVANT-GARDE ARCHITECT KONSTANTIN MELNIKOV FOR HIMSELF AND HIS FAMILY. MANY OF MELNIKOV'S EXTRAORDINARY AVANT-GARDE PROJECTS WERE CONSTRUCTED IN MOSCOW IN THE 1920S AND ARE SHOWN ON OTHER PAGES IN THIS BOOK, MOST OF THEM IN URGENT NEED OF REPAIR. MELNIKOV WAS GRANTED THIS PLOT IN CENTRAL MOSCOW ON THE GROUNDS THAT HIS EXPERIMENTS IN BUILDING HIS OWN HOUSE WOULD LATER BE APPLIED TO SOCIAL HOUSING. THE HOUSE IS SURELY ONE OF THE WORLD'S FINEST EXAMPLES OF AN ARCHITECT'S HOUSE BUILT FOR HIMSELF AND HIS FAMILY.

ALTHOUGH RADICAL IN APPEARANCE, AND REMINISCENT OF AMERICAN GRAIN SILOS, TRADITIONAL BUILDING TECHNIQUES WERE EMPLOYED IN THE CONSTRUCTION. THE HEXAGONAL WINDOWS THAT PIERCE THE INTERLOCKING CYLINDERS OF THE HOUSE RECALL THE EMBRASURES OF FORTRESS WALLS, WHILE THE ROUGH PLASTERED BRICK TEXTURE OF THE INSIDE WALLS ARE REMINISCENT OF CHURCH ARCHITECTURE. LARGE INTERNAL SPACES WERE POSSIBLE THANKS TO INNOVATIVE BUILDING TECHNIQUES INTRODUCED BY THE ARCHITECT, SUCH AS

SELF-REINFORCING FLOORS BUILT FROM A WAFFLE-LIKE GRID. THANKS TO THE WINDOWS, THE TOP STUDIO IS FLOODED WITH LIGHT, ESPECIALLY IN THE MORNING.

SINCE THE DEATH OF KONSTANTIN'S SON, VICTOR, IN FEBRUARY 2006, THERE HAS BEEN A DISPUTE OVER THE OWNERSHIP OF THE HOUSE. VICTOR LEFT HIS HALF OF THE HOUSE TO THE RUSSIAN STATE ON THE CONDITION THAT A STATE MUSEUM TO KONSTANTIN AND VICTOR MELNIKOV WOULD BE CREATED THERE. THE MINISTRY OF CULTURE HAVE ANNOUNCED THEIR INTENTIONS TO HONOUR VICTOR'S WILL. SENATOR SERGEI GORDEYEV PURCHASED THE OTHER HALF OF THE HOUSE IN 2005. SENATOR GORDEYEV HAS PUBLICLY DECLARED THAT HIS INTERESTS ARE THE SAME, AND THAT HE ALSO WANTS TO CREATE A STATE MUSEUM THERE. IT IS HOPED THAT THIS POSITION WILL BE OFFICIALLY ESTABLISHED IN THE NEAR FUTURE. THE HOUSE IS IN DESPERATE NEED OF RESTORATION WORK. POOR RESTORATION IN THE 1990S HAS CONTRIBUTED TO ITS DETERIORATION, AS HAS NEW CONSTRUCTION CLOSE BY, THAT HAS ALTERED THE WATER TABLE, RAISING GROUND WATER AND CAUSING DRY ROT AND SUBSIDENCE. WORK ON YET ANOTHER NEW HOUSING DEVELOPMENT WITH AN UNDERGROUND CAR PARK HAS JUST STARTED BEHIND THE HOUSE.

C.C.

The Melnikov House-Studio Дом-мастерская Мельникова

Дом Мельникова
Кривоарбатский переулок, 10
Архитектор Константин Мельников
1927-1929

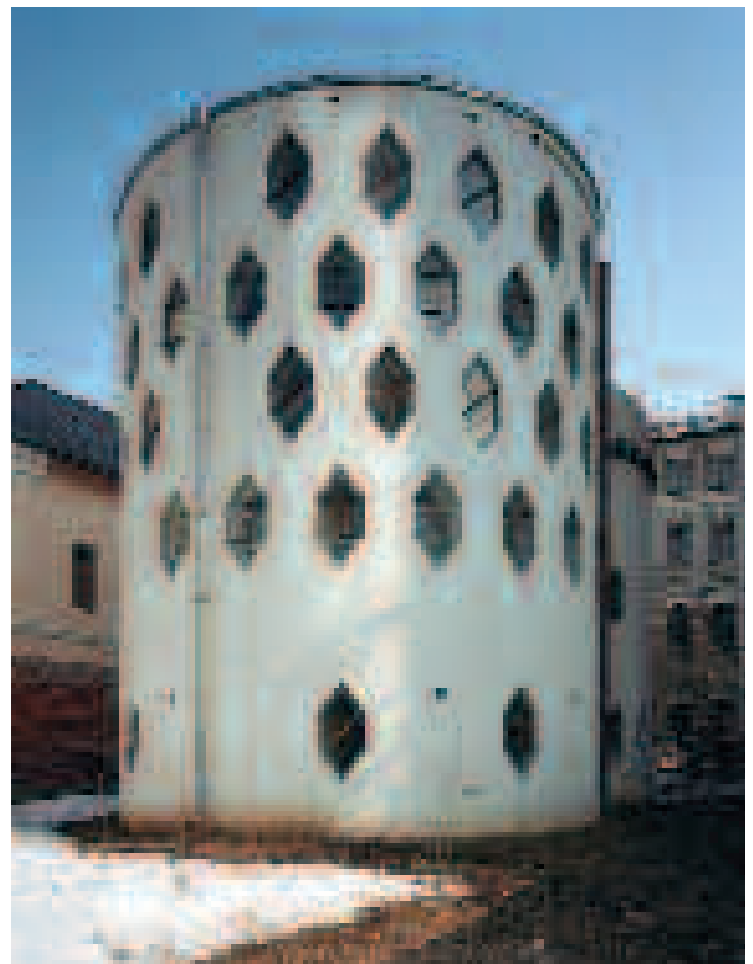
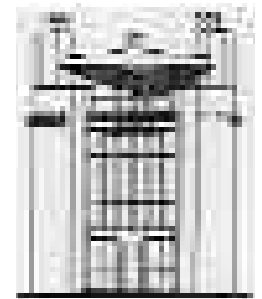
В 1927-1929 гг. выдающийся архитектор советского авангарда Константин Мельников построил для себя и своей семьи дом-мастерскую в Кривоарбатском переулке. Здания Мельникова, прославившиеся на весь мир революционной смелостью своей архитектуры, были построены в Москве в двадцатые годы (см. илл. на других страницах настоящего издания) – сегодня практически все они остро нуждаются в реставрации.

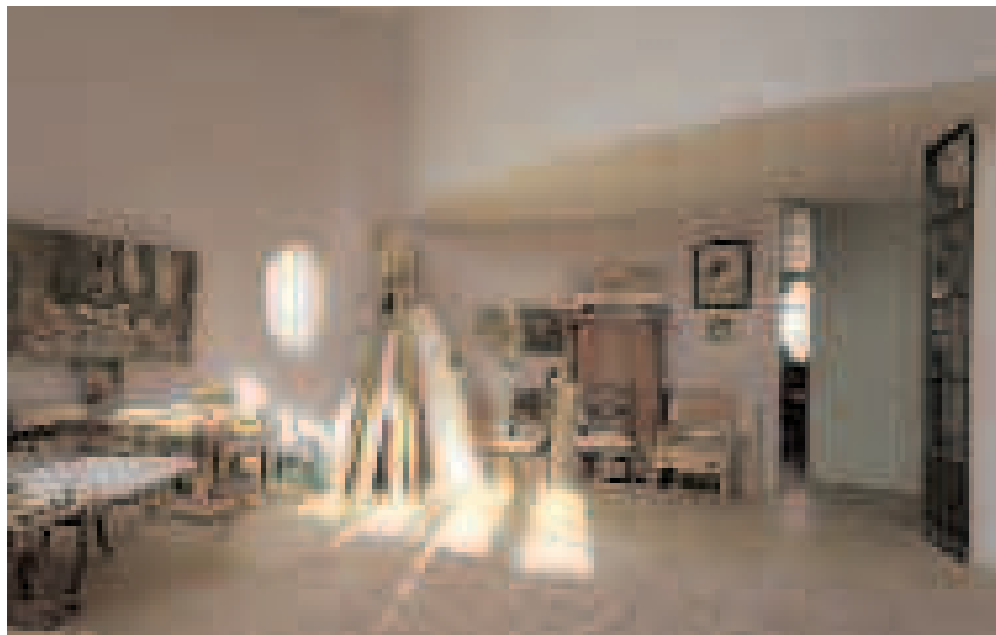
Необычный по своему облику дом Мельникова чем-то похож на американский зерновой элеватор, и это сравнение, пожалуй, неслучайно: ведь при его возведении архитектор использовал элементы строительной техники крестьянских домов, что обеспечило высокую экономичность постройки. Два соединенных друг с другом цилиндра, пронизанные шестигонными окнами, образуют основной массив дома и напоминают крепостной бастион. При этом покрытые тонким слоем штукатурки кирпичные стены внутренних помещений восходят к церковному зодчеству. Внутри дома Мельников смог создать большие и свободные пространства, в первую очередь за счет такого новаторского решения, как безбалочная решетчатая конструкция перекрытий, опирающаяся только на внешние стены. Благодаря огромному прямоугольному окну на фасаде дома мастерская, расположенная на верхнем его этаже, наполнена светом – особенно в утренние часы. После смерти сына архитектора, Виктора

Мельникова, в феврале 2006 г. разгорелся спор о праве собственности на дом. Виктор завещал принадлежавшую ему половину дома государству, с условием, что в нем будет создан музей отца и сына Мельниковых (сам Виктор был художником). Министерство культуры РФ заявило, что готово выполнить волю завещателя. Другую половину дома выкупил член Совета Федерации РФ Сергей Гордеев. Сенатор Гордеев также не раз говорил, что хочет создать в доме музей. Остается надеяться, что вскоре Сергей Гордеев сделает официальное заявление о своих намерениях в отношении дома Мельникова. Дом настоятельно требует реставрации. Небрежная реставрация, проведенная в середине 1990-х гг., а также активная застройка близлежащей территории привели к ухудшению состояния дома. На его участок начали проникать грунтовые воды, что уже привело к образованию плесневого грибка и просадке почвы. Непосредственно за домом с недавнего времени ведется строительство нового здания с подземной автостоянкой.

К.С.

▲ Plaster has fallen away from the ground floor ceiling, spring 2005
Обрушение фрагментов штукатурки с потолка первого этажа. Весна 2005
> Main façade
Главный фасад
▼ The back of the Melnikov House-Studio, spring 2005
Задний фасад. Весна 2005

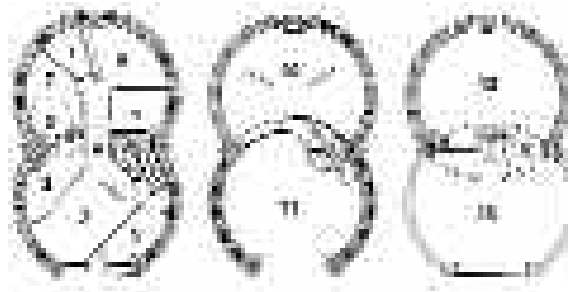

▲ Hole in the wooden bathroom floor caused by dry rot, December 2004

Провал в деревянном перекрытии под ванной комнатой, вызванный сухой гнилью. Декабрь 2004

◀ Yekaterina Melnikova, granddaughter of Konstantin Melnikov and guardian of the house
Екатерина Мельникова, внучка Константина Мельникова и хранитель дома

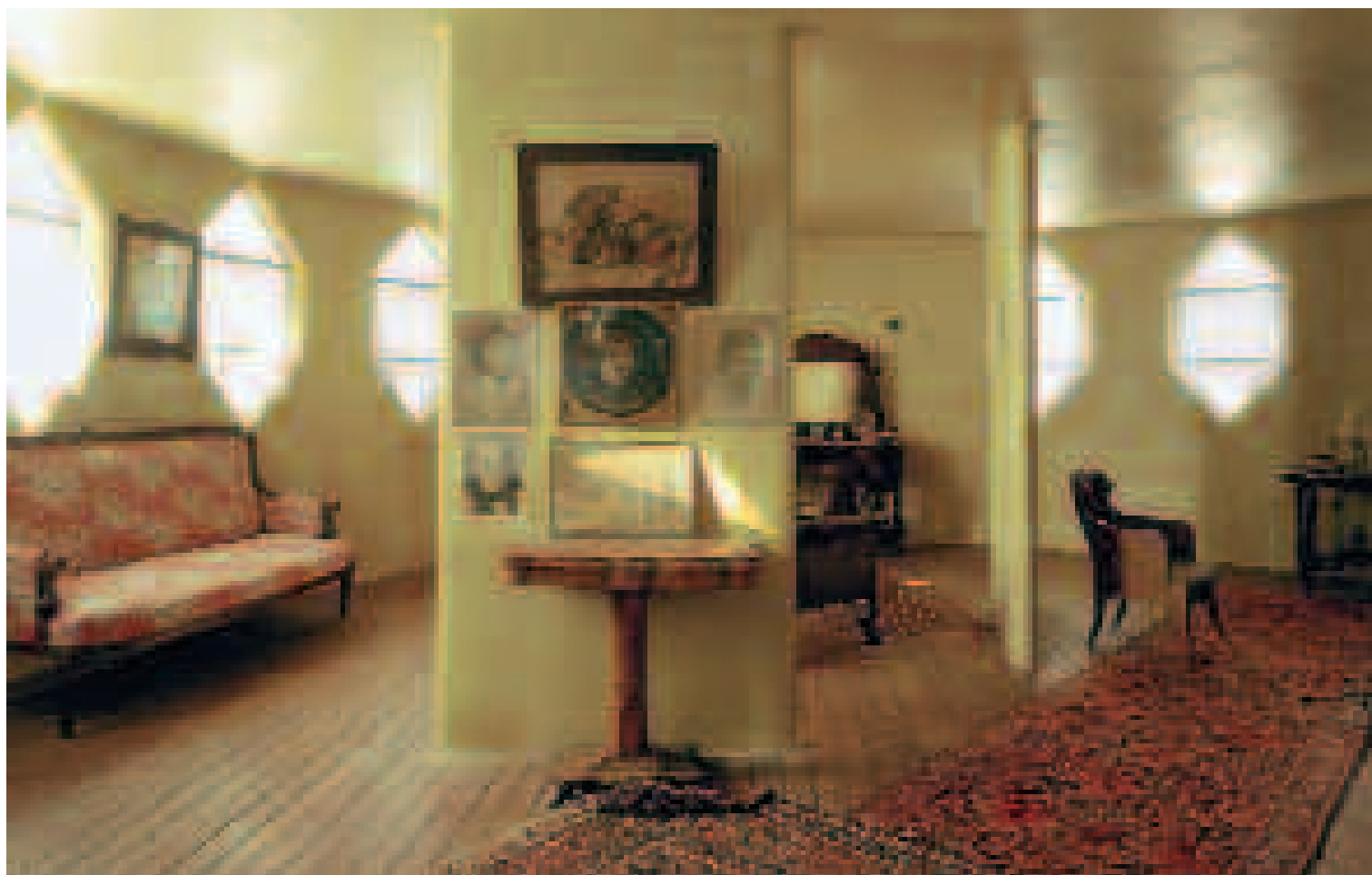
▲ Studio on the first floor, summer 2005

Мастерская на втором этаже. Лето 2005

◀ Floor by floor plan
Планы этажей

▼ Bedroom on the first floor, summer 2005

Спальня на первом этаже. Лето 2005

**NARKOMFIN APARTMENT HOUSE,
25 NOVINSKY BULEVAR
BY MOISEI GINZBURG,
IGNATY MILINIS, ENGINEER S PROKHOROV
1928-30**

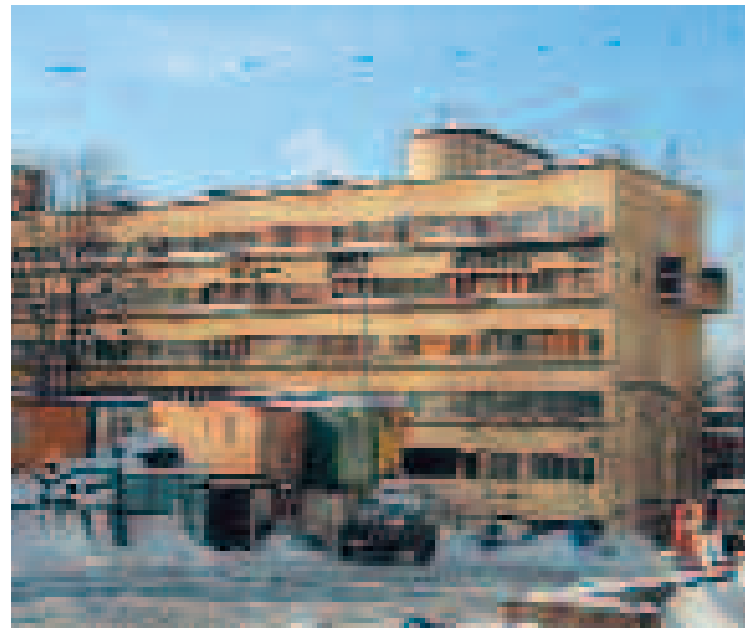
THE PRESENT STATE OF NARKOMFIN ILLUSTRATES THE CHRONIC NEGLECT OF CONSTRUCTIVIST BUILDINGS IN MOSCOW. THE BUILDING, BELIEVED BY MANY TO BE THE MODEL FOR LE CORBUSIER'S UNITE D'HABITATION, IS SET SLIGHTLY BACK FROM THE GARDEN RING ROAD IN CENTRAL MOSCOW. BUSHES AND TREES GROW OUT OF ITS WALLS AND ROOF, AND CARDBOARD PATCHES UP THE HORIZONTAL WINDOWS. THE BUILDING HAS THE LOWEST LEVEL OF STATE PROTECTION, YET DESPITE THESE POOR CONDITIONS, HALF OF ITS 56 APARTMENTS ARE STILL INHABITED.

NARKOMFIN, WHICH HAS BEEN ON THE WORLD MONUMENTS FUND HERITAGE WATCH LIST THREE TIMES RUNNING (2002, 2004, AND 2006) IS AN EARLY EXPERIMENT IN SEMI-COMMUNAL LIVING, BUILT IN THE UTOPIAN SPIRIT OF THE SOVIET AVANT-GARDE FOR EMPLOYEES OF THE NATIONAL COMMISSARIAT OF FINANCES. THE FORMER COMMISSAR OF FINANCES, NIKOLAI MILYUTIN, AN EXPERT IN URBAN PLANNING, SUPPORTED THE PROJECT AND LIVED IN

A PENTHOUSE ON THE FLAT ROOF, ALSO HOME TO A ROOF GARDEN FOR THE OTHER INHABITANTS. NARKOMFIN WAS LABELLED A 'TRANSITIONAL' TYPE OF COMMUNAL LIVING, SINCE FUNCTIONS WERE NOT ENTIRELY COLLECTIVISED: THE APARTMENTS HAD SMALL KITCHENS BUT THE INHABITANTS WERE ENCOURAGED TO EAT TOGETHER IN THE COMMUNAL DINING ROOM. THE BUILDING ORIGINALLY STOOD ON PILOTIS, BUT A WALL WAS CONSTRUCTED AROUND THEM IN THE 1930S.

TODAY, NARKOMFIN IS DESPERATELY IN NEED OF RESTORATION. THE ROOF IS LEAKING AND THE WALLS WILL SOON FALL AWAY DUE TO WATER DAMAGE. ARCHITECT ALEXEI GINZBURG, GRANDSON OF MOISEI, HAS DRAWN UP A RESTORATION PLAN, PRESERVING THE ORIGINAL LAYOUT AND INTEREST IS GROWING AMONG DEVELOPERS IN RESTORING THE BUILDING. FOREIGN EXPERTISE WILL HAVE TO BE SOUGHT IF THIS IS TO BE A SUCCESSFUL, SINCE THERE IS LITTLE EXPERIENCE OF RESTORING EARLY MODERNIST BUILDINGS IN RUSSIA.

C.C.

Λ View of east façade,
December 2004
Главный фасад. Декабрь
2004 года
V South façade, summer
2006
Южный фасад. Лето 2006

Narkomfin Дом-коммуна Наркомфина

**Жилой дом Наркомфина
Новинский бульвар, д. 25
Архитекторы М.Я. Гинзбург,
И.Ф. Милинис
Инженер С.Л. Прохоров
1928-1930**

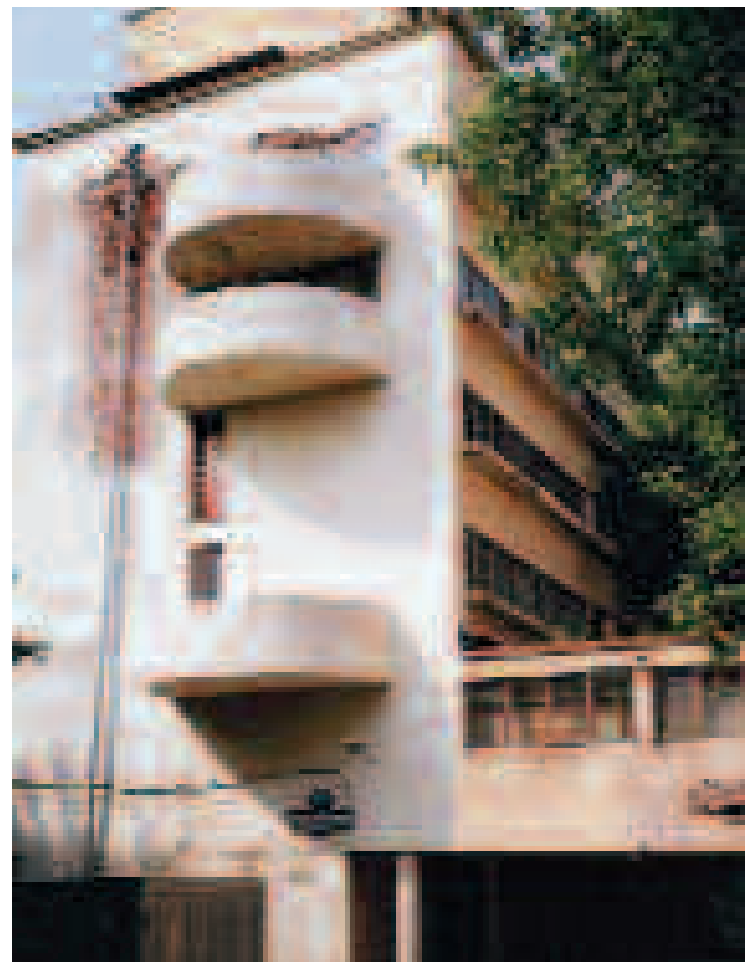
Нынешнее состояние дома Наркомфина – типичный пример невнимания современной Москвы к памятникам эпохи конструктивизма. Этот дом, считающийся многими специалистами прообразом UNITE D'HAВITATION Ле Корбюзье, расположен в центре Москвы, чуть в стороне от Садового кольца. Из его крыши и стен прорастают кусты и деревья, а ленточные окна забиты фанерой. Зданию присвоен самый низкий статус государственной охраны. Несмотря на столь бедственное состояние дома, половина из его 56 квартир все еще заселена.

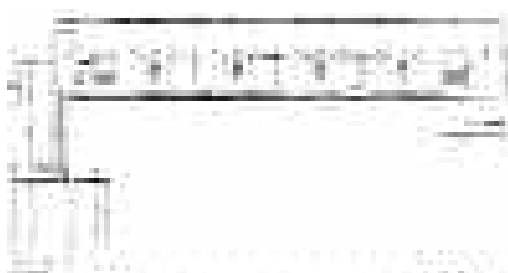
Дом Наркомфина трижды вносился Всемирным фондом памятников в Список ста объектов мировой архитектуры, которым угрожает наибольшая опасность (WORLD MONUMENTS FUND WATCH LIST) – в 2002, 2004 и 2006 годах. Он представляет собой один из самых первых примеров строительства экспериментального «полукommunального» жилья. Построенный в 1928-1930 годах архитекторами Моисеем Гинзбургом и Игнатом Милинисом для сотрудников Народного комиссариата финансов, этот дом в полной мере воплотил в себе утопический дух советского авангарда. Тогдашний нарком финансов Николай Милютин, специалист в области городского планирования, поддержал проект и сам поселился в квартире-надстройке на плоской крыше здания, где также был разбит зимний сад для всех

жильцов дома. По типологии дом Наркомфина – это образец жилья «переходного типа», так как не все служебные помещения в нем были общими. Например, в квартирах имелись маленькие кухни, хотя и предполагалось, что жильцы будут питаться в общей столовой. Изначально дом поддерживали столбы-опоры, однако в 1930-е годы пролеты между ними были заложены и появился обычный первый этаж.

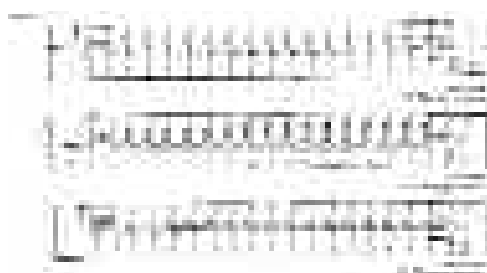
В настоящее время дом Наркомфина остро нуждается в скорейшей реставрации. Крыша дома протекает, и из-за воздействия влаги могут разрушиться стены. Архитектор Алексей Гинзбург, внук Моисея Гинзбурга, подготовил проект реставрации здания с сохранением его первоначальной планировки. У девелоперов также растет интерес к реставрации дома. Очевидно, что для проведения серьезных реставрационных работ потребуются участие иностранных консультантов, поскольку собственно российский опыт работы со строительными материалами эпохи авангарда пока невелик.

К.С.

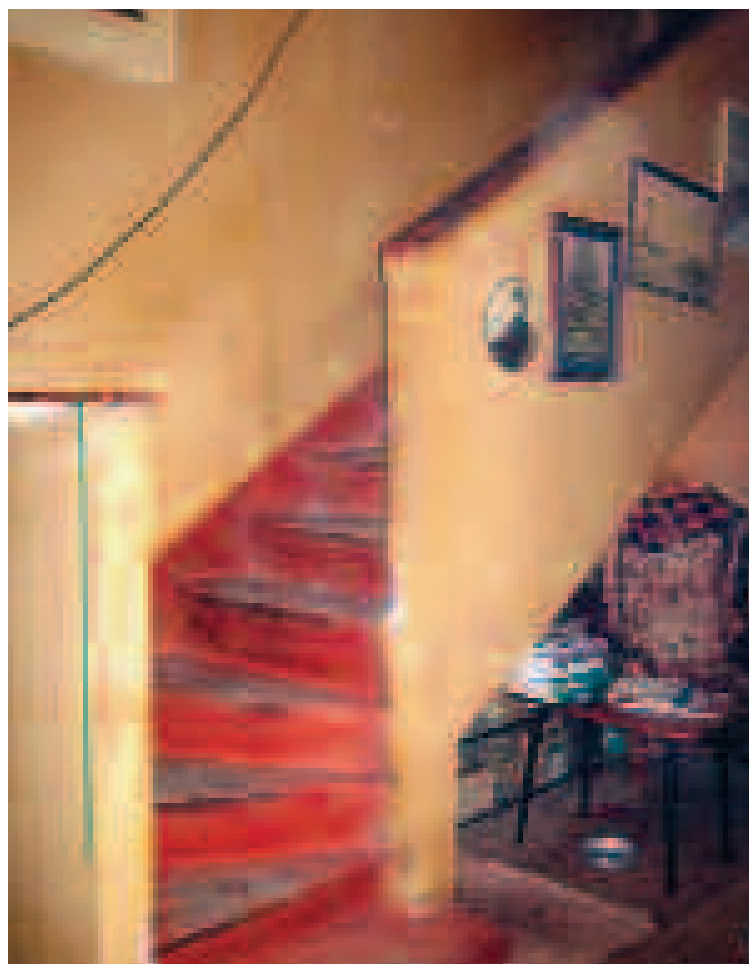
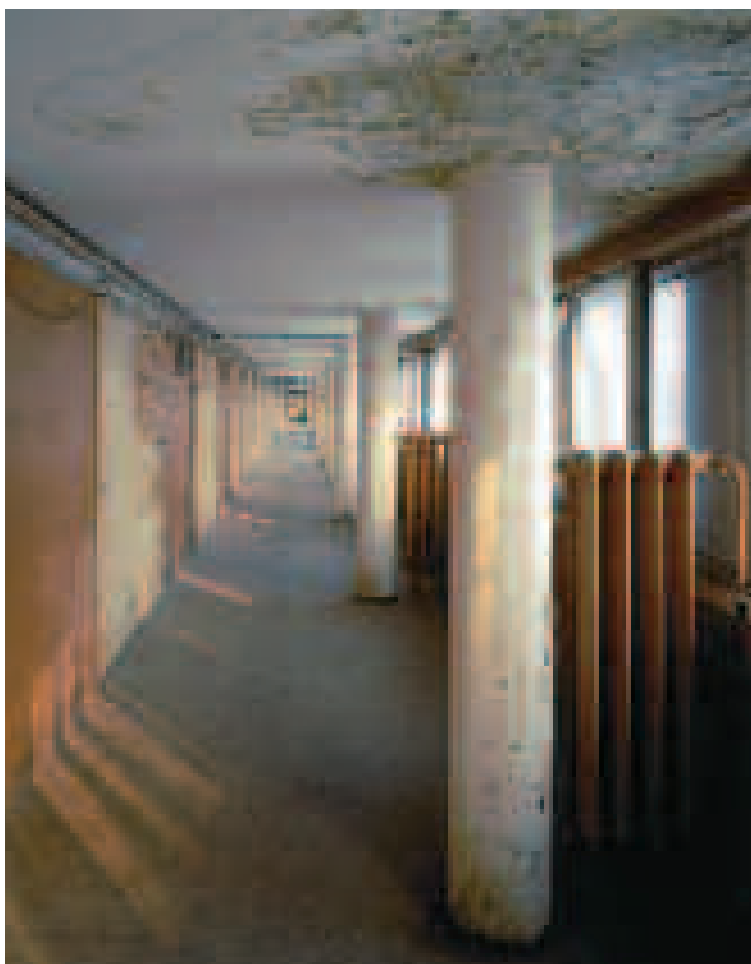

▲ Roof of Narkomfin, winter 2005
 Крыша дома Наркомфина.
 Зима 2005
 < > Ground plan
 Планы этажей
 ▼ Corridor on the fourth storey
 Коридор 4-го этажа

▲ Deterioration exposing straw embedded in concrete
 Экспериментальные шлакобетонные блоки
 ▼ Staircase leading down from the front door of one of the split-level apartments
 Лестница, ведущая вниз от входной двери одной из квартир. Весна 2006

Calder Loth

Buildings of the Stalinist period dominate Moscow's architectural landscape. Whether we admire or abhor them, we cannot deny their existence. They command many blocks of the city's historic core, they line principal streets, and form massive focal points on the skyline. These structures are unquestionably a prominent part of the fabric of this great city and give Moscow unique visual distinction. But many architectural scholars, particularly those in the West, refuse to regard Stalin-era buildings as significant works of architecture worthy of scholarly attention. They view them as expressions of megalomania rendered in a pompous, outdated Classical style. These scholars hold the opinion that new architecture should be a forward-looking expression of Modernism, not a reinterpretation of historical styles.

Today, nearly everyone concedes that Stalin was one of history's cruellest dictators. But Stalin's crimes do not necessarily make the architecture of his era

evil. Many famous buildings we now admire were sponsored by leaders we now consider corrupt or decadent. Pope Leo X's practice of selling indulgences to fund Rome's St. Peter's Basilica inspired Martin Luther to challenge the Catholic Church and begin the Protestant Reformation, yet we regard St. Peter's as one of the world's greatest works of architecture. Ivan the Terrible, a person not generally remembered for kindness and compassion, commissioned Russia's principal architectural symbol, St. Basil's Cathedral. Buildings are not automatically bad because bad people sponsored them; hence we cannot condemn the architecture of the Stalin period because of its association with Russia's infamous leader.

Buildings should rather be judged objectively, in terms of their quality of design and function. Moreover, to understand why the Stalin buildings look the way they do, we must ask what the architects were trying to accomplish. During the 1920s, Russian architects turned against architecture

inspired by historic styles and national traditions. Russians saw themselves as part of the international Communist movement; therefore new buildings required no particular national identity. By the 1930s, however, when Stalin was firmly in power, it became evident that the victory of Communism was to be concentrated in the Soviet Union and not quickly spread throughout the world. Soviet leadership therefore determined that the country needed an architecture that reflected its greatness and history. The relative prosperity brought by the New Economic Policy in the late 1920s was to be reflected in the opulence of the Classical style. The impersonal qualities of Modernism and Constructivism were no longer considered appropriate for Russia's new Socialist society. With the founding of the All-Russian Academy of Architecture in 1933, the Classical style was established as the official image of the nation's new architectural enterprises

One of the first buildings to reflect this new attitude was Ivan Zholtovsky's

1934 apartment building on Mokhovaya Ulitsa, in the shadow of the Kremlin. The facade of Zholtovsky's building was directly inspired by Palladio's 1572 Loggia del Capitaniato in Vicenza, a landmark of Italian Renaissance design. This elegant building signalled that Moscow's citizens were entitled to palatial architecture formerly reserved for aristocracy. Soon, grand Classical works became standard for the city's new architecture. The Classical was acceptable because it had achieved the approbation of the ages. It was also considered a continuation of Moscow's own rich Classical tradition, a tradition that flowered during the rebuilding of the city after the fires of Napoleon's invasion in 1812.

Most of Moscow's 19th-century Classical buildings, including the mansions of the aristocracy, were relatively modest in size. Scale changed under Stalin: if the new works were to show off the success of Communism and meet the needs of the city's growing population, they had to be big and impressive. The

Architecture of the Stalin Period: Appreciating Reality Архитектура сталинского периода: признание реальности

Калдер Лот

Сооружения сталинского периода во многом определяют московский архитектурный ландшафт. Вне зависимости от того, вызывают ли они у нас восторг или отвращение, игнорировать их существование мы не можем. Они преобладают во многих кварталах исторического центра города, ими застроены основные магистрали и именно они формируют доминанты силуэта столицы. Эти здания, несомненно, составляют значительную часть городской среды Москвы и формируют ее неповторимый облик. Однако многие историки архитектуры, особенно на Западе, до сих пор отказываются признавать за зданиями сталинской эпохи статус значительных памятников зодчества, достойных научного интереса. Такие ученые рассматривают сталинскую архитектуру как проявление мании величия, воплощенное в помпезном и устаревшем классическом стиле. Они считают, что новая архитектура должна быть прогрессивным выражением идей модернизма, а не новой интерпретацией исторических стилей.

В наши дни почти все согласны с тем, что Сталин был одним из самых жестоких тиранов в истории.

Однако из преступлений Сталина не следует, что архитектура его эпохи тоже порочна. Множество знаменитых памятников, которыми мы теперь восхищаемся, были воздвигнуты на средства правителей, являвшихся, по современным меркам, глубоко безнравственными. Продажа индульгенций, затеянная папой Львом X ради финансирования строительства собора Св. Петра в Риме, побудила Мартина Лютера бросить вызов католической церкви и развернуть протестантскую Реформацию, но это не мешает нам считать собор Св. Петра одним из величайших шедевров мировой архитектуры. В качестве заказчика главного архитектурного символа России – Собора Василия Блаженного – выступил Иван Грозный, которого трудно назвать образцом доброты и сочувствия. Здания не становятся плохими только потому, что их построили на деньги плохих людей, а следовательно, мы не можем осуждать архитектуру сталинской эпохи исключительно из-за ее связи с фигурой печально известного советского вождя.

Архитектуру следует оценивать объективно, с точки зрения ее формальных и функциональных достоинств. К тому же, чтобы по-

нять, почему сталинские сооружения получились именно такими, следует задаться вопросом, какие задачи ставили перед собой архитекторы сталинской эпохи. На протяжении двадцатых годов русские архитекторы отвергали архитектуру, опирающуюся на исторические стили и национальные традиции. Русские считали себя частью интернационального коммунистического движения, и потому новые здания не требовали какой-то конкретной национальной специфики. Однако к 1930-м годам, когда Сталин уже прочно держал власть в своих руках, стало ясно, что победа коммунизма должна состояться именно в Советском Союзе,

а стремительно распространиться по всему миру ей не суждено. Соответственно, партийное руководство СССР постановило, что стране нужна архитектура, отражающая ее величие и ее историю. Относительное процветание, к которому привела к концу двадцатых годов Новая экономическая политика, должно было найти отражение в богатстве классического стиля. Нейтральные черты модернизма и конструктивизма стали казаться неподходящими для нового социалистического общества в России. С момента основания Всесоюзной академии архитектуры в 1933 году классический стиль утвердился в качестве официальной модели для

V Apartment building, 13 Mokhovaya Ulitsa, by Ivan Zholtovsky, 1932-1934, archival photograph. Дом на Моховой улице. Моховая ул., 13. Арх. И. Жолтовский, 1932-1934. Архивная фотография

competition designs for the abortive Palace of Soviets clearly demonstrated that heroic Classical architecture, on a gigantic scale, grander than anything the ancient Romans could have imagined, enjoyed the approbation of the new political order.

Throughout the 1930s much of Moscow was transformed by the construction of grand Classical-style buildings, including government ministries, hotels, apartment houses, and theatres. Moscow was crying out to be modernised and provide housing for the rapidly expanding population of the new capital. Up to the Revolution, much of what we now know as Moscow was a series of villages, connected by muddy roads. The 1935 master plan for the city was ambitious and, in the name of progress, whole swathes of buildings were swept away. Principal streets, such as Tverskaya Ulitsa and the Garden Ring were widened or reconstructed and lined with huge new apartment blocks, administration buildings, and shops. The construction of Moscow's under-

ground, the first line of which opened that year, resulted in one of the world's finest transport systems, highlighted by stations of remarkable elegance and ingenuity which were indeed palaces for the masses.

All Moscow's ambitious building and planning projects halted abruptly with the outbreak of World War II, except for the metro, which was considered part of the war effort as it doubled up as a bomb-shelter. Following victory, however, construction of prodigious Classical buildings resumed with even more enthusiasm. Unlike Western Europe and the United States, where the architectural establishment almost exclusively favoured Modernism, the Classical mode remained the Soviets' officially sanctioned image for major building projects. In fact, there was an added flourish in their design, a flourish of victory, and some of the most memorable buildings in the Classical tradition date from the decade following the end of the war. Although Russia had suffered horribly from the hostilities, extra-

gance rather than economy became the rule for the city's new architecture. Indeed, the city's most conspicuous landmarks of the post-war period are the seven triumphal skyscrapers punctuating the Moscow skyline, discussed in Chapter 2. These and other major Stalin-era works were meant to symbolise post-war optimism, as well as the power of the Soviet state. It is truly astonishing how much building of such consistent quality and character was accomplished in a 25 year period, even with the interruption of a World War.

Fifty years have passed since the end of the Stalin era and the abandonment of the monumental Classical style that characterized its architecture. We can now look at these buildings with a more open mind, and begin to view them as landmarks of a past era requiring a preservation ethic. Disregarding their totalitarian associations and looking at them solely from the standpoint of design, we can now see that the majority of Moscow's Stalin-era structures are literate expressions of the

Classical idiom.

The architects of this time, including Shchusev, Dushkin, Gelfreich, Chechulin, Mordvinov, Rudnev, and many others, were well trained in the Classical language of architecture and knew well how to apply its vocabulary and grammar to extravagant new compositions. Not only did they draw inspiration from Russia's rich Classical tradition, they were also knowledgeable about the imposing compositions of the Italian Renaissance, particularly Florentine palaces; they understood how such muscular monuments added strength and character to the urban landscape. Interestingly, these Russian Classicists did not always design Classical motifs according to strict Classical canons. They were inventive with their use of decorative motifs and frequently developed new and original interpretations of the Classical orders, which included column capitals, mouldings, and sculptural figures. In many of their compositions it is difficult to find systems of ornamentation that strictly follow the

> Apartment building, 17 Tverskaya Ulitsa, by Alexander Mordvinov, sculpture by Georgy Motovilov (no longer intact), 1940, archival photograph
Жилой дом. Ул. Тверская, 17. Арх. А. Мордвинов, скульп. Г. Мотовилов, 1940. Архивная фотография

всех архитектурных начинаний страны.

Одним из первых зданий, отразивших это новое направление, стал жилой дом, построенный Иваном Жолтовским в 1934 году на Моховой улице, напротив Кремля. Решение фасада было непосредственно вдохновлено построенной Палладио в 1572 году в Виченце Лоджией дель Капитаньо, одной из вершин стиля итальянского Возрождения. Элегантное здание Жолтовского будто провозгласило, что отныне жители Москвы получили право на дворцовую архитектуру, ранее доступную лишь аристократии. Вскоре величественная классическая архитектура стала нормой для новостроек Москвы. Выдержавшая испытание временем классика годилась и для коммунизма. Она также считалась продолжением богатой московской классицистической традицией, расцвет которой пришелся на период реконструкции Москвы после пожара, практически уничтожившего город в 1812 году во время вторжения Наполеона. Большинство классицистических зданий Москвы XIX века, включая особняки аристократии, были относительно скромного размера. В сталинское же время масштабы

rules of Palladio or Vignola, yet it is clear that the architects fully understood these rules and knew how to manipulate them for special effect. Enriching many of their buildings is a wealth of Soviet symbols: stars, sheaves of wheat, hammers and sickles, flags, and statues of Soviet peoples. The buildings exude a spirit of optimism and pride despite being products of a totalitarian regime. They are a rich visual feast.

In the light of today's pressure for housing, Moscow is fortunate to have this vast stock of solidly built, large-scale urban buildings. The apartment buildings can continue to provide much-needed commodious housing for the city centre; their straightforward masonry construction and uncomplicated floor plans make them easy to improve with new systems and finishes. However, the increasingly dynamic economy of Russia's capital puts great pressure on Moscow's historic fabric, including Stalin-era buildings. It is important to regard these buildings not just as cultural resources but economic

ones and continued shoddy repairs or deferred maintenance will eventually make them liabilities rather than assets. Regrettably, much of this noble architecture is now being disfigured by tasteless signs, along with architecturally disrespectful alterations of shop fronts. Entire facades are becoming cluttered with random projecting air-conditioners, inappropriate new windows, and many interiors have become grim and neglected.

V View of Vera Mukhina's sculpture, 'The Worker and the Kolkhoz girl,' 1937, stood on Prospekt Mira until dismantled for restoration in 2003, archival photograph of 1941
Скульптурная группа «Рабочий и Колхозница» работы Веры Мухиной (1937), стоявшая перед ВДНХ, разобрана в 2003 г. Архивная фотография, 1941

изменились: большие и впечатляющие новые здания призваны были демонстрировать успехи коммунизма и заодно удовлетворять потребности растущего населения города. Конкурсные проекты Дворца Советов – сооружения, которое так и не было построено, – ясно показывают, что новый политический режим поощрял героический неоклассицизм и гигантские масштабы, которым позавидовали бы древние римляне.

В течение 1930-х гг. строились величественные здания в классическом стиле – министерства, гостиницы, жилые дома и театры, преобразившие значительную часть Москвы. Город остро нуждался в модернизации и новом жилье для стремительно увеличивавшегося населения столицы. Вплоть до революции большая часть того, что мы сегодня считаем Москвой, представляла собой ряд деревень и поселков, соединенных между собой грязными дорогами. В соответствии с радикальным Генеральным планом реконструкции Москвы 1935 года во имя прогресса были полностью стерты с лица земли целые кварталы. Главные улицы города, такие как Тверская и Садовое кольцо, были расширены и реконструированы, на новых магист-

ралях выросли огромные жилые дома, административные здания и магазины. Строительство Московского метрополитена, первая линия которого открылась в том же 1935 году, создало одну из лучших транспортных систем в мире. Станции метро, с их изысканной и изобретательной архитектурой, в самом деле стали дворцами для масс.

С началом Второй мировой войны все крупномасштабные архитектурные и градостроительные проекты в Москве оказались внезапно заморожены – все, кроме метрополитена, станции которого в военное время использовались в качестве бомбоубежищ. Однако после победы сооружение колоссальных зданий в классическом стиле возобновилось с еще большим энтузиазмом. В отличие от Западной Европы и Соединенных Штатов, где архитектурное сообщество почти единогласно предпочитало модернизм, в СССР классический архитектурный язык продолжал играть роль официально одобренной модели для крупных строительных проектов. Вообще, в облике возводящихся советских зданий присутствовал какой-то особый шик, это был шик победы, и можно сказать, что, ве-

Λ The Ukraine Pavilion at VDNKh (Park of Economic Achievements, now All-Russia Exhibition Centre), by Tatsii and Ivanchenko, 1939
Павильон «Украина», ВДНХ. Арх. А. Тацкий, Х. Иващенко, 1939. Лето 2006

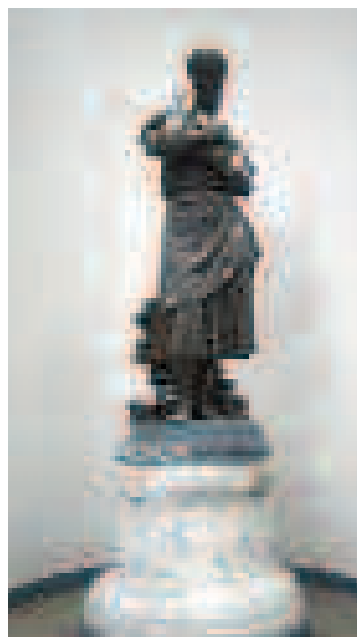

роятно, самые запоминающиеся сооружения классической сталинской традиции были возведены в первое послевоенное десятилетие. Несмотря на то что Советский Союз во время войны понес огромные потери, новую московскую архитектуру отличала масштабность и пышность, а отнюдь не экономия. В самом деле, самыми заметными памятниками послево-

енного периода стали семь высокотриумфально врезающихся в московский небосклон. Эти и другие крупные произведения сталинского периода задумывались как символы послевоенного оптимизма, как метафоры могущества Советского государства. Просто поразительно, сколько своеобразных зданий с таким высоким и выдержанным уровнем качества было

▲ Panel on the Pig Breeding Pavilion, VDNKh
Фрагмент декоративной панели павильона «Свиноводство», ВДНХ

▲ Sculpture outside the Rabbit Breeding pavilion, VDNKh, by N. Rozov, E. Snigir, late 1930s
Скульптура перед павильоном «Кролиководство», ВДНХ. Скульп. Н. Розов, Э. Снигирь, кон. 1930-х гг.

построено всего за двадцать пять лет, и это несмотря на приостановку всех работ в связи с мировой войной.

Прошло уже пятьдесят лет с конца сталинской эпохи и отказа от характерного для архитектуры этого периода монументального классического стиля. Сегодня мы можем смотреть на сталинские сооружения менее предубежденным взглядом и относиться к ним как к памятникам ушедшей эпохи, заслуживающим сохранения. Если попробовать отстраниться от ассоциаций с тоталитарным политическим режимом и сосредоточиться на художественных достоинствах сталинских зданий, мы увидим, что классический архитектурный язык был использован в них грамотно и последовательно.

Архитекторы той эпохи, среди которых А.В. Щусев, А.Н. Душкин, В.Г. Гельфрейх, Д.Н. Чечулин, А.Г. Мордвинов, Л.В. Руднев и многие другие, получили образование, предполагающее глубокое изучение классического языка архитектуры, и хорошо знали, как можно применить его «грамматику» и «лексикон» к экстравагантным новым композициям. Они не только опирались на богатый опыт русского классицизма, но были также

хорошо знакомы с композициями итальянского Возрождения, в особенности почитая архитектуру знаменитых флорентийских палаццо. Советские архитекторы того периода понимали, сколько мощного напряжения и благородной строгости могли внести в городской пейзаж такие монументальные здания.

Примечательно, что советские «классицисты» не всегда трактовали классические мотивы в соответствии со строгими канонами. Они творчески подходили к использованию декоративных мотивов и довольно часто по-новому и неожиданно интерпретировали систему классических ордеров – капители колонн, профили, элементы скульптурной пластики и т.д. Во многих архитектурных проектах сталинского периода трудно обнаружить системы декора, которые бы строго следовали правилам Палладио или Виньолы, однако совершенно очевидно, что советские зодчие хорошо понимали эти правила и знали, как именно их можно видоизменить для того, чтобы достичь какого-то особого, оригинального эффекта. Многие их здания в изобилии украшены советской символикой: пятиконечными звездами, снопами пшени-

цы, серпами и молотами, знаменами и скульптурами советских людей. Сооружения этого времени излучают оптимизм и гордость, несмотря на то что они были созданы тоталитарным режимом. Чисто зрительно они производят сильное впечатление.

С точки зрения сегодняшней нехватки жилья, Москве крупно повезло, что со сталинских времен у нее сохранилось довольно много больших и крепких городских зданий. Жилые дома той эпохи все еще способны предоставлять весьма востребованное, удобное жилье в центре города. Традиционная кладка стен и простая планировка квартир позволяют легко их усовершенствовать с помощью новых систем и отделочных материалов в соответствии с современными требованиями к жилью. Однако все более динамичные темпы развития Москвы, столицы самого большого в мире государства, вызывают колоссальный износ исторического центра города, включая и сталинские здания. Эти здания важно рассматривать не только как культурную достопримечательность города, но и как экономический ресурс, который вследствие некачественных реконструкций и отложенных ремонтов превраща-

ется в конце концов из прибыльного в убыточный. К сожалению, значительная часть этой благородной архитектуры в наши дни искажается безвкусицей вывесками, а также витринами магазинов, не проявляющих никакого уважения к архитектуре занимаемых ими зданий. Целые фасады загромождаются совершенно беспорядочно выступающими кондиционерами, неуместными новыми окнами, а многие интерьеры становятся мрачными и запущенными.

Любая модернизация должна соответствовать четким правилам охраны исторической застройки города, при этом главным условием такой модернизации должно быть сохранение архитектурной целостности здания, включая как его внешний облик, так и интерьеры. Увеличение этажности зданий, если ее невозможно избежать, нужно производить с предельной осторожностью, чтобы это не привело к утрате целостного архитектурного образа сооружения.

Трудно поверить в то, что таким монументальным зданиям, как сталинские, сегодня действительно может угрожать полное уничтожение. Однако факт недавнего сноса гостиницы «Москва», одной из самых прославленных и внушитель-

▲ Apartment building, 21-23
 Ulitsa Zemlyanoi Val, by I.
 Vainshtein, 1936-1937,
 archival photograph of 1949
 Жилой дом. Земляной вал,
 21-23. Арх. И. Вайнштейн,
 1936-1937. Архивная
 фотография, 1949

▲ Apartment building, 48
 Ulitsa Zemlyanoi Val, by
 Alexander Khryakov et al.,
 1939, multi-storey section
 added in 1954, archival photo-
 graph
 Жилой дом. Земляной вал,
 48. Арх. А. Хряков, З. Брод.
 Построен в 1939 г., в 1954-м
 к нему пристроили новую
 многоквартирную секцию.

ных по своим размерам архитектурных примет города, недвусмысленно показал, что ни одно из зданий столицы нельзя считать застрахованным от уничтожения. Гостиница «Москва», известная во всем мире благодаря своему изображению на этикетке водки «Столичная», являлась одним из самых устойчивых символов города – зданием, которое сразу бросалось в глаза в ансамбле сооружений, окружающих Красную площадь. Гостиница «Москва» была спроектирована коллективом ведущих архитекторов своего времени, одним из которых был Алексей Щусев – автор мавзолея Ленина. При возведении гостиницы использовались строительные, отделочные и декоративные материалы самого высокого на тот момент качества. К сожалению, годы полного небрежения привели в конце концов к тому, что здание утратило всякую привлекательность. Роскошные общественные залы гостиницы покрылись грязью и в целом стали производить весьма гнетущее впечатление. Как и соседние с ней гостиницы – «Националь», «Савой» и «Метрополь», – «Москва» стояла в очереди на обширную модернизацию, но никто не мог подумать, что без всяких объяснений

она будет признана конструктивно неустойчивой и не подлежащей реставрации. Площадь, которую до недавнего времени занимал этот замечательный памятник, теперь пустует. Правительство Москвы заявило о том, что снос был оправдан, и на месте же материяла возникнет реплика знаменитой гостиницы, которая будет соответствовать требованиям современного отеля мирового класса. Строительные работы по возведению новой гостиницы уже начались, в качестве же материала используется железобетон.

Снос гостиницы «Москва» – случай не уникальный. В январе 2006 года был уничтожен Институт курортологии, несколько павильонов на ВДНХ находятся под угрозой сноса или обрушения из-за крайней запущенности. Уязвимость сталинской архитектуры в настоящее время лучше всего может проиллюстрировать находящийся под угрозой исчезновения универсам «Детский мир». Это одно из самых любимых москвичами зданий данного периода, крупнейший в городе магазин товаров для детей. Архитектурный шедевр, расположенный на Лубянской площади в центре Москвы, был построен уже после смерти Сталина,

в 1957 году. Однако творцом его является один из ведущих архитекторов именно сталинской эпохи – Алексей Душкин, прославившийся как создатель великолепных станций Московского метрополитена.

Владельцы здания – АФК «Система» – намереваются полностью разрушить его внутри, оставив лишь внешние стены. Для этой цели они используют многомиллионный заем «Европейского банка реконструкции и развития» (European Bank for Reconstruction and Development). Кстати, председателем совета директоров АФК «Система» является Владимир Еvtушенков, зять московского мэра Юрия Лужкова. На протяжении многих десятилетий поход в «Детский мир» был праздником для тысяч советских детей. Этот универсам способен очаровывать и сейчас. Его интерьер – словно сказочная страна, доставляющая радость детям любого возраста. Внешний же облик сооружения, напротив, преподает урок сдержанной, немногословной классики: его основательный, массивный каменный объем расчленен огромными арочными пролетами и со вкусом украшен хорошо прорисованными деталями. Подлинные оконные переплеты, выпол-

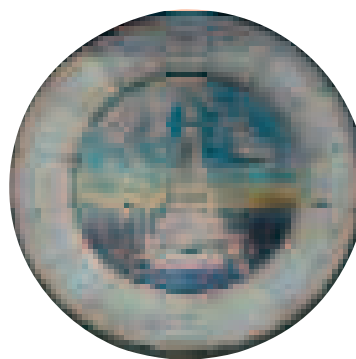
ненные из алюминия, – первые в своем роде в СССР. По плану владельцев эти переплеты должны быть заменены утолщенными стеклопакетами. Как и гостиница «Москва» (разрушенная в 2003 году), «Детский мир» представляет собой одно из ключевых сооружений центра города, играя роль доминанты среди открытых пространств исторического центра. Со стилистической точки зрения универсам (ставший последним проектом Алексея Душкина) знаменует смену господствующей архитектурной парадигмы, переход от сталинского «классицизма» к минимализму 1960-х годов. Если мы не сумеем сохранить столь прославленный памятник архитектуры, как «Детский мир», придется смириться с тем, что любое здание этого периода будет находиться в «группе риска».

Можно сколько угодно осуждать режим и идеологию, породившие московские архитектурные сооружения сталинской эпохи, но городские власти обязаны оценить их существенную роль в образе города, в его устройстве и жизни. Люди, ответственные за сохранение культурного наследия Москвы, должны признать за сталинскими зданиями статус значительных, вы-

Λ Arbatskaya Metro Station, Filyovskaya line, street-level entrance, Arbatskaya Ploshchad, by L. Teplitsky, 1935
Наземный павильон метро «Арбатская» Филевской линии. Арбатская пл.
Арх. Л. Теплицкий, 1935

V Hotel Peking, 5/1 Bolshaya Sadovaya Ulitsa, by Dmitri Chechulin, 1941-1956, summer 2005
Гостиница «Пекин». Большая Садовая ул., 5/1.
Арх. Д. Чечулин, 1941-1956.
Фото: лето 2005

Λ Decorative panel showing Boris Iofan's design for the Palace of the Soviets, Northern Boat Station, 51 Leningradskoye Shosse, by Rukhlyadev and Krinsky, 1932-1937
Декоративная панель Северного речного вокзала с изображением проекта Дворца Советов работы Бориса Иофана. Северный речной вокзал. Ленинградское ш., 51.

Арх. А. Рухлядев, М. Кринский, 1932-1937

сококлассных памятников архитектуры – памятников, обладающих мощной репрезентативной выразительностью, которая соответствует масштабам и положению огромной мировой столицы. В свою очередь, историкам архитектуры необходимо согласиться с тем, что эти произведения составляют примечательный пласт истории классической архитектурной традиции. Пока экономика Москвы продолжает переход к рыночным отношениям, и частная финансовая инициатива увеличивает свое влияние на состояние рынка недвижимости в городе, будет возрастать и угроза для рассматриваемых нами памятников. Таких катастрофических ситуаций, как снос гостиницы «Москва» и Института курортологии, а также предполагаемая реконструкция «Детского мира», несомненно, будет становиться все больше. К тому же, ничто не властно над временем: здания продолжают ветшать. Примерно через одно поколение многие сталинские сооружения приблизятся к своему столетнему юбилею. Все это настойчиво требует составления формального перечня архитектурных объектов и осуществления непредвзятой оценки их состояния. Многие из

зданий заслуживают присуждения статуса объекта культурного наследия и должны быть взяты под строгий государственный надзор – особенно те, которые находятся в пределах Садового кольца или вдоль него. Семь московских высоток и другие постройки сталинской эпохи с присущим им национальным чувством формы и размахом прославляют урбанистический дух прошлого и настоящего. Мы должны позаботиться о том, чтобы они смогли с достоинством занимать свое место в городском ландшафте Москвы и в будущем.

By Andrei Gozak

The 20th century is already history. So is its architecture. We now regard all the best that was built in the last century as our architectural heritage. Russia's 20th century architectural heritage is no less complex and contradictory than the country and century that produced it. Art Nouveau appeared in Russia around the beginning of the new century and, in contrast to the then equally dominant Eclecticism and Neo-Classicism, was by nature innovative, directed at a search for new forms, new building types and new materials. It set the pace for the 'heroic' avant-garde of the 1920s and early 1930s, better known as Constructivism – Russia's unique contribution to 20th century architectural history. But before it had reached its full potential it was displaced by the architecture of Socialist Realism – the so-called Stalin style, marked by a return to the forms of Classical architecture.

But in the middle of the 1950s, as part of the 'thaw' under Khrushchev, the death knell sounded for the Stalin style

too. The architecture that appeared in its wake has still not been given a stylistic 'tag' and is identified mainly by the date when it began to appear – 1955.

This date of November 4, 1955 has been fixed in history by the decree of the Central Committee of the Communist Party of the USSR and Council of Ministers of the USSR concerning the elimination of 'superfluities' in design and construction. In political terms this was Khrushchev's attack on the legacy of Stalinism. In professional terms it represented a rejection of Stalinist monumentalism and a step towards tackling social issues resulting from mass construction, guided by the contemporary experience of European post-war rationalism. Appeals were made to architects and structural engineers to reject superfluous decorative features and to switch their approach to more economical methods and more severe forms – in other words, to build rationally and more simply.

This change of direction in architecture was the result of a 'top-down' ini-

tiative, although views within the profession certainly had an effect as well. Just as happened to the proponents of Constructivism in the 1930s, the guilty parties were punished and not allowed to build any more. The rest were simply supposed to fall into line.

The younger generation viewed the decree with optimism. Architecture was no longer to be clothed in the garb of the past and would now deal with real contemporary issues. The profession was given a new boost. A large number of competitions, discussions and debates were held. There was a sudden influx of very interesting information about what was happening in the West. Those who were able to travel abroad discovered a completely different kind of architecture.

The wind of change first made itself felt at competitions. The most important was the All-Union competition for a design for the Palace of the Soviets (1957-1958), which by then was intended to be built on the Sparrow Hills.

Alexander Vlasov's exciting design

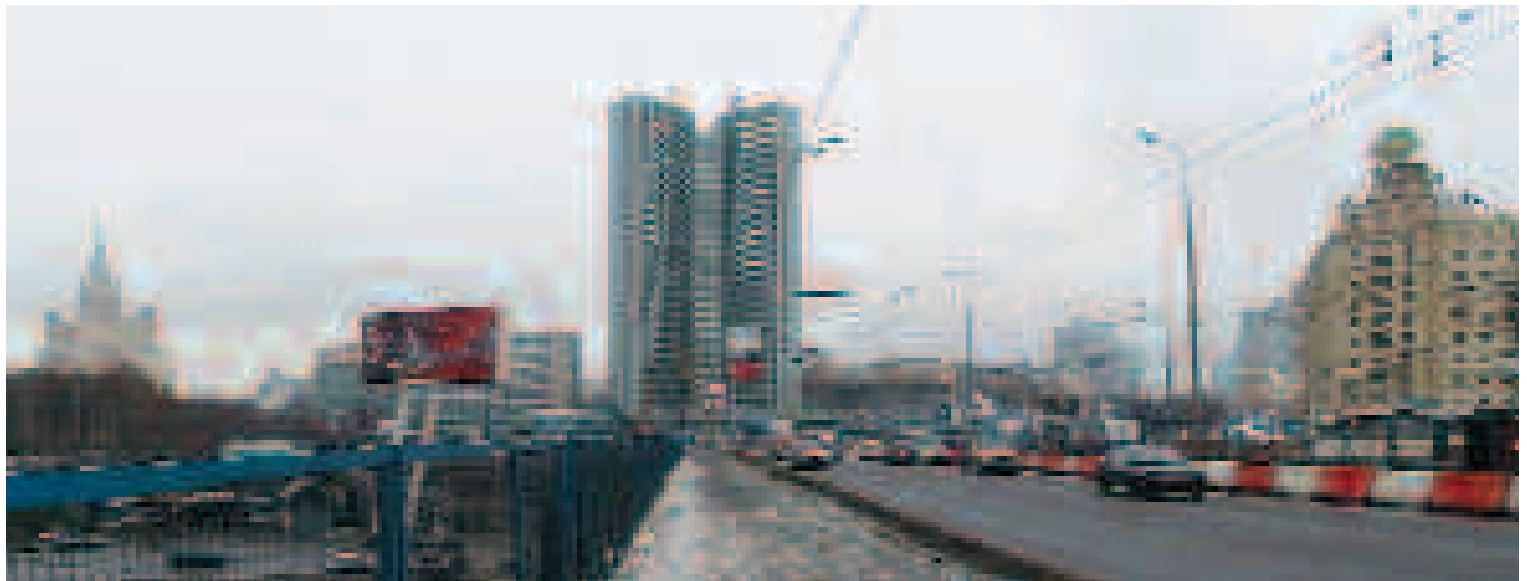
became the centrepiece of the exhibition in the Manezh. Heavy masses bearing the direct imprint of Stalinist monumentalism had given way to weightlessness, space and light. It was the clarity of the idea that was so attractive – the single open space of the foyer with its glazed perimeter 'flowed' around the streamlined volumes of the three halls. It was a true leap into the unknown.

Only Leonid Pavlov's design, executed in Ivan Fomin's 'Proletarian Classical' style was at all a match for it in terms of the strength of its composition.

But on the ground, the construction industry was slow to readapt. The legacy of the preceding period held out the longest in large official buildings. The central stadium in Luzhniki in central south-west Moscow, built in 1956 for the first national games for the peoples of the USSR is an instructive example. Both the architecture of individual buildings and the overall composition display classical symmetry and elements of a 'stripped classical' style.

V Council of Economic Mutual Assistance (COMECON) complex, 36 Ulitsa Novy Arbat, by Mikhail Posokhin, with Svirsky and Mdoiyants, 1964-1969. Winter 2005
Здание Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Новый Арбат, 56. Арх. М. Посохин, В. Свирский, М. Мдоянц, 1964-1969. Фото: зима 2005

Post-War Modernism Послевоенный модернизм

Андрей Гозак

XX век уже ушел в историю. Стала историей и его архитектура. Все лучшее, что было построено в предшествующем столетии, мы воспринимаем теперь как наше архитектурное наследие.

История России была непростой. Мы трижды менялись как страна. Российской империи в 1917 году пришла на смену Советская, гибель которой в 1991 году привела к рождению новой Рос-

сии – Российской Федерации, в которой мы теперь живем.

Отечественная архитектура XX века развивалась не менее сложно и противоречиво. Стиль, начавший архитектуру столетия, был устремлен к новому. Недаром он получил название «модерн». Он опирался на новую технику и строительные материалы – металл, стекло, железобетон. Реализовывал проекты новых типов общественных и производственных зда-

ний, искал альтернативу эклектике и неоклассике – своему главному оппоненту.

Следующий период отечественной архитектуры недаром получил название героического. Конструктивизм (это наиболее принятый термин для обозначения русского авангарда 1920-х – начала 1930-х гг.) признан всем мировым профессиональным сообществом как уникальное по количеству новаторских идей и художественных

открытий явление XX века. Опираясь на формальный язык художественного авангарда, выработанный еще в конце 1910-х гг., конструктивизм нашел адекватные ему архитектурные средства для выражения нового социального содержания и достижений строительной техники, огромный вклад в развитие которой был сделан выдающимися инженерами – В. Шуховым, В. Лолейтом, А. Кузнецовым и др.

In the early 1960s the Rossiya cinema, the hotel Yunost and the Pioneers' Palace were built in Moscow and in these the language of contemporary architecture is already evident. But the new language found its way more quickly into more commonplace buildings. In 1957, building work finished on the ninth quarter in the Moscow suburb of Noviy Cheryomushki, which defined how mass residential construction would develop in the rest of the country. The ninth quarter became a focus of national attention and a place of pilgrimage for professionals and Muscovites alike, a symbol of social optimism. These days many of the apartment blocks look modest and unprepossessing. But this does not diminish their value. These are monuments to a time of hope, to the time when Muscovites were being resettled en masse from communal flats to separate apartments.

Right from the start of this period onwards architecture was divided into mass design for standardised building

and individual designs for one-off structures. Both these spheres underwent a rigorous process of typification and standardisation. In mass construction this system became universal, while for one-off designs, divergences from the norm were permitted, although the use of metal or mass-cast concrete was kept under strict control.

Today, it is not hard to pin down the common flaw in typification and standardisation. In fact it was clear to many people even back then. It is in its extraordinary severity – a reduction to the minimum number of different sizes of block, pre-cast panel and carcass components and an inflation of their scale ad absurdum. All this restricted the possibility of different planning arrangements and rendered architectural geometry decidedly primitive. The result, despite all the huge effort expended, is endless acreage of mass-built housing of the lowest quality.

One can heap all the blame on the government, one can blame the builders who debased the initiative. But I think

that it was the architectural profession that was most to blame; architects gave up and showed that they could not care less about mass and standardised construction.

Do not forget that throughout architectural history, mass and standard-design construction have always been the result of a process of distillation of all that was wisest in construction experience. There was a good reason why standard designs were described as 'model' designs in the 18th century. It is enough here to cite the Greco-Roman villa with its atrium or the traditional Russian wooden *izba* (peasant cottage).

The language of Modernism did not take root immediately. The older generation had a lot to lose and the younger generation did not yet have the experience. The spiritual leader of young architects in Moscow was Leonid Pavlov, whose competition designs for the cinema on Oktyabrskaya Ploshchad (1959), the World Exhibition, which in the end did not take place in Moscow (1961) and the extension to the Izvestia building on

Pushkinskaya Ploshchad (1966) attracted a lot of attention from the public.

Moscow became the initiator of a restructuring of the architectural profession. But it soon lost its leading position to other cities and to Soviet republics located further away from the seat of government. Witness the work of architects in the Baltic States, who had closer ties to European culture and of architects in other Soviet republics.

In the 1970s, the desire to broaden the language of architectural form became stronger. Soviet architecture evolved in the stream of world-wide developments, primarily brutalism and structuralism. The influence of the work of Alvar Aalto, Kenzo Tange and Louis Kahn is obvious. The River Navigation Directorate by Maxim Bylinkin in Moscow, the Moscow Electronics Institute by Felix Novikov and Grigory Sayevich in Zelenograd to the north-west of Moscow and the Voronovo holiday home by Ivan Chernyavsky, also in the Moscow region and the only Soviet building to be included by Udo Kulter-

V Pioneers' Palace, 1/11
Vorobyovskoye Shosse, by
Yegereb, Kubasov, Novikov,
Palui, Pokrovsky and
Khazhakyan, 1959-1962
Дворец пионеров.
Воробьевское шоссе, 1/11.
В. Егереv, В. Кубасов, Ф.
Новиков, Б. Палуи, И.
Покровский, М. Хажакян,
1959-1962

Уже в начале 1930-х гг. конструктивизм, не успев реализовать и малой части своего новаторского потенциала, был отвергнут. На смену ему пришла архитектура так называемого социалистического реализма, принципы которого станут всеобщими для советского искусства. Сталинский стиль имел очевидные достижения в сфере формотворчества, опиравшегося на наследие ордерной архитектуры античности, Возрождения, русского классицизма и барокко. В эти трудные годы деспотической власти в стране работало много талантливых архитекторов – интерпретаторов исторического наследия.

Сталинский стиль прекратил свое существование в середине 1950-х гг., когда произошел поворот в социальном сознании общества, связанный с хрущевской «оттепелью». Архитектура последующего времени не получила до сих пор стилистического определения и фиксировалась только начальной датой – 1955 годом.

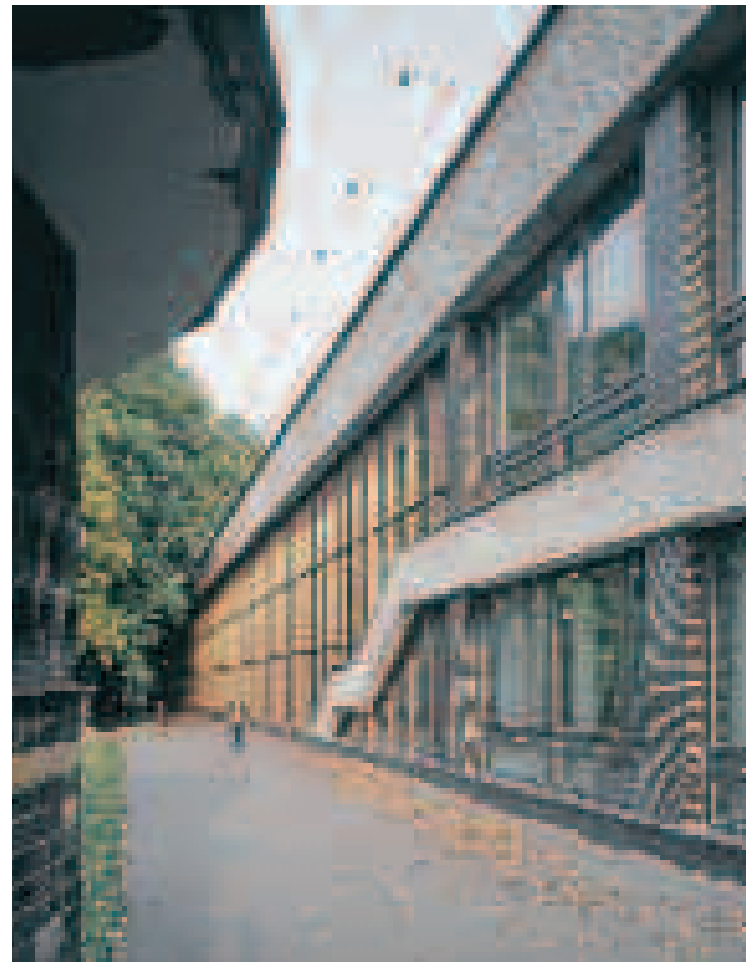
Эта дата официально закреплена Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 г.

Политически это был удар Н. Хрущева по наследию сталинизма. Профессионально – отказ от сталинского монументализма и обращение к социальной проблематике массового строительства, ориентированного на современный опыт европейского послевоенного рационализма. Архитекторов и строителей призывали отказаться от излишеств и вернуться к экономичным решениям и строгим формам – строить рационально и просто.

Поворот в архитектуре был инициирован сверху, хотя безусловное давление на изменение направленности архитектуры оказало и профессиональное сознание. Как и в 1930-е, главные виновники были наказаны и лишены возможности строить. Остальные должны были перестраиваться.

Молодежь встретила постановление с оптимизмом. Архитектура освобождалась от исторических оков и поворачивалась к реалиям времени. Профессиональная жизнь активизировалась. Проводилось много конкурсов, дискуссий, споров. Хлынул поток интереснейшей информации с Запада. Первые поездки за рубеж открыли «иную» архитектуру.

Первые ласточки новой архи-

Λ Noviyе Cheryomushki, 9th Block, Ulitsа Dmitriya Ulyanova, Ulitsа Grimau and Ulitsа Shvernika, by Osterman, Pavlov, Svirsky, Lyashchenko, Kalafatov, Fradin, Dichter, Nidelman, 1956-1958, archival photograph

Although many aspects of this 1950s housing experiment are considered a failure, strong communities have grown up in these areas that mark an

important stage of growth for Soviet mass housing. Many parts of the Noviyе Cheryomushki micro-region have already been demolished and the rest is under threat.

Новые Черемушки, квартал №9. Ул. Дмитрия Ульянова, Гримау, Шверника. Арх. Н. Остерман, Г. Павлов, В. Сvirский, С. Лященко, В. Калафатов, М. Фрадин, Е. Духтер, В. Нидельман,

1956-1958. Архивная фотография.

Хотя во многом этот экспериментальный градостроительный проект 1950-х годов считается провальным, он стал важной частью в развитии советского массового строительства. Многие части микрорайона Новые Черемушки уже снесены, а оставшиеся находятся под угрозой.

V Novocheryomushkinsky Market, 1/64 Lomonosovsky Prospekt, by Seletsky, 1960; to be demolished 2007 to make way for a multi-functional office complex, summer 2005

многофункциональный офисный комплекс. Лето 2005

тектуры появились на конкурсах. Самый значительный из них, Всесоюзный конкурс на проект Дворца Советов (1957-1958) предполагал разместить здание на Ленинских горах.

Захватывающий проект А. Власова стал центральным событием выставки в Манеже. Тяжеловесным громадам, несущим прямой отпечаток сталинского монументализма, он противопоставил легкость, пространство, свет. Подкупала чистота замысла – обтекаемые объемы трех залов «плавали» в едином открытом пространстве остекленного по периметру фойе. Это был подлинный рывок в неведомое. По силе композиции с ним мог конкурировать лишь проект Л. Павлова, выполненный в стиле «пролетарской классики» И. Фомина.

Реальная строительная практика перестраивалась медленно. Наследие предшествующего периода дольше всего удерживалось в крупных официальных объектах. Примером может служить комплекс Центрального стадиона в Лужниках, построенного в 1956 г. для проведения I-й Спартакиады народов СССР. В архитектуре его сооружений, как и в общей композиции, присутствовали и «клас-

сическая» симметрия, и элементы упрощенного ордера. Подобные черты «переходного» стиля можно было обнаружить и в архитектуре советского павильона на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. и в Кремлевском дворце съездов (1961).

В начале 1960-х в Москве были построены кинотеатр «Россия», гостиница «Юность», Дворец пионеров, где язык современной архитектуры высветивался достаточно ярко. Но быстрее всего новый язык внедрялся в более обыденных объектах. В 1957 г. заканчивается строительство 9-го квартала в Черемушках, который определил главное направление развития массового жилища в стране. 9-й квартал стал буквально «народным» объектом, местом паломничества профессионалов и жителей столицы, символом социального оптимизма. Многие из этих объектов выглядят теперь скромно и незаметно. Но это не снижает их ценности. Это памятники времени надежд – массового переселения москвичей в отдельные квартиры.

Здесь уместно напомнить, что уже с самого начала этого периода произошло разделение, вернее, раздвоение архитектуры на типовую – массовых объектов, и

на индивидуальную – уникальных сооружений. Обе эти сферы были подвержены строжайшей типизации и стандартизации. В сфере массового строительства эта система была глобальной, в сфере индивидуального – допускались отклонения, хотя применение металла или монолитного бетона, например, строго ограничивалось и контролировалось.

Сегодня, по прошествии времени, общий порок всей системы типизации и стандартизации определить нетрудно. Да и тогда он был многим ясен. Это уникальная жесткость: стремление к минимуму типоразмеров блочных, панельных и каркасных элементов конструкций, доведенное до абсурда укрупнение их размеров. Все это сковывало возможности

mann in his survey of new world architecture in 1976, are all major works from this period.

All these works need to be viewed as reinterpretations of already extant architectural ideas, but they are talented reinterpretations, the product of a thoroughly contemporary professional awareness and great mastery of form.

And buildings of this quality appeared everywhere. But the architects who were involved in getting them built did not have an easy time of it. Each of these unique buildings was born out of the heat of battles against obstructive Communist party bureaucracy and an excessively conservatively-minded construction industry.

In 1980 the Soviet Union hosted the Olympic Games in Moscow and Tallinn. In architectural terms they represented a defeat for Moscow. Apart from the bicycle track, everything else was mediocre. Only Tallinn emerged victorious, with the Yachting Centre in Pirita on the outskirts and the Palace of Culture and Sport right on the edge of the

historic centre.

The latter years of the 30-year period examined here were marked out by a series of first-class buildings, which stylistically can be categorised as late Modernism, including elements of Post-Modernism, which again appeared in the Baltic States before anywhere else.

In 1985, Perestroika began under Gorbachev. It set in train the events that led to the death of the Soviet Union and, consequently, to the death of what came to be known as Soviet architecture.

In evaluating Soviet architecture of the period from 1955 to 1985 as a whole, we are obliged to place it within the historical context of the 20th century. Of course, it is not on an equal footing with the heroic period of the Soviet avant-garde of the 1920s. Soviet architects of the post-war Modernist generation were not trail-blazers, but they did return to the fold of cultural processes in the wider world and began to move in the same direction as other 20th century architects. However critically we may view Soviet modernism of this period, it

made a real and tangible contribution to 20th century architecture. And today this is now evident. The best architectural works of this period evidence not only the creative power of their authors, of national traditions and local schools,

but also the spirit of the age that produced them. The more vividly these buildings express this age, the more valuable they are for history and culture.

▲ Hotel Yunost, 34 Ulitsa Khamovnichesky Val, by Yury Arndt et al., 1961, archival photograph
Гостиница «Юность».
Хамовнический Вал, 34.
Арх. Ю. Арндт и др., 1961.
Архивная фотография

планировки и приводило к фактическому примитиву архитектурной геометрии. Результат, несмотря на огромные затраты труда, – бесконечные пространства архитектурной «массовки» самого низкого качества.

Можно все свалить на власть, можно обвинять строителей, которые захватили инициативу. Но, думаю, сплеховала архитектурная профессия, сдала свои позиции, проявила безразличие к массовому и типовому строительству. Вспомним историю архитектуры, в которой массовое и типовое (не зря еще в XVIII в. первые типовые проекты назывались «образцовыми») всегда конденсировало наиболее мудрый строительный опыт. Назовем хотя бы греко-римский атриумный дом или русскую избу.

Язык современной архитектуры осваивался не сразу. Старшее поколение многое потеряло, а молодое еще не имело опыта. В Москве властителем дум молодежи был Леонид Николаевич Павлов, чьи конкурсные проекты кинотеатра на Октябрьской площади (1959), Всемирной выставки, которая так и не состоялась в Москве (1961), и здание газеты «Известия» на Пушкинской площади (1966) имели широкий общественный резонанс.

Москва стала инициатором архитектурной перестройки. Но вскоре потеряла лидирующее положение, уступая другим городам и республикам, расположенным дальше от центральной власти. Свидетельством тому станут работы архитекторов Прибалтики, обладающих более тесными связями с европейской культурой, и других республик.

В 1970-е годы тяга к расширению языка архитектурных форм усиливается. Отечественная архитектура эволюционирует в русле мировых тенденций, в первую очередь брутализма и структурализма. Воздействие творчества А. Аалто, К. Танге, Л. Кана очевидно. Примерами могут служить здания Управления речного пароходства М. Былинкина в Москве, МИЭТа (Московский институт электронной техники) Ф. Новикова и Г. Саевича в Зеленограде, пансионата «Вороново» И. Чернявского, единственного советского объекта, включенного У. Культерманом в панораму мировой архитектуры 1970-х гг.

Талантливые интерпретации известных архитектурных тем, отмеченные современным уровнем профессионального сознания и высоким формальным мастер-

ством, возникали повсюду. Но тем, кто участвовал в их создании, было нелегко. Каждая неординарная постройка рождалась в упорной борьбе с косностью партийно-бюрократического аппарата, максимально консервативной строительной технологией.

1980 год – год Олимпийских игр, проводившихся в Москве и Таллине. В архитектурном плане Москва их проиграла. Не считая велотрека, все остальное было ниже среднего. Выиграл только Таллин, возведя два первоклассных сооружения – Центр парусного спорта в Пирите и Дворец культуры и спорта, построенный прямо на границе исторического центра города.

Последние годы рассматриваемого тридцатилетия отмечены рядом первоклассных построек, стилистику которых можно отнести к позднему модернизму, включающему элементы постмодерна. В 1985 г. началась горбачевская перестройка. Она открыла путь к исторической смерти Советского Союза, а значит, и к смерти того явления, которое называлось «советская архитектура».

Оценивая в целом отечественную архитектуру 1955-1985 гг., мы обязаны встроить ее в историче-

ский контекст XX века. Безусловно, она уступает «героическому периоду» нашего авангарда 1920-х гг. Мы не были лидерами, но все же вернулись в лоно общемирового культурного процесса и двигались в одном направлении с архитектурой века. Как бы критично мы ни относились к такому явлению, как «советский модернизм 1955-1985 гг.», его вклад в архитектуру XX века вполне реален и ощутим. И сегодня это очевидно.

В лучших произведениях архитектуры этих лет прослеживается не только творческая сила создателей, национальных традиций и местных школ, но и дух времени, породившего их. Чем ярче эти произведения выражают свое время, тем ценнее они для нашей истории и культуры.

Edmund Harris

The conditions necessary for the creation of high class modern architecture are only just starting to develop in Moscow. Despite the numerous aesthetic offences committed by architects and town planners against the historic city, some good modern buildings have begun to appear in the city, not least the new wave of Classical architecture.

Nikita Khrushchev's 'war on superfluities' in reaction to the monumental, ornate Stalin style, resulted in architecture being demoted from an art form to mere construction. Unadorned Modernism held sway, but with the exception of a handful of well-designed prestige projects, such as the Palace of Congresses in the Kremlin, rather than picking up where Constructivism left off, it embodied all that was worst about Modernism. Under Khrushchev, apartment blocks were built to standard designs, often from prefabricated components; speed was of the essence to relieve the acute housing shortage. The architect became a constructor and

architecture was bureaucratised, turning into a subdivision of the planning authorities.

Thus, when capitalism appeared, and with it a property market, there was no architecture ready to serve it. Many buildings that appeared in the early 1990s were a reaction to what was worst about Soviet architecture. They were built by developers and architects trained under the previous system, who, while knowing what they were trying to escape, had little idea of what they were aiming for. This resulted in the 'Legoland-style', so typical of the beginning of the era of Moscow Mayor Yuri Luzhkov, with ineptly designed turrets grafted onto blockish forms and ostentatious polished granite cladding. Much contemporary architecture also suffers from poor standards of construction work in a market dominated by unqualified gastarbeiter from impoverished CIS states.

The Luzhkov style established itself with the first big projects undertaken in the city following the end of Commu-

Contemporary Architecture Современная архитектура

Эдмунд Харрис

Писать о современной архитектуре в Москве – задача не из легких. Прежде всего, из-за целого ряда настоящих преступлений, совершенных современными архитекторами и градостроителями по отношению к исторической части города. Существенным фактором является также и то, что условия, необходимые для нормального развития и оценки качественной современной архитектуры, только начинают формироваться. Эта ситуация явилась следствием того положения вещей, которое сложилось в архитектуре к концу советской эпохи. И хотя в городе все же появилось некоторое число заслуживающих внимания современных зданий, мы до сих пор не можем прийти к каким-то окончательным оценкам феномена современной московской архитектуры, в первую очередь потому, что субъективный подсчет определенного количества «хороших» и «плохих» сооружений нам ничего не дает.

Получилось ли у современной российской архитектуры выработать свой собственный выразительный язык – вопрос, горячо обсуждаемый. При этом он сводится примерно к следующему: должно

ли будущее ее развитие идти по пути подражания тем образцам, которые считаются прогрессивными в Западной Европе и Америке, или же российские архитекторы должны избрать для себя какое-то особое направление? Сторонники последней точки зрения утверждают, что многие современные городские здания, вполне достойные по местным представлениям и хорошо в Москве встреченные, в контексте более зрелой и продвинутой мировой архитектурной традиции кажутся совершенно неинтересными.

Результатом «войны с излишествами», начатой Никитой Хрущевым в качестве реакции на торжественный, богато декорированный сталинский стиль, явилось то, что архитектура была низложена с пьедестала искусства и превращена в простое строительство. Повсюду стал господствовать голый модернизм. При этом за исключением нескольких хорошо спроектированных официальных сооружений, таких как Кремлевский дворец съездов, архитектура этого времени воплотила в себе все самые худшие стороны модернизма, вместо того чтобы продолжить, как этого можно было ожидать, обрванное Сталиным развитие со-

▲ New Moscow State University Library, by Gleb Tsytoich and Yuri Grigoryev, Lomonosovsky Prospekt, completed 2004-2005
Новое здание Библиотеки МГУ. Ломоносовский проспект, 27. Арх. Г. Цытович и Ю. Григорьев, 2004-2005 год

▼ Pavilion for Vodka Ceremonies, Klyazminskoye reservoir, Mytishchi district of the Moscow region, by Alexander Brodsky, 2003
Павильон Водочных церемоний. Клязьминское водохранилище, Мытищинский район Московской области. Арх. А. Бродский, 2003

ветского конструктивизма. При Хрущеве многоквартирные дома строились по типовым проектам, как правило, из изготовленных заводским способом элементов; ско-

рость строительства была жизненно важна для решения проблемы острой нехватки жилья в стране. Функция архитектора была лишена каких-либо творческих или ху-

nism, such as the Okhotny Ryad underground shopping mall (1997). It is dying hard, as is shown by the office and shopping centre at 31 Novinsky Bulvar (2003), and the new library of the Moscow State University (2005). The decorative trimmings characteristic of the style are a perfect vehicle for Luzhkov's court artist Zurab Tsereteli, whose crude monumental sculptures are to be found throughout the city.

The architects of the Luzhkov style are predominantly those working in the various branches of Mosproyekt, the formerly state-run architecture and planning department, now joint stock companies that still enjoy close ties with the city authorities. The powerful influence of Mosproyekt, who are awarded most major construction projects, and the highly bureaucratic and corrupt planning system, make it difficult for new architects to build in the city, to say nothing of foreign architects. Few projects by foreign architects planned for Moscow have materialised, and many have been abandoned. Eric van Eger-

aat's Russian Avant-Garde development, a complex of luxury apartment blocks styled on motifs drawn from early 20th century Russian avant-garde painters, was put on ice in 2004 after Luzhkov announced that it should be built on a more prominent site. However, this situation may now change with Norman Foster's plans launched in March 2006 for the 600 metre-high Russia tower.

Due to these difficulties, many architects prefer to work outside the city on smaller projects. These are simpler to steer through the planning process, and there are fewer pressures on the sites. Consequently, some of the best new buildings are private suburban houses and villas built for wealthy clients in the Moscow region. Unfortunately this means that much of it is inaccessible to the public, with the exception of the Bay of Joy complex, on the site of a Khrushchev-era holiday camp on the banks of the Klyazminskoye reservoir just outside the city. This has become a showcase for good new contemporary Russian architecture.

Many of the buildings are private houses, but there are also public buildings, such as a yacht club and restaurants. Architects whose work here has helped to establish their reputation include Yevgeny Asse, Alexander Brodsky and Totan Kuzembayev. The buildings are almost all wooden, and many draw on motifs from the vernacular. Some, like Brodsky's Pavilion for Vodka Ceremonies, blur the boundaries between architecture and conceptual art – a reminder that some of the most influential Russian architecture have been impermanent buildings, such as Konstantin Melnikov's pavilion at the Paris Exposition Internationale des Arts Decoratifs et Industriels Modernes in 1925, and unexecutable 'paper projects,' such as Vladimir Tatlin's Monument to the Third International.

There is a growing awareness on the part of developers that good architecture is important, not least as a valuable commodity for the new moneyed class that travels widely, and has increasingly high standards. Some of the best new

buildings of recent years are luxury apartment blocks, many of which are going up in the exclusive Ulitsa Ostozhenka area, providing some compensation for the large number of historic buildings destroyed there as a result of the present property boom. One of the most outstanding of these is Sergei Skuratov's Copper House on Butikovskiy Pereulok, clad in green patinated copper and finished in 2004, and Project Meganom's sharp modernist apartment building on Molochny Pereulok, with a graceful bowed facade, fine detailing and stone cladding (finished 2003), widely acknowledged to be one of Moscow's best recent buildings.

Some of the good new office buildings include Ostozhenka architectural bureau's office block on 1st Brestskaya Ulitsa, nicknamed 'The Penguin Building' because of its outward bulging street facade. Also, ABD Limited's slick Hi-Tech combined showroom and office building for Mercedes Benz on Leningradskiy Prospekt, and DNK's office block composed of shifting, brick-clad

> Copper House luxury apartment block, 5 Butikovskiy Pereulok, by Sergei Skuratov Architects, completed summer 2005
Элитный жилой дом «Копер хаус». Бутиковский переулок, 5. Арх. С. Скуратов. Окончен летом 2005

дожественных составляющих: он низводился до положения инженера-конструктора. Профессия архитектора чрезвычайно бюрократизировалась, превратившись в придаток планирующих градостроительных органов.

Таким образом, к моменту утверждения в России капиталистических отношений (а соответственно, и рынка недвижимости) фактически не существовало архитектуры, способной их обслуживать. Большинство зданий, построенных в начале 1990-х годов, представляли собой в некотором смысле реакцию на все то, что в архитектуре советского времени воспринималось как отталкивающее и неприемлемое. Однако возведением этих новых зданий руководили застройщики и архитекторы, получившие свое образование и профессиональный опыт еще при старом режиме, то есть люди, осознававшие, от чего они всеми силами хотели избавиться, но не обладавшие четким представлением о том, к чему именно они в итоге хотят прийти. Отсюда все эти башенки, без всякого чувства сочетаемости посаженные на грузные фасадные объемы, показная облицовка из полированного гранита и прочно ассоциирующая-

А Office building, 47a Ulitsa Vavilova, by DNK architectural group, completed 2005
Офисное здание.
Ул. Вавилова, 47-а.
Архитектурная группа ДНК.
Окончено в 2005

В Dvoryanskoye Gnezdo (A Nest of Gentryfolk), luxury apartment block, Bolshoi Lyovshinsky Pereulok, by Ilya Utkin et al., completed 2004
Элитной жилой дом «Дворянское гнездо», Большой Левшинский пер.,
Арх. И. Уткин и др. Окончен в 2004

horizontal planes on Ulitsa Vavilova. An especially sensitive new addition to a historic building is the new belltower for the Church of the Great Ascension on Bolshaya Nikitskaya Ulitsa. Like many Moscow churches, it had its belltower demolished in the 1930s during the height of the anti-religion campaign. The belltower had been left over from a previous, late 17th century church on the site which was demolished and rebuilt in the 1810s to 1830s, and stylistically it had nothing in common with the existing building. When the belltower was rebuilt in 2003, architects built it to supposedly unexecuted original early 19th century designs. Irrespective of how sound the claims to authenticity may be, the superbly executed design harmonises perfectly with the existing building, providing it with a much needed vertical emphasis. It is a handsome addition to one of the historic centre's best preserved streets. Another imaginative approach to a historic building is the renovation of the Yaroslavsky Vokzal by Timur

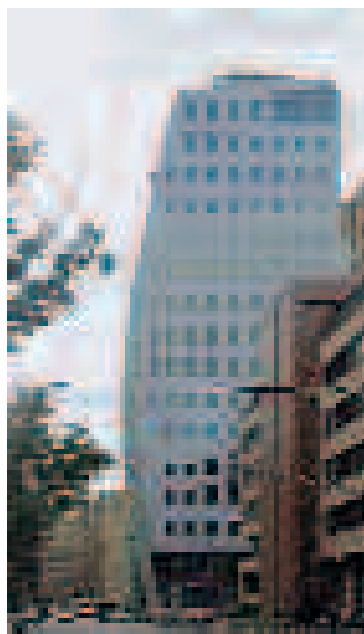
ся с эпохой Лужкова общая стилистика, напоминающая какой-то конструктор «Lego». Один из наиболее характерных образцов этого архитектурного явления, по иронии судьбы, находится непосредственно за зданием городской мэрии на Тверской – это бизнес-центр «Усадьба». В своих худших формах новая московская архитектура представляет собой всего лишь «коробку», призванную вместить в себя максимум рентабельной площади.

Лужковский стиль утвердился уже в первых крупных городских проектах, воплощенных в жизнь после крушения коммунизма – в частности, в подземном торговом комплексе «Охотный ряд» (1997). И стиль этот уходит в прошлое весьма неохотно, как показывают завершённый в 2003 году торговый центр по адресу Новинский бульвар, 31 (хотя это здание и построено намного позже запланированного срока из-за финансового кризиса 1998 года) и новое здание библиотеки Московского государственного университета, открытое в 2005 году. Архитекторы, работающие в русле лужковского стиля, в основном представляют различные подразделения организации «Моспроект», когда-то являвшейся госу-

дарственным департаментом по архитектуре и планированию, а ныне ставшей акционерным обществом. Характерный для нового московского стиля тип декоративной отделки предоставляет широкое поле деятельности для «придворного» художника Лужкова и официального поставщика городских скульптурных монументов – Зураба Церетели. Развитию московской архитектуры также явно не способствуют низкие стандарты собственно строительных работ, выполняющихся, как правило, приезжими работниками из обедневших стран СНГ.

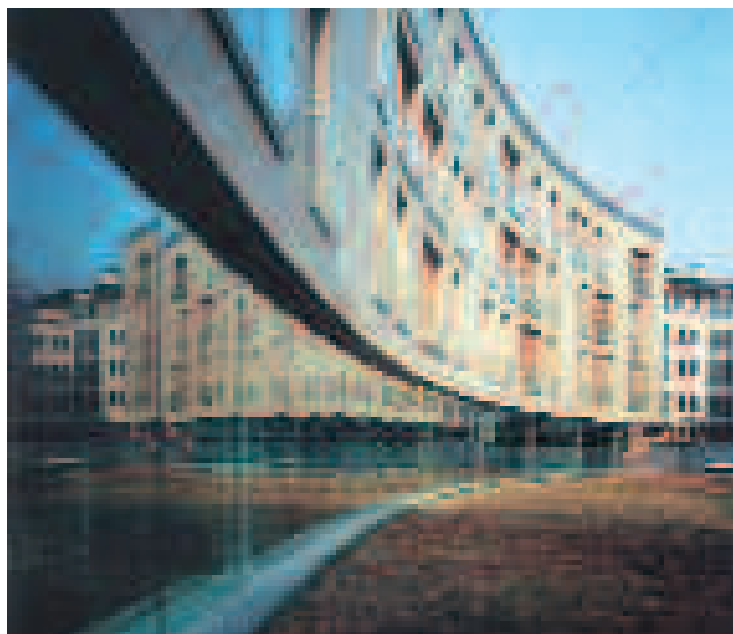
Мощное влияние «Моспроекта», получающего все основные строительные заказы в городе, а также чрезвычайно бюрократизированная и коррумпированная система планирования лишают новых архитекторов возможности строить в Москве, не говоря уже об архитекторах иностранных, не знакомых с «тонкостями» местной системы. В результате были осуществлены лишь немногие проекты, предложенные Москве зарубежными архитекторами. От значительной их части власти отказались уже после того, как дали согласие на их реализацию. В эту категорию попадает, например,

Bashkayev's architectural studio. Designed by Fyodor Shekhtel and Lev Kekushev, the station is an exceptional Art Nouveau building of 1901-04. It was twice significantly altered during the Soviet era, both structurally and decoratively. During the renovation, finished in summer 2005, many original details of Shekhtel's building, that had been disfigured or plastered over, were uncovered and restored. Likewise, the 1960s additions were revealed to be a distinguished piece of design and incorporated into the final ensemble that was greatly improved by some fresh, modern additions.

The wave of modern Classical architecture which has appeared in the last two years in Moscow is of particular interest. Parallels can be drawn with the work of Raymond Erith and Quinlan Terry in Britain. One of the first of these buildings was the Dvoryanskoye Gnezdo (Nest of Gentryfolk – a deliberate reference to Turgenev's novel of the same name) apartment building on Bolshoi Lyovshinsky Pereulok by Ilya Utkin

▲ Office building (nicknamed 'The Penguin Building'), 29/22 1st Brestskaya Ulitsa, by Ostozhenka Architects, 2004

Административное здание (так называемый дом «Пингвин»). 1-я Брестская ул., 29/22. Арх. мастерская «Остоженка», 2004

▼ Rimsky Dom (Roman House) luxury apartment block, 2 2nd Kazachy Pereulok, by Mikhail Filippov, completed 2005

Элитный жилой дом «Римский дом», 2-й Казачий переулоч, 2. Арх. М. Филиппов. Окончен в 2005

▲ Luxury apartment building, Molochny Pereulok, by Project Meganom, 1998-2002
Элитный жилой комплекс в Молочном пер. Проект Меганом, 1998-2002

квартал «Русский авангард» Эрика ван Эгерата, представлявший собой элитный комплекс жилых домов, оформленный по мотивам русского авангардного искусства начала 20 века. Этот проект был заморожен в 2004 году, после того как Лужков объявил, что комплекс должен быть построен на более заметном месте. Ситуация, однако, теперь может измениться, принимая во внимание недавно принятый проект 600-метровой башни «Россия», разработанный Норманом Фостером. Сооружение должно стать самым высоким в Москве.

Как следствие, многие архитекторы предпочитают работать за чертой города над менее масштабными проектами. Такие проекты намного проще провести через процесс всевозможных согласований, да и на строительных площадках возникает значительно меньше беспокойства. Поэтому лучшими образцами современной российской архитектуры можно считать частные загородные дома и резиденции, построенные для состоятельных клиентов в Подмосковье. К сожалению, это означает, что они практически недоступны широкой публике. Благополучным исключением из этого ряда является комплекс «Бухта Радости»,

расположенный на месте бывшего хрущевского летнего лагеря на берегу Пироговского водохранилища, прямо рядом с городом. Этот комплекс представляет собой своеобразную «экспозицию» качественной новой архитектуры и, возможно, является единственным местом в России, где подлинно современная архитектура воплотилась в жизнь.

Большинство зданий в «Бухте Радости» – частные дома, но есть в ней также и общественные постройки, такие как рестораны и яхт-клуб. Среди архитекторов, которые приобрели известность благодаря своей работе здесь – Евгений Асс, Александр Бродский и Тотан Кузембаев. Почти все здания выполнены из дерева, и во многих из них использованы мотивы народного зодчества. Некоторые сооружения, например «Павильон для водочных церемоний» Бродского, стирают границы между архитектурой, скульптурой и концептуальным искусством, напоминая о том, что ряд самых важных произведений советской архитектуры являлись либо временными постройками (например, павильон СССР Константина Мельникова на Международной выставке декоративно-прикладного искусства в Па-

(2004). Utkin's is an intelligent and highly personal interpretation of Classicism. Mikhail Belov's apartment building on Filippovskiy Pereulok (2005), was quickly nicknamed the Pompeian house on account of its brightly colourful and exuberant facade, in which motifs and colour schemes drawn from late 18th century interior design inspired by Pompeian frescoes are reworked and applied to the exterior. Meanwhile, Dmitry Barkhin has used Classical architecture in his designs for office buildings with projects on Novinsky Bulvar, Ulitsa Radio and Bolshaya Pochtovaya Ulitsa. The Palladian detail of all of these buildings is exquisite.

Mikhail Filippov's 'Roman House' on 2nd Kazachy Pereulok is the first major project by Russia's most committed Classicist. A large circular courtyard provides a dramatic approach to the entrance.

Like Utkin, Belov, Brodsky and Kuzembayev, Filippov was part of a movement known as the *bumazhniki*, or 'paper architects', a group of young con-

ceptualist architects propelled to fame in the late 1970s and 1980s by their victory in international competitions with thought-provoking and fantastical designs. That such architects, who once stood so far from officialdom, should now be building in the centre of the capital is an encouraging sign that Russian architecture is moving in the right direction.

▲ Office building, 36 Bolshaya Pochtovaya Ulitsa, by Dmitry Barkhin, 2005
Административное здание. Ул. Б. Почтовая, 36. Арх. Д. Бархин, 2005

риже, 1925), либо «бумажными» проектами, не реализованными или по определению нереализуемыми (в частности, «Памятник Третьему Коммунистическому Интернационалу» Владимира Татлина, 1919-1920).

Все же было бы несправедливо представлять всю современную архитектуру Москвы в негативном свете. И хотя ни один из современных российских архитекторов пока еще не приобрел широкой известности, можно говорить о том, что застройщики постепенно убеждаются в одном: высокое качество архитектуры действительно имеет значение. Не в последнюю очередь потому, что хорошая архитектура привлекает обеспеченных заказчиков, которые повидали мир и сформировали высокие стандарты в отношении своего архитектурного окружения. Примером «качества архитектуры как товара» может служить ряд дорогих жилых домов, построенных в основном в престижном районе Остоженки и в определенной степени компенсирующих уничтожение огромного количества исторических зданий на этой территории в результате наблюдающегося всплеска активности на рынке недвижимости. Особого внимания заслуживает

«Медный дом» Сергея Скуратова в Бутиковском переулке (2004), облицованный зеленой патинированной медью, а также остро модернистский жилой дом в Молочном переулке, возведенный группой архитекторов «Проект Меганом» (2003 г.). Последнее здание, с его изящным вогнутым фасадом, тонкой детализировкой и каменной облицовкой, считается одним из лучших в Москве за последние годы. Практически завершенный жилой дом в Коробейниковом переулке, той же фирмы, похоже, сможет достойно продолжить этот список.

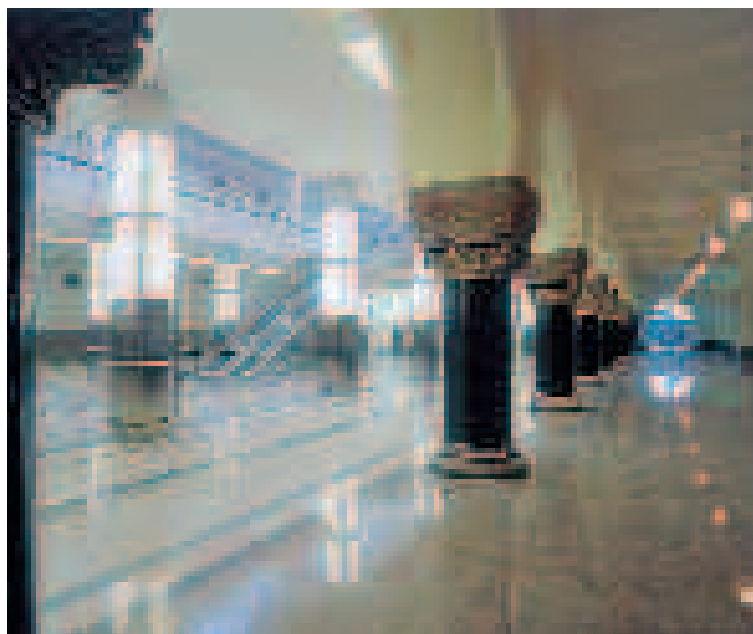
Интересные офисные здания встречаются не так часто. К приятным исключениям относятся: административное здание на 1-й Брестской ул., получившее прозвище «Пингвин» благодаря своему выпуклому уличному фасаду (архитектурное бюро «Остоженка»), многофункциональный офисный центр с интегрированным выставочным комплексом Mercedes Benz на Ленинградском проспекте, последовательно воплощающий принципы стиля high-tech (фирма «ADB-Architects»), а также кирпичное офисное здание на ул. Вавилова, фасадный ритм которого строится на смещениях и сдви-

гах горизонтально организованных объемов («Архитектурная группа ДНК»).

Нельзя также не упомянуть два примера бережного и вместе с тем изобретательного подхода к реконструкции исторических сооружений в Москве. Первым из них является реставрация ансамбля церкви Большого Вознесения на Большой Никитской улице. Колокольня церкви, как это произошло со многими другими московскими храмами, была снесена в 1930-е годы, в разгар развернутой большевиками антирелигиозной кампании. Необходимо отметить, что на тот момент церковный ансамбль сохранял колокольню конца 17 века, возведенную для изначально стоявшего на этом месте храма, снесенного и перестроенного в 1810-1830-е годы. Со стилистической точки зрения колокольня не имела с главным объемом церкви 19 века ничего общего. Во время обсуждения вопроса о восстановлении колокольни (оно было осуществлено в 2002-2004 гг.) было принято решение реализовать проект начала 19 века, как считается, предназначавшийся именно для ансамбля церкви Большого Вознесения. Вне зависимости от того, насколько оправ-

данными являются возражения относительно исторической подлинности новой колокольни, она смотрится великолепно и настолько естественно сочетается с церковью, что только люди, которые помнят храм без колокольни, могут сказать, что она совсем новая. Колокольня придает приземистому и слегка нескладному зданию церкви необходимую вертикальную доминанту, превращаясь вместе с тем в выразительный элемент архитектурного силуэта улицы, в значительной степени сохранившей свою историческую застройку.

Второй пример – реновация Ярославского вокзала, выполненная архитектурным бюро Тимура Башкаева. Спроектированный Федором Шехтелем и Львом Кекушевым в 1901-1904 годах вокзал является одним из наиболее ценных памятников стиля модерн в Москве. В советское время он дважды существенно перестраивался, причем изменения затрагивали как конструкции, так и декоративное оформление. Центральной задачей реновации, законченной летом 2005 года, была попытка эффективно использовать те возможности, которые здание имело в существующем, уже трансформированном состоянии, а не стремле-

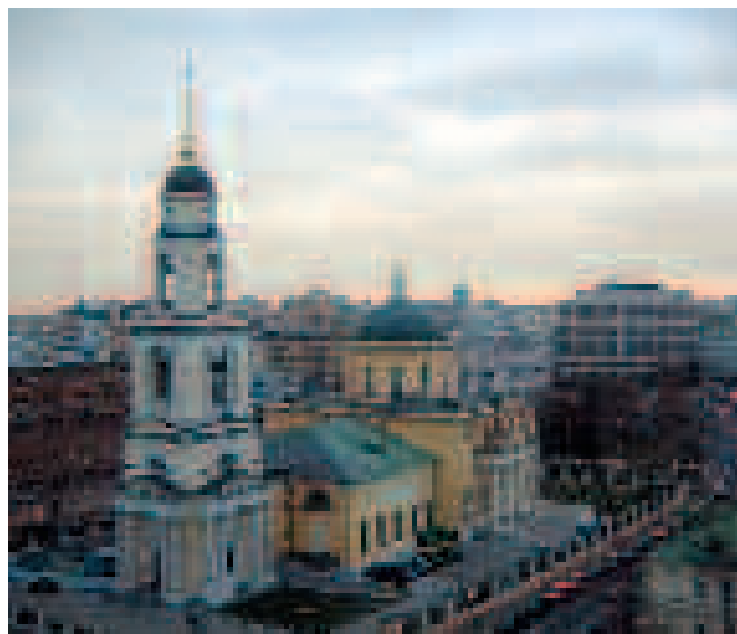
▲ View of the interior of the Yaroslavl Station with the restored arcade by Lev Kekushchev, restored and renovated by Timur Bashkaev's Architectural Bureau, opened in 2005
Вид интерьера Ярославского вокзала, с отреставрированной аркадой работы архитектора Льва Кекушева. Арх. бюро Тимура Башкаева, 2005

ние всеми силами вернуть ему изначальный вид. Несмотря на это были открыты и отреставрированы многие подлинные шехтелевские детали, которые в результате реконструкций советского времени оказались искаженными, заложеными новой кладкой или же заштукатуренными, а элементы здания, добавленные в 1960-е годы, в свою очередь, теперь смотрятся как вполне достойные образцы стилистики своей эпохи. Одним словом, весь ансамбль вокзала, путем привнесения в него ряда свежих инновационных решений, был существенно улучшен.

Наконец, стоит особо сказать о таком направлении в современной московской архитектуре, как неоклассицизм, выкристаллизовавшийся за последние два года. В определенном смысле этот феномен в чем-то сродни работам Реймонда Эрита и Квинлана Терри, хотя он и не обязан своим возникновением их прямому влиянию. Одним из первых зданий этой классицизирующей тенденции является жилой дом «Дворянское гнездо» (закончен в начале 2004 г., архитектор Илья Уткин) в Большом Левшинском переулке, содержащий в своем названии сознательную аллюзию на одноименный

роман И.С. Тургенева. Стиль этого дома представляет собой осмысленное и глубоко индивидуальное толкование классического языка архитектуры, полностью обособленного от традиционных форм российского зодчества. Другой образец – жилой дом в Филипповском переулке (закончен весной 2005 г., архитектор Михаил Белов) – быстро приобрел прозвище «Помпейский дом» из-за своего яркого, пышно расцвеченного фасада, в оформлении которого использованы мотивы и цветовые сочетания, отсылающие к стилизованному в духе помпейских фресок интерьеру конца 18 века. Тем временем Дмитрий Бархин продемонстрировал, что классические формы могут с не меньшим успехом применяться и к офисным сооружениям, о чем красноречиво говорят выполненные им проекты на Новинском бульваре, улице Радио и Большой Почтовой. Изящные палладианские детали всех трех перечисленных зданий свидетельствуют о немалой эрудиции и творческой изобретательности автора.

Вероятно, самым репрезентативным «неоклассическим» зданием Москвы является «Римский дом» Михаила Филиппова во 2-м

▲ The 'recreated' bell tower of the Church of the Great Ascension, 36 Bolshaya Nikitskaya Ulitsa, 2003-2004
«Воссозданная» колокольня церкви Большого Вознесения на Большой Никитской улице, окончена в 2003-2004

Казачьем переулке. Это первый крупный проект архитектора, убежденного в том, что классический архитектурный язык – единственная жизнеспособная форма, стимулирующая развитие архитектуры. Элегантный дом Филиппова представляет собой жилой комплекс в палладианском стиле с большим, круглым по форме внутренним двором, частично «вырывающимся» на улицу сквозь фасад. Вообще, наблюдаемое в Москве последовательное и серьезное возрождение классики, пожалуй, может стать намного более ощутимым, поистине национальным вкладом России в современную архитектуру, чем любые попытки угнаться за достижениями давно утвердившегося в Западной Европе модернизма. Как и Уткин, Белов, Бродский и Куземаев, Филиппов был членом движения, определяемого сегодня как «бумажная архитектура». В группу «бумажников» входили молодые архитекторы-концептуалисты, прославившиеся в конце 1970-х – 1980-е годы благодаря неоднократным победам их незаурядных, остроумных и совершенно утопических проектов на международных конкурсах. Тот факт, что эти архитекторы в свое время вообще

не допускались до официально-ангажированного строительства, а теперь получают заказы в самом центре столицы, в целом служит хорошим знаком и свидетельствует, что российская архитектура движется в правильном направлении.